

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЛУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО»**

Институт истории и права

Кафедра истории

Полугодин Андрей Дмитриевич

**БОРЬБА С ПРОЯВЛЕНИЯМИ АДМИНИСТРАТИВНОГО
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель –
Кандидат исторических наук, доцент
Кометчиков И. В.

Калуга – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Условия формирования органов «русской администрации» и социальный портрет коллаборанта западнорусской деревни.....	43
1.1. Образование и устройство коллаборационного аппарата.....	43
1.2. Социальный состав и формирование коллаборационной мотивации у жителей западнорусской деревни.....	82
Глава 2. Гражданская коллаборационная администрация в западнорусской деревне между партизанами, оккупантами, населением.....	104
2.1. Взаимоотношения с партизанами.....	104
2.2. Взаимоотношения с немецкой администрацией.....	126
2.3. Взаимоотношения с местным населением.....	152
Глава 3. Политика возмездия советского государства в отношении коллаборантов западнорусской деревни.....	179
3.1. Политика возмездия советской власти в отношении коллаборантов в начальный период войны.....	179
3.2. Выявление и наказание коллаборантов в период окончательного освобождения западнорусской деревни.....	203
Заключение	233
Список сокращений.....	241
Список источников и литературы.....	244
Приложение.....	282

Введение

Актуальность темы. Планируя войну против СССР, верхушка Третьего рейха предполагала вести ее не только в форме вооруженной борьбы. А. Гитлер за полгода до нападения на СССР вещал: «Предстоящая кампания – это нечто большее, чем просто вооруженная борьба; это – конфликт двух мировоззрений. Учитывая размеры русских просторов, для окончания этой войны недостаточно будет разгромить вооруженные силы противника. Вся территорию России нужно разделить на ряд государств с собственными правительствами, готовыми заключить с нами мирные договоры. Создание этих правительств потребует очень большой политической сноровки и хорошо продуманных общих принципов...»¹.

Важной предпосылкой «разделения территории России» мыслилась дезориентация, разобщение населения, особенно – на оккупированных территориях. При этом учитывались недавно пережитые советским обществом коллективизация сельского хозяйства, голод, индустриализация, борьба с религиозными организациями². Казалось бы, накопившийся в обществе груз противоречий, обид части населения на власть должен был как нельзя лучше содействовать успеху замыслов гитлеровской верхушки. В условиях войны против СССР политика раскола советского общества по экономическим, политическим, социальным, конфессиональным и иным основаниям таила в себе опасность возникновения гражданской войны в советском обществе между той его частью, что поддерживала советскую власть и ее борьбу с оккупантами, и теми, кто под влиянием гитлеровской пропаганды решил, так или иначе, содействовать врагу.

---

¹ Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР. Сборник документов и материалов / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М., 2015. С. 223.

² Там же. С. 296–297, 319–321, 353–355, 384–385.

Когда коренной перелом в войне похоронил надежды гитлеровцев на победу, идея гражданской войны вновь оказалась востребованной. «Существует возможность за непродолжительное время усилить беспорядки и усталость от войны, объединить и активизировать сохранившиеся с прежних времен силы сопротивления против Сталина и развязать, в конце концов, гражданскую войну, которая означала бы решающий поворот восточного похода», – размышляли в конце 1943 г. аналитики гитлеровских спецслужб. Тогда, по их замыслам, эта война могла бы обеспечить Германии почетное перемирие с СССР и объединение усилий с «новым русским правительством» без Сталина и большевиков в войне против западных держав¹.

Призрак этой несостоявшейся гражданской войны дожил до наших дней и, как один из инструментов «мягкой силы», порой нацеливается на размывание базовых морально-нравственных ценностей современного российского общества, эрозию исторической памяти, на девальвацию подвига народов СССР в годы Великой Отечественной войны. Благоприятный фон для использования этого инструмента формирует недостаточная изученность истории Великой Отечественной войны, в частности проблемы коллаборационизма – пособничества части советских граждан врагу, полярность интерпретаций этого феномена и борьбы с ним, долгое время присутствовавшие в литературе. С падением СССР и расширением доступа к архивным материалам между историками и публицистами развернулись жаркие дискуссии, одни участники которых продолжали огульно осуждать коллаборантов, а другие пытались придать им ореол борцов с тоталитарными режимами, уподобить некой «третьей силе», нацеленной на построение «новой России» без фашистов и коммунистов.

---

¹ Ямпольский В. П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008. С. 195–196.

Изучение проблемы противоборства проявлениям административного коллаборационизма как его наиболее распространенной формы, предпосылок, хода и результатов этой борьбы на материале деревни Запада РСФСР способствует развенчанию попыток реабилитации коллаборационизма и коллаборантов как таковых посредством демонстрации этого явления во всей его сложности, противоречивости, с множеством полутонов, формируя тем самым объективную его картину.

Историография. Советскую историографию административного коллаборационизма можно условно разделить на два периода: первый, который продолжался до середины 1980-х гг., и современный, начавшийся с начала 1990-х гг.

Подходы к осмыслению коллаборационизма, которые были в ходу в советской литературе, сформировались, по сути, еще до войны. Их основой можно считать концепцию «морально-политического единства советского общества», изложенную в базовых идеологических текстах сталинской эпохи. Провозглашалось, что на основе создания социалистической индустрии, колхозно-совхозной системы и ликвидации кулачества как класса в стране была уничтожена эксплуатация, стирались классовые различия. Движущими силами нового общества вместо капиталистического антагонизма считались постоянно крепнущие «морально-политическое единство», «советский патриотизм» и «дружба народов СССР».

Ведущая из них – «морально-политическое единство» – определялась как «общность экономических и политических интересов всех социальных групп, из которых состоит советское общество, и осознание ими этой общности интересов, единый моральный, духовный облик рабочих, крестьян и интеллигенции», заинтересованность их в победе коммунизма, укреплении советского государства как выражающего интересы всего народа. Усиливавшееся по мере успехов социализма сопротивление «враждебных

элементов» и «остатков, отживающих свое классов эксплуататорского общества», а также наличие у «отсталой части населения» «пережитков» обусловило выполнение социалистическим государством функции «охраны социалистической собственности от воров и расхитителей». В условиях социализма она называлась «основной формой классовой борьбы»¹. Проявлением такой классовой борьбы, по сути, и считался коллаборационизм, а основными приспешниками гитлеровцев объявлялись ярые противники советской власти и социализма – бывшие уголовники, лица, ранее репрессированные советской властью и обиженные на нее, бывшие кулаки, помещики, жандармы, белоэмигранты и т. п. Отмечалась численная ограниченность, политическая несамостоятельность коллаборантов, нацеленность их деятельности на подрыв советского государственного и общественного строя. И. В. Сталин уже в знаменитой речи от 3 июля 1941 года признавал наличие у врага пособников из числа советских граждан, которых следовало безжалостно уничтожать². В. М. Молотов отмечал наличие в стране накануне войны «пятой колонны», оправдывал довоенные репрессии угрозой предательства части коммунистов³. М. И. Калинин в своей статье в ноябре 1941 г. писал: «Патриотизм – это великая жертва, не должно быть никакой жалости к тому, что разрушает, уничтожает. ... Лучше славно умереть, чем вернуться домой с клеймом предателя и труса»⁴. Он подчеркивал доминирование у пособников стяжательских мотивов⁵. Таким образом, все они, по сути, считали коллаборационизм части советских граждан, прежде всего, проявлением пережитков классовых противоречий в советском обществе. Практически вся

¹ История ВКП(б). Краткий курс. – М., 1938. С. 327, 328, 329, 336; Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1947. С. 231, 232, 589, 606; Исторический материализм / под общ. ред. В. Ф. Константинова. М., 1950. С. 364, 698, 654–655, 657–658, 726–727; Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянинова, Д. Т. Шепилова, Л. А. Леонтьева, И. Д. Лаптева. М., 1954. С. 366–371; Диалектический материализм / под общ. ред. Г. Ф. Александрова. М., 1953. С. 221–229.

² Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 15.

³ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым.: из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 222, 235, 236.

⁴ Калинин М. И. Избранные произведения. М., 1975. С. 359.

⁵ Калинин М. И. Статьи и речи: (1941–1946). М., 1975. С. 301.

последующая советская литература, касавшаяся темы коллаборационизма на временно оккупированной советской территории, учитывала это.

В начальный период осмысления темы сведения о коллаборантах, борьбе с ними встречались в воспоминаниях партизан, чекистов, публицистической, очерковой литературе, немногочисленных сборниках документальных материалов, освещавших оккупационную политику и партизанское движение¹. Не предпринимая детального анализа деятельности пособников, ее авторы негативно оценивали всех служащих прогерманских ведомств, называя их «предателями», «шкурниками», «холуями», заслуживающими лишь сурового наказания². Сегодня ряд этих публикаций подвергаются критике за фактические нестыковки и некоторые неправдоподобные подробности. Так, по мнению современных специалистов³, весьма необъективно оценена роль старшины Воскобойника в формировании Локотской власти, крайне упрощенно рассмотрена его мотивация, не сводящаяся лишь к «лакейскому» служению оккупантам. Мемуары чекистов не всегда свободны и от фактических неточностей. Составитель очерков «Фронт в тылу врага» М. М. Мартынов ошибочно упомянул, что Локотское самоуправление было организовано под воздействием германской военной разведки – абвера, лидер Локотской волости Воскобойник являлся обербургомистром, а Каминский – будущий глава РОА⁴. Н. Ф. Тропкин утверждал, что организация Каминского и Воскобойника – партия НСПР – не пользовалась популярностью у местного населения.

---

¹ Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1985.

² Сабуров А.Н. За линией фронта. Книга 1. Партизанский край. М, 1953. С. 258; Ильиных И. А. 600 дней в боях и походах. Тула, 1969. С. 207.

³ Ермолов И. Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орел, 2008; Дробязко С.И. Локотский автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сборник статей, документов и воспоминаний. Вып. 2. М., 1998. С. 168–216.

⁴ Мартынов М. М. Фронт в тылу: Очерки истории борьбы советского патриотического подполья с немецко-фашистскими оккупантами на Орловщине в 1941–1943 гг. Тула, 1981. С. 247, 249; Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 118.

Современные историки Д. Жуков и И. Ковтун, наоборот, отмечают широкую идеологизированность местной полиции, призванной выполнять политические задачи по нивелированию наследия советского строя¹.

Однако были в советской литературе начального периода осмысления проблемы и попытки учесть и иные мотивы пособников немцев. Бывший партизан А. Ф. Юденков отмечал в мотивации пособников помимо антисоветских и эгоистических тенденций и такой фактор, погнавший их на службу к врагу, как страх репрессий оккупантов². В. В. Павлов приводит немногочисленные примеры использования советскими партизанами коллаборантов в интересах борьбы с гитлеровцами³. В. И. Терещатов указывал на применение партизанами в отношении коллаборантов не только репрессий, но и пропаганды для стимулирования их перехода на сторону патриотических сил⁴. Однако, стоит заметить, что тезис о «скрытом патриотизме» некоторых коллаборантов подавался очень осторожно и эпизодически⁵.

С 1960-х гг. начинают выходить региональные издания, содержащие некоторые сведения о проявлениях административного коллаборационизма. Действия пособников в них оцениваются как исключительно антисоветские⁶. В очерке Л. В. Котова, посвященном советскому подполью в тылу группы армий «Центр», упоминалось о присутствии на административных должностях оккупационных структур представителей белоэмиграции, прибывших с

---

¹ Жуков Д. Ковтун И. Полицаи. 3-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 301.

³ Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной территории 1941–1944. М., 1971. С. 73–79.

³ Павлов В. В. Бригада «трижды уничтоженных»: Памяти народных борцов, павших на партизанских тропах в Клетнянских лесах, на Брянщине, посвящается. М., 1967. С. 17, 23.

⁴ Терещатов В. И. 900 дней в тылу врага. Калинин, 1990. С. 339.

⁵ Гуд Б. Е. Гремит Брянский лес: воспоминания партизана. Харьков, 1985. Засыпка Т. Н. Сторона партизанская. М., 1975. Мартынов М. М. Фронт в тылу: Очерки истории борьбы сов. патриот. подполья с немецко-фашистскими оккупантами на Орловщине в 1941–1943 гг. Тула, 1981. Народная война в тылу врага: к истории партизанского движения в Калининской области / сост. Н. И. Макаров, А. Н. Егоров. М., 1971.

⁶ Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1970. С. 76. Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР, 1941–1943 гг. М., 1980. С. 31. Народная война в тылу врага: к истории партизанского движения в Калининской области / сост. Н. И. Макаров, А. Н. Егоров. М., 1971.

германской армией¹. В работе М. М. Загорулько довольно подробно описан процесс ограбления гитлеровцами советских территорий. Даже несмотря на то, что роль пособников не была подробно охарактеризована, автор показал устройство оккупационного аппарата, определенное место в котором занимали институты бургомистров и старост².

Большой интерес представляют работы, затронувшие тему аграрной политики врага и участия в ее осуществлении пособников из числа местного населения. Так, Ю. В. Арутюнян и В. М. Гриднев³ отметили провал планов гитлеровцев по использованию экономического и трудового потенциала оккупированной деревни. Важную причину этого они видели в массовом саботаже местных жителей, охваченных патриотическим порывом. Ценность работ заключается в том, что на основе архивных документов авторы показали систему функционирования органов местного самоуправления в деревне, показали их роль в ограблении территории. В отличие от бывших партизан, Ю.В. Арутюнян считал, что в оккупационном аппарате могли находиться и случайные лица, в том числе бывшие председатели колхозов, оставшиеся на оккупированной территории, мнение которых при назначении немцы не спрашивали⁴. Также в этих работах освещалась проблема взаимоотношений коллаборантов с оккупантами, перечислялись методы поощрения и наказания немцами своих помощников.

В период перестройки наступает «публицистический бум» на тему «Власов и власовщина». Публикациями обстоятельных исследований он не сопровождался, но активно себя проявила журналистская публицистика⁵.

---

¹ Котов Л. В. В тылу группы армий Центр / Герои подполья: сб. статей. М., 1970. С. 3–55.

² Загорулько М. М. Крах плана «Ольденбург»: о срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1974.

³ Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944. М., 1976. С. 155, 222; Арутюнян С. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, доп. М., 1970.

⁴ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 224.

⁵ Млечин Л. Власов и власовцы // Новое время. 1990. № 43. С. 38-41; Коренюк Н. Трудно жить с мифами // Огонек. 1990. № 46. С. 29-31.

Авторы многих статей не опирались на источники, а исходили из личных симпатий и антипатий. Из наиболее аргументированных исследований по проблеме коллаборационизма необходимо отметить статьи Л. Решина, М.Гареева¹, хотя с нынешних позиций они подвергаются критике за путаницу в фактах и односторонность подхода². При этом читатели, в числе которых были и ветераны войны, зачастую обозначали дискуссионные вопросы более остро, нежели историки. Так, один из читателей работ историка А. Самсонова отметил, что предателями большинство коллабрантов становилось из-за влияния экстремальных факторов: безвыходности, страха смерти и бездарности сталинского руководства, загнавшего людей в безвыходные условия. С другой стороны, автор вопроса справедливо указал, что «скоро придет время и эту новую проблему историки еще обязательно поднимут»³. Подлинно научному осмыслению темы коллаборационизма по-прежнему мешали недоступность многих архивных источников, субъективизм, влияние инерции идеологии.

С 1990-х годов стартует новый период в изучении коллаборационизма. В научный оборот стали вводиться ранее недоступные источники, что ускорило переосмысление проблемы. Существенное влияние на ее разработку оказали формировавшиеся в массовом сознании антикоммунистические настроения. Стали активно обсуждаться вопросы о роли в войне различных антикоммунистических сил. На этой волне рос интерес к изучению движения А.А. Власова и иных пронацистских формирований. Формируется круг историков, занимавшихся проблемой военного коллаборационизма. С.И.Дробязко пришел к выводу, что все антисоветские вооруженные формирования не являлись никакой третьей силой, составляя лишь часть

---

¹ Гареев М. А. О мифах, старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 42-53; Решин Л. Воинствующая некомпетентность // Военно-исторический журнал, 1992. № 2. С. 51-59; Решин Л. «Русские пленные добровольно служить не идут» // Известия. 1990. 28 мая.

² Ермолов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941-1944 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2005. С. 5.

³ Самсонов А. М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. М., 1998. С. 195–196.

оккупационной машины гитлеровцев. К подобному выводу приходят Д. Жуков и И. Ковтун, отметившие вспомогательный характер полицейского аппарата¹. А.Окороков подчеркнул, что готовность некоторой части эмигрантов и советских граждан бороться против советской власти немедленно разбивалась о жесткую политику гитлеровского руководства в отношении славянских народов как «неполноценных» и потому не могущих носить оружие. Такая ситуация продолжалась до тех пор, пока потери в германской армии не стали ощутимыми. Да и позднее коллаборационистский аппарат всегда находился под контролем оккупационных властей, вследствие чего не мог действовать самостоятельно².

Фундаментальным исследованием коллаборационизма на примере ряда оккупированных гитлеровцами стран стала работа М. И. Семиряги, который предложил классификацию форм коллаборационизма, выделил его политическую, экономическую и военную формы³. Он определил коллаборационизм как особую систему взглядов, их практическое воплощение в интересах гитлеровской Германии в ущерб интересам своей страны. М. И. Семиряга сформулировал важные принципы изучения коллаборационизма: распространенность во всех оккупированных гитлеровцами странах, нетождественность понятий «коллаборационист» и «предатель»⁴, что, по мнению автора, подчеркивало сложность и противоречивость коллаборационизма как явления. Признавалось и то, что в СССР административный коллаборационизм существенно отличался от аналогичных

---

¹ Дробязко С. И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945. М., 2004. С. 341; Жуков Д. А. Полицаи: история, судьбы, преступления. 3-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 85.

² Окороков А. В. Великая Отечественная война и «советский коллаборационизм» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2011/02/06/velikaja-otechestvennaja-vojna-i-sovetskij-kollaboracionizm-1830.html> (дата обращения 11.02.2019).

³ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

⁴ Семиряга М. И. Указ соч. С. 6, 9. Шанцева Е. Н. Историография проблемы коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2010. Вып. 6 (86). С. 286.

проявлений в странах Западной Европы, где большинство коллаборантов сознательно работало на Третий рейх. С точки зрения автора, это объяснялось тем, что в СССР не было института частной собственности, ввиду чего русская администрация являлась всего лишь исполнителем воли германского руководства¹.

Бурно развивалась региональная историография изучения феномена предательства. Рассмотрению вопроса на региональном уровне посвящены исследования Д. Е. Комарова, С. А. Никифорова, В. В. Коровина, Б. Н. Ковалева и др. Все они базируются на большом массиве архивных источников, большинство которых впервые вводится в научный оборот. Заслуживает внимание их попытка показать региональную специфику коллаборационизма, что и по сей день является актуальной научной задачей².

Обстоятельные исследования, посвященные проблеме сотрудничества с врагом и партизанскому движению на Калужской земле, осуществил И. С. Писаренко, исследовавший оккупационный режим в Кировском, Брятинском районах, городе Калуге. Особое внимание И. С. Писаренко уделяет оккупации важного железнодорожного центра – Сухиничи³. Оккупацию Кировского района изучил краевед А. А. Бауэр, установивший факты патриотических действий некоторых коллаборационистов⁴. И. Ю. Молодова на материале

---

¹ Семиряга М. И. Указ. соч. С. 472.

² Комаров Д. Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 2004. Его же. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине // Край Смоленский. 2003. № 3–4. С. 21–44; Его же. К вопросу о масштабах коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Край Смоленский. 2015. № 2. С. 44–48; Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Курск, 2012; Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. Никифоров С. А. Оккупационный режим и экономическая политика фашистской Германии в Курской области в 1941–1943 гг. // Книга Памяти. Т. 12. Курск, 2000. С. 75–92; Коровин В. А. Коллаборационизм на территории Курской области в 1941–1943 гг.: формы проявления, политико-правовые и социальные последствия: дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2015. Махалова И. А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации: дисс. .... канд. ист. наук. М., 2020.

³ Писаренко И. С. Немецкая оккупация Брятинского, Думиничского и Сухиничского районов // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С. 188–191.

⁴ Бауэр А. А. Кировский подпольный госпиталь // Калужская застава-3. Историко-краеведческий альманах. Калуга, 2005. С. 200–207.

архивов Калужской и Брянской областей охарактеризовала коллаборационизм как весьма неоднозначное явление. Автор отмечает тонкую грань между понятиями «истинные предатели» и «сотрудники врага», не всегда считая представителей последней категории изменниками¹. Из работ последнего времени стоит также отметить ее исследование о роли коллаборационистов в пропагандистских мероприятиях немцев². Несмотря на то, что эффект пропагандистской обработки населения начал падать к концу оккупации, автор все же считает, что роль пособников в пропагандистской войне была существенной.

Е. И. Журавлев, обстоятельно исследовав предпосылки формирования коллаборационизма на юге России, пришел к выводу, что важным фактором его формирования были не только социально-политические проблемы, но и националистические, сумевшие подготовить почву для изменнических настроений³. Д. Е. Комаров затронул проблему оккупационного режима на территории Смоленского региона, придя к выводу о сложном характере мотивации коллаборантов, противоречивых взаимоотношениях пособников с партизанами⁴. Следует отметить исследование Л. А. Сарана, посвященное оккупации Орловского края, в котором подробно воссоздана картина гитлеровского «нового порядка», в осуществлении которого немаловажную роль играли и советские коллаборационисты. Л. А. Саран установил фамилии многих старшин и бургомистров, описал структуру коллаборационной администрации⁵.

---

¹ Молодова И. Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010. С. 99, 172, 205.

² Молодова И. Ю. Нацистская пропаганда и агитация на оккупированной территории западных областей РСФСР // Теория и практика общественного развития. № 1. 2015. С. 79–83.

³ Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм в годы немецкой оккупации 1941–43 гг. на материалах юга России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). С. 66–73.

⁴ Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015.

⁵ Саран Л. А. Органы власти на оккупированной Орловщине 1941–1943 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2005/896-organy-vlasti-na-okkupirovannoj-orlovshchine-1941-1943-gg> (дата обращения: 22.02.2019).

Коллаборационизму, в том числе и его административной форме, в Смоленской области посвятил ряд своих работ И. П. Щеров. На основе многочисленных источников, в частности, из фондов Государственного архива Смоленской области, он обосновал тезис о существовании в оккупационных структурах врага лиц с различной мотивацией. К сожалению, в исследовании почти не уделено внимание возмездию коллаборантам со стороны советской власти, однако автор отметил перегибы при привлечении коллаборантов к ответственности¹.

П. М. Поляну принадлежит обстоятельное исследование политики советской власти в отношении репатриированного населения, в числе которого были и бывшие коллаборанты². Опираясь на громадный массив источников, автор оценивает отношение власти по отношению к бывшим коллаборантам как преимущественно жесткое, а порой – репрессивное, что, по нашему мнению, не вполне справедливо и обусловлено слабым привлечением источников из региональных архивов.

Политике возмездия коллаборантам со стороны структур и представителей советской власти посвящены работы С. В. Кудряшова, Е. И. Журавлева, В. Н. Земскова³. Авторы отмечали отсутствие в начальный период войны подхода к наказанию коллаборантов, соизмерявшего тяжесть их вины и суровость наказания. По их мнению, только к середине войны был выработан дифференцированный подход, который применялся впоследствии. Суровость

---

¹ Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации Смоленск, 2005.

² Полян П. М. Жертвы двух диктатур. М., 2002. С. 540, 552.

³ Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/014/251/1217/002Zemskov.pdf> (дата обращения: 16.12.2018); Кудряшов С. В. Наказание за сотрудничество с оккупантами. Изучение опыта СССР // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2012. С. 83–88; Журавлев Е. И. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и в первое послевоенное время // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 2013. С. 154–160.

позиции государства при наказании гитлеровских приспешников отмечает Д. Е. Комаров, считая такие действия типичными для тоталитарной системы¹.

По вышеупомянутой причине особенно ценными для нашего исследования являются работы, уделившие внимание деятельности органов госбезопасности советского государства в годы войны. На материале Курской области их проанализировала А. В. Бондарева, Калининской – В. И. Ирлицин², Воронежской – В. С. Филоненко. В 2007 году была защищена диссертация А.Ю. Попова, посвященная комплексному изучению деятельности правоохранительных структур военного периода³. Б. Н. Ковалев рассмотрел работу органов государственной безопасности со свидетелями преступлений коллаборационистов⁴. Перечисленные авторы сходятся во мнении, что, несмотря на первоначальную неготовность правоохранительных структур к решению ряда задач в условиях войны, они быстро перестроили свою деятельность и в целом эффективно решали вставшие перед ними задачи, в том числе и по борьбе с бывшими помощниками гитлеровцев. В 2013 году в свет вышла фундаментальная энциклопедия, посвященная многим аспектам Великой Отечественной войны, шестой том которой был ориентирован на работе советских контрразведывательных органов, в том числе осуществлявших функции по поимке и наказанию немецких пособников⁵.

---

¹ Комаров Д. Е. Деятельность советского репрессивного аппарата на оккупированной территории Смоленской области (1941–1943) // Известия Смоленского государственного университета. Исторические науки, 2013. № 1(21). С. 197–209.

² Ирлицин В. И. Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – ноябрь 1942 г. (на материалах Калининской области): дис... канд. ист. наук. Тверь, 1998.

³ Бондарева А. В. Оперативно-служебная деятельность сотрудников территориальных органов НКГБ-НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (На материалах Курской области): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. Филоненко В. С. Деятельность прокуратуры Воронежской области по расследованию дел о воинских преступлениях в 1941–1942 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1 (72). Вып. 13. С. 191–196. Попов А. Ю. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной территории (1941–1944 гг.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

⁴ Ковалев Б. Н. Свидетельские показания в уголовных делах коллаборационистов в России // Вестник НовГУ. 2005. № 33. С. 108–113.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013.

Целый пласт литературы посвящен Локотскому самоуправлению. В отличие от авторов советской эпохи¹ И. Г. Ермолова, И. Грибкова, С. Дробязко и другие современные авторы считают, что «Локотский эксперимент» имел некоторые позитивные последствия и для местного населения. По их мнению, в Локотском округе на всем протяжении оккупации по сравнению с другими регионами сохранялся довольно высокий уровень жизни². Весьма благосклонно авторы относятся к лидерам Локотского самоуправления: Каминскому и Воскобойнику, выделяя в их действиях признаки умелого руководства. С другой стороны, ими же отмечаются преступные действия местных властей в отношении подвластного населения. Так, в ходе проведения антипартизанских акций, каминцами активно использовался террор против местных жителей: население грабилось, сжигались деревни, расстреливались заложники³.

Подобные выводы разделяет и В. С. Христофоров, отмечая исключительно пронацистский характер деятельности Каминского и Воскобойника⁴. Христофоров не соглашается с точкой зрения публициста С. И. Веревкина⁵ об идиллической жизни в округе. Мнение Христофорова поддерживают Д. Жуков и И. Ковтун¹. В 2012 году ими подготовлен сборник воспоминаний каминцев и боровшихся с ними советских патриотов. Ценность издания обусловлена содержанием в нем полярных точек зрения, позволяющих рассмотреть феномен «Локотского самоуправления» с разных сторон. Как правило, представители

---

¹ Стельмах В. М. Оккупационная политика гитлеровцев // Брянский краевед. Вып. IV. Брянск, 1971.

² Ермолов И. Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орел, 2008. Дробязко С. И. Локотский автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1998. Вып. 2. С. 168–216. Грибков И. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. Вып. № 1. М., 2008. С. 123.

³ Христофоров В. С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет Великой Победы: (в 6 т.). Т. 4. Другое лицо войны. М., 2010. С. 187.

⁴ Христофоров В. С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа. С. 182–213.

⁵ Веревкин С. И. Самая запретная книга о Второй Мировой. Была ли альтернатива Сталину? М., 2011; Веревкин С. И. Локотская альтернатива. Кн. 2-я. Локоть. Ч. 2. О Локотской окружной тюрьме и её эвакуации в Белоруссию. Уфа, 2017.

советской стороны отзывались о каминцах исключительно негативно, в то время как сами каминцы относили себя к «третьей силе», олицетворявшей интересы русского народа, сражавшегося как с Гитлером, так и со Сталиным².

Растет количество исследований, посвященных невоенным формам коллаборационизма. И. Г. Ермолов уделил внимание формированию институтов старост и функционированию судебной системы в оккупированных регионах³. С. В. Богданов, В. Г. Остапюк подробно рассмотрели институт волостных старшин. На основе материалов из архивов региональных УФСБ ими создан социальный портрет представителей нижней ступени оккупационной иерархии. Они отмечают зрелый возраст большинства этих людей, наличие у многих из них организаторских способностей⁴. Н. М. Раманичев анализирует причинно-следственные связи сотрудничества пособников с гитлеровцами⁵.

Увидели свет исследования, посвященные деятельности конкретных бургомистров. Стоит особо отметить работу Д. Парфирьева, который разбирает жизненный путь бургомистра оккупированного г. Орла А. Старова, его действия на посту главы городской управы, показывая, что этот человек выполнял сугубо представительские функции и не мог являться самостоятельной фигурой¹. Исследование В. Л. Амельченкова посвящено изучению политики бургомистра г. Смоленска Б. Меньшагина в отношении церкви. Автор отмечает позитивные черты его личности: порядочность, образованность, ответственность, не считает его истинным гитлеровским

---

¹ Жуков Д., Ковтун И., Верёвкин С. И. Орловские военно-исторические исследования. Локотская альтернатива. Книга 2-я. Локоть. Часть 2. О Локотской окружной тюрьме и ее эвакуации в Белоруссию. Уфа, 2017 // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. №4 (11). С. 230–248.

² Ковтун И., Жуков Д. Феномен Локотской республики: Альтернатива советской власти? М., 2012.

³ Ермолов И. Г. Сельские старосты как низшее звено в системе административного управления на оккупированных территориях РСФСР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». Вып. № 4–5. 2010. С. 78–82.

⁴ Богданов С. В., Остапюк В. Г. Грани предательства (коллаборационисты в Курской области 1941–43 г. // Социологические исследования. 2017. №3. С. 115–122.

⁵ Раманичев Н. М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 153–167.

пособником². Представляет большой интерес публикация П. М. Поляном документов о судьбе Б. Меньшагина. Ядро книги составляют воспоминания Меньшагина последних лет его жизни, аудиоинтервью, письма, дополненные подборкой уникальных документов³.

Е. Н. Шанцева и В. Н. Кучер подробно проанализировали взаимоотношения коллаборантов с партизанами⁴. Кучер отмечает высокую степень вовлеченности масс во взаимоотношения с немцами, а также влияние на мотивацию пособников различных факторов. Отношения партизан с коллаборантами автором охарактеризованы как неоднозначные, сопровождавшиеся все более активным привлечением пропагандистских инструментов для ускорения перехода пособников на сторону патриотических сил. В то же время Д. Е. Комаров констатирует, что уничтожение партизанами наиболее активных и пронемецки настроенных старост отмечалось и в конце периода оккупации⁵.

А. В. Цветков уделил внимание вопросам формирования административных коллаборационных структур и их вспомогательного аппарата. Автор установил присутствие в органах русской администрации западных районов Калининской области представителей прибалтийских республик. Характеризуя систему местного самоуправления, Цветков подчеркивает ее зависимость от гитлеровцев, хотя приводит и некоторые эпизоды сопротивления коллаборантов проведению их политики¹.

Ряд исследований посвящен реализации органами «русской администрации» своих функций на материалах западнорусской деревни. Среди

---

¹ Парфирьев Д. Wer sind Sie? Herr Burgermeister? Забытый бургомистр Орла Александр Старов [Электронный ресурс]. URL: <https://parfiryeff.livejournal.com/tag/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 30.03.2019).

² Амельченков В. Л. Бургомистр Б. Г. Меньшагин и возрождение Православной Церкви на Смоленщине в период немецкой оккупации 1941–1943 гг. // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 174–196.

³ Полян П. М. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы. М., 2019.

⁴ Трифанков Ю. Т., Шанцева Е. Н., Дзюбан В. В. Партизаны и предатели. Брянск, 2012; Кучер В. Н. Партизаны Брянского леса: какими они были. 1941–1943. М., 2014. С. 598, 612.

⁵ Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 221.

новейших работ – исследования А. В. Якутина и В. Е. Рымарева². Помимо управленческих функций Якутин привел примеры осуществления пособниками и полезных для населения задач. Автор считает, что к концу оккупации многие органы «русской администрации» саботировали мероприятия немцев, помогая населению. Рассматривая гитлеровскую аграрную политику и проблему взаимоотношений коллаборантов с населением, Рымарев приходит к выводу, что на первых порах русский аппарат являлся организацией, успешно проводящей политику оккупантов по снабжению армии продовольствием, которое германская армия получала в значительных количествах. Что же касается политической составляющей ее деятельности, то население, по его мнению, в основном не поддерживало гитлеровские преобразования, как и тех, кто их проводил. Таким образом, серьезную социальную прослойку, на которую немцы могли бы опереться, сформировать в деревне так не удалось. Точку зрения Рымарева не разделяет С. А. Никифоров, который утверждает, что ввиду функциональных ограничений коллаборационный аппарат не был способен решать ряд важных вопросов, в том числе и обеспечить снабжение германской армии продовольствием. Вызывалось это не только политикой полного ограбления деревни, но и реакцией на это ее населения, выражавшейся в активном саботаже¹.

Дискуссионным остается вопрос о количестве коллаборационистов в пределах отдельных регионов. По мнению российских историков, общее число коллаборантов, взявших в руки оружие, составляло от 180–200 тыс. до 1,5 млн.

---

¹ Цветков А. В. Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны / Очерки по истории. Тверь, 2012. С. 8, 16, 47.

² Якутин А. В. Организация немецко-фашистскими оккупационными властями крупных частновладельческих сельскохозяйственных поместий на территории Смоленской области в 1941–1943 гг. // Научные труды Международной научно-практической конференции учёных МАДИ (ГТУ), РГАУ–МСХА, ЛНАУ, 16–17 января 2008 г. Т. 3. История и философия. М.-Луганск, 2008. С. 69–72; Якутин А. В. Деятельность немецких оккупационных органов на территории Смоленской области в 1941–1943 годах // Известия Смоленского государственного университета. Сер. Исторические науки и археология. 2017. № 2 (38). С. 218–224. Рымарев В. Е. Аграрная политика фашистской оккупационной власти в западных областях России, 1941–1943 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2000.

человек². И. Г. Ермолов, учитывая сотрудничавших с оккупантами и в гражданской сфере, определяет цифру пособников в 22 млн. граждан СССР³. Однако понятия «коллаборант» и «предатель» автор разграничивает, считая первое шире по смыслу. Д. Е. Комаров отмечал, что только в Смоленской области в вооруженных формированиях врага служило до 10 тысяч человек⁴, в то время как общее количество коллаборационистов определяется им до 12% населения области. Не сильно отличаются данные и И. П. Щерова, который считает, что на Смоленщине только 3% населения ответственно служили оккупантам, 7% воевало против них, а остальные 90% занимали выжидательную позицию⁵. Зарубежные специалисты указывают цифру в 1 млн. коллаборационистов, включая и бойцов различных коллаборационных вооруженных формирований.

Зарубежная историография пока не имеет работ, целиком посвященных административной форме коллаборационизма. Тем не менее, первые попытки осмыслить проблему коллаборационизма советских граждан в зарубежной литературе предпринимаются уже в 1950-е гг. В 1957 г. увидела свет монография А. Даллина⁶, уделившего внимание и служащим оккупационных административных структур. Те же сюжеты просматриваются в работе зарубежного историка Д. Карова⁷. Военному коллаборационизму, в особенности подразделениям РОА, посвятил монографию Й. Хоффман, отмечавший антисоветскую мотивацию солдат А. А. Власова и исключительно партнерский,

---

¹ Никифоров С. А. Аграрная политика немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Центрально-Черноземного региона в 1941–1943 гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2012. № 4. С. 16–30.

² Гареев М. А. О мифах старых и новых // Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 470; Решин Л. Ю. «Русские пленные добровольно служить не идут» // Известия. 1990. 28 мая; Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2006.

³ Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами в 1941–1944 гг. М., 2013. С. 7.

⁴ Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной. С. 235.

⁵ Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации Смоленск, 2005. С. 94.

⁶ Даллин А. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего Рейха 1941–1945. М., 2019. С. 86–87.

⁷ Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. Мюнхен, 1954. С. 79.

по его мнению, характер их взаимоотношений с немцами¹. Несколько иной взгляд на коллаборационизм части советского населения содержится в работе историка Р-Д. Мюллера, который отметил, что его сотрудничество с врагом не определялось только политическими мотивами, зачастую уступая место экономическим и бытовым факторам². Таким образом, в начальный период изучения темы западные авторы рассматривали коллаборационизм не сам по себе, а в большей степени через изучение оккупации и партизанского движения. Во многом это определялось недоступностью для них многих источников.

В исследованиях последующих лет об оккупационном режиме в целом или же о партизанской войне также содержались лишь отдельные эпизоды о «русских» людях в немецком оккупационном аппарате. Как правило, прежде всего, исследователей интересует мотивация перехода в услужение врагу, которая в работах периода холодной войны зачастую сводилась к неприятию советской системы, всплеску в военный период межнациональных проблем. В современных исследованиях западными историками все чаще стала транслироваться точка зрения о влиянии на мотивацию пособников неполитических факторов³.

Предпринимаются попытки переосмыслить значение самого понятия «коллаборационизм». Австралийский историк М. Эдель считает, что коллаборационистом является человек, оказывающий помощь врагу посредством несения службы во вражеской армии, полиции или администрации⁴. Более обширную типологию коллаборантов предложил В. Рингс, распределив их на категории нейтральных, безусловных, условных и

---

¹ Хоффманн Й. История власовской армии. / пер. с нем. Е. Гессен. Париж, 1990.

² Мюллер Р. Д. Насильственное рекрутирование «восточных рабочих». 1941–1944 гг. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 609–617.

³ Боффа Дж. История Советского Союза: в 2-х тт. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. 2-е изд. М., 1994. С. 105–108. Эдель М. Перебежчики Сталина: Как Солдаты Красной Армии Стали Пособниками Гитлера, 1941–1945. Оксфорд, 2017.

⁴ Edele M. Op. cit. P. 125–126.

тактических¹. По мнению И. А. Махаловой, подобный подход является очень условным, поскольку в большинстве случаев сложно оценить мотивы перехода на сторону врага конкретного человека, которому было свойственно менять свое отношение к оккупационному режиму в зависимости от положения на фронте, поведения оккупантов и иных факторов².

Из недавно вышедших работ необходимо отметить совместное исследование брянского публициста А. Кукатова и немецкого историка С. Штоппера, посвященное деятельности представителей эмигрантской организации НТС в оккупированном Брянске. Авторы, используя широкий круг российских и немецких источников, изучили взаимоотношения эмигрантов с немцами, населением, партизанами и пришли к выводу, что, несмотря на благие намерения, планы прибывших с немцами «пришельцев» были наивны и неосуществимы. Серьезной поддержки у немцев и местного населения представители этой организации не получили³.

К. Штрайт видел корни коллаборационизма в преступной политике Гитлера по отношению к военнопленным. Его исследование было в основном посвящено изучению военного коллаборационизма, однако затрагивался и вопрос о поведении гитлеровцев на Востоке, в частности, реализации ими политики грабежа и презрения к местному населению, их отражения в судьбе военнопленных и гражданского населения¹. Проблема коллаборационизма и оккупации затронута и в монументальном исследовании Б. Бонвеча, посвященном истории Германии. Автор считает, что германский оккупационный режим в СССР существовал в крайне жестких формах и резко отличался от того, что было в оккупированных гитлеровцами странах Западной

---

¹ См.: Махалова И. А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации. М., 2020. С. 27; Rings W. *Life with the Enemy: Collaboration and Resistance in Hitler's Europe, 1939–1945*. New York, 1982. P. 73.

² Махалова И. А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации. М., 2020. С. 27

³ Штоппер С., Кукатов А. *Нелегальный Брянск, 1941–1943: нелегальная деятельность различных сил в оккупированных Брянске и Орджоникидзеграде с 6 октября 1941 по 17 сентября 1943 года*. Брянск, 2014. С. 89, 240.

Европы. Коллаборанты были везде и не обладали самостоятельностью в принятии решений. Они являлись марионетками немцев, поэтому заслужили презрение простых людей².

Вопросу мотивации коллаборантов, их взаимоотношениям с партизанами уделен место и в работе Д. Армстронга, который согласен с точкой зрения, что коллаборационизм в СССР имел разные формы и как явление отличался сложностью. Однако автор не считает коллаборантов полноценными и последовательными союзниками гитлеровцев. Учитывая это, партизаны помимо истребления коллаборантов, активно использовали и пропаганду как средство их перетягивания на свою сторону. К 1943 году это стало приносить существенные результаты³.

Важным фактором появления работ, посвященных феномену коллаборационизма в масштабе отдельных регионов, стало рассекречивание документов о коллаборантах в региональных архивах⁴. Так, немецкий историк Н. Кунц рассмотрел феномен коллаборационизма на полуострове Крым. Он отмечает, что если для крымских татар был более характерен военный коллаборационизм, то русские и украинцы в большей степени служили в полиции и коллаборационной администрации⁵.

Ф. Хирш посвятила свое исследование борьбе советского государства с пособниками. По ее мнению, проводившиеся на советской территории судебные процессы против коллаборантов, не соответствовали стандартам западного судопроизводства⁶. Считается, что в ходе допросов коллаборантов могли

---

¹ Штрайт К. «Они нам не товарищи...» Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / Пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. М., 2009. С. 64–67.

² Бонвеч Б. История Германии. Том 2. От создания Германской империи до начала XXI века. М., 2008. С. 173–174.

³ Армстронг Д. Партизанская война: стратегия и тактика, 1941–1943. М., 2007.

⁴ Cohen L.R. Smolensk Under The Nazis: Everyday Life In Occupied Russia, Rochester, 2013; Eikel M., Sivaieva V. City Mayors, Raion Chiefs, and Village Elders in Ukraine, 1941–1944: How Local Administrators Co-Operated with the German Occupation Authorities // Contemporary European History 23. №. 3 (2014). P. 405–428.

⁵ Махалова И. А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации. М., 2020. С.27; Kunz N. Die Krim unter deutscher Besatzung 1941–1944. S. 205–213

⁶ Hirsch F. Op. cit. P. 703.

применяться пытки и иное насилие¹. В то же время другие историки, проведя анализ довоенных биографий коллаборационистов, пришли к выводу, что работа советского карательного аппарата отличалась от его деятельности в годы «Большого террора». Это обстоятельство позволило ряду пособников отделаться менее строгими наказаниями². Сведения о процессах над коллаборантами на территории Орловской области содержатся в работах М. Купера и Т. Шульте¹.

В целом можно сказать, что в последние годы происходит сближение исследовательского фокуса зарубежных и отечественных исследователей темы коллаборационизма за счет того, что зарубежные авторы все больше привлекают источники из российских архивов, а отечественные – из зарубежных.

Таким образом, уход в прошлое идеологического диктата, монополии одной методологии, масштабное рассекречивание архивных документов, восстановление научных контактов российской исторической науки с историками из других стран позитивно отразились на изучении проблемы коллаборационизма. В научный оборот введено большое количество не известных ранее источников, продолжается детализация проблематики, изучаются региональные особенности и различные формы коллаборационизма, что закономерно привело к тому, что историками высказаны разные точки зрения. Особо актуальным в настоящий момент является изучение отдельных форм и региональных особенностей коллаборационизма, в том числе – его административной формы.

На сегодняшний день представляются недостаточно изученными взаимоотношения пособников с гитлеровцами, населением, советскими

---

¹ Viola L. *Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine*. New York, 2017. P. 17, 22.

² Penter T. *Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators* // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. №. 4. P. 786. Prusin A. *Op. cit.* P. 20–21. Cadiot J., Penter T. *Law and Justice in Wartime and Postwar Stalinism* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61. №. 2. S. 168

партизанами, то, как это отразилось на функционировании структур и должностных лиц коллаборационной администрации: волостных старшин, бургомистров, уличных и квартальных старост, агрономов, численности пособников в конкретных регионах, как влияло на выработку политики возмездия пособникам со стороны советского государства. Исследование этих и других сюжетов, связанных с историей коллаборационизма и борьбы с ним, в значительной степени зависит от расширения источниковой базы. Нельзя не согласиться с А. Т. Тертышным, что пока ряд документов остаются засекреченными, изучить поставленные вопросы будет крайне сложно². В этом смысле изучение проблемы на региональном материале представляется наиболее перспективным.

Объектом исследования является противостояние военных, политических, идеологических структур СССР и гитлеровской Германии на временно оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны.

Предмет исследования – борьба гражданского населения, органов и представителей советского государства с проявлениями административного коллаборационизма в западнорусской деревне в годы Великой Отечественной войны, понимаемого как сотрудничество некоторых советских граждан с оккупантами в органах гражданской администрации западнорусской деревни прежде всего низового и среднего уровней – старостатах, волостных и районных управах. В центре предмета изучения – противодействие патриотических сил деятельности старост, волостных старшин, а также районного административного аппарата, так как ему подчинялись коллаборационные органы сельской округи, рассмотренное в контексте

---

¹ Cooper M. Nazi war against soviet partisans. N.Y., 1979. Schulte T. The German Army and Nazi Policies in occupied Russia. N. Y., Muenich, 1980.

² Тертышный А. Т. Сотрудничество советских граждан с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. К историографии проблемы // Journal of new economy. 2003. № 7. С. 58.

контактов административных коллаборантов с населением, гитлеровцами и представителями советского государства.

Цель диссертационного исследования – исходя из анализа условий формирования административного коллаборационизма на Западе РСФСР рассмотреть динамику и формы борьбы патриотических сил с его проявлениями в контексте контактов административных коллаборантов с гитлеровцами, населением и партизанами, оценить результаты реализации замыслов гитлеровского руководства по столкновению различных социальных групп в западнорусской деревне в ходе проведения ими на оккупированной территории политики «нового порядка».

Для достижения цели исследования предполагается решение следующих **исследовательских задач**:

1) Раскрыть порядок формирования, устройство и функции органов «русской администрации», их структурных подразделений, сформированных из местного населения.

2) Выявить социальный состав и мотивацию контингента, являвшегося источником кадров для органов коллаборационной администрации, определить факторы, влиявшие на изменение мотивации административных коллаборантов.

3) Исследовать взаимодействие коллаборантов с партизанами в западнорусской деревне, выявить противоречия и перемены в их взаимоотношениях на протяжении 1941–1943 гг.

4) Рассмотреть характер отношений коллаборационистов с оккупантами на протяжении всего периода оккупации; проанализировать степень эффективности службы пособников на врага.

5) Проанализировать проблему взаимоотношений сельского населения и представителей органов русской администрации в оккупированной немцами деревне Запада РСФСР 1941–1943 гг., выявить отношение жителей к административным коллаборантам сельской местности.

б) Исследовать политику возмездия советского государства по отношению к административным коллаборантам на протяжении 1941–1943 гг., проанализировать факторы, повлиявшие на ее корректировку.

7) Исследовать политику возмездия советского государства по отношению к административным коллаборантам на протяжении 1944–1945 годов.

Географические рамки исследования ограничены территорией Калужской, Брянской, Орловской, Тверской, Тульской, Смоленской и частично Московской областей в их современных границах, полностью или частично временно оккупированных гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны. Особенность географических рамок определяются общностью природно-географических, экономических, демографических, социокультурных характеристик указанных регионов: преобладанием нечерноземных почв, преимущественно аграрным характером экономики, ее однообразием (основные отрасли - картофелеводство, льноводство, молочное скотоводство), относительной неразвитостью промышленности, концентрирующейся практически только в крупных городах, мелкоселенностью как традиционным типом расселения сельского населения, его однородным этническим и конфессиональным составом.

Хронологические рамки исследования определяются периодом оккупации Запада РСФСР, а также деятельностью советского государства по выявлению и наказанию административных коллаборантов. Нижняя хронологическая граница определяется началом немецкой оккупации, а верхняя – мерами советского государства по преодолению последствий коллаборационизма в сельской местности в 1944–1945 гг., а также завершением возвращения в родные места репатриантов, в числе которых было и некоторое количество административных коллаборантов. Продолжительность периода оккупации районов не была одинакова. В совокупности они были освобождены в ходе Московской битвы, Тульской, Ржевско-Вяземской, Ржевско-Сычевской,

Великолукской, Невельской, Орловской, Смоленской, Брянской наступательных операций. Так, Смоленская область была оккупирована с 6 июля 1941 по 10 октября 1943 г., Брянская – с 8 августа 1941 по 28 сентября 1943 г., Калужская – со 2 октября 1941 по 10 сентября 1943 г., Калининская – с 5 июля 1941 по 19 июля 1944 г., Орловская – с октября 1941 по 18 августа 1943 г., Московская область (частично) – с октября 1941 по 22 января 1942 г.

Неодинаковая продолжительность оккупации разных местностей повлияла на степень развития коллаборационистских административных структур: в одних их аппарат был успешно создан и функционировал, а в других этот процесс был прерван скорым освобождением территорий Красной Армией.

Источниковую базу диссертации составили источники следующих видов:

1) законодательные материалы; 2) делопроизводственная документация; 3) источники личного происхождения (в основном, мемуары и дневники), 4) материалы периодической печати (в том числе и коллаборационистской).

Использованные в работе законодательные материалы представлены, прежде всего, законами, указами органов государственной власти СССР, директивами партийных органов, органов НКВД, НКГБ, НКЮ, Генеральной прокуратуры СССР и других структур. Многие из них посвящены борьбе советского государства с коллаборационизмом и его последствиями в масштабе страны и отдельных ее регионов¹. Достаточно высокая полнота опубликованных к настоящему времени нормативных актов в сочетании с источниками других видов позволяет в деталях представить формирование и эволюцию политики возмездия коллаборантам.

---

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000; Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. – М., 2000; Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2003. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» 1 января – 3 июня 1943 года. М., 2008. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000; Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России сборник документов. М., 2015; Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, В. С. Христофоров. М., 2003; Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. 1942 год: Сборник документов и материалов / отв. сост. И. Н. Авдюшкина, отв. ред. И. А. Антонова. Тула, 2012;

Большое значение для настоящего исследования представляют трофейные документы, в том числе документы высшего гитлеровского руководства и командования вермахта. Формирование планов немцев по ограблению оккупированных территорий и созданию коллаборационных структур представлен в ряде документальных публикаций¹. Ценным источником, затронувшим проблему пособничества врагу части советских граждан, являются документы «Зеленой папки» Геринга², откровенно свидетельствующие о характере войны против Советского Союза и проливающие свет на подготовку, характер, цели нападения Германии на СССР. В источнике упоминается такой факт, как возможность привлечения немцами на руководящие посты лиц из местного населения³. В сочетании с документами партийных и государственных структур СССР, партизанского движения трофейные материалы содержат важные сведения о приоритетных целях грабительской политики врага, разграничении полномочий гражданских оккупационных органов и структур военного командования врага, о формировании органов оккупационной власти, которым должны были подчиняться структуры местного управления, а также о борьбе органов госбезопасности, партизан и подпольщиков против ставленников немцев.

Задействованная в работе делопроизводственная документация представлена материалами фондов Смоленского штаба партизанского движения (ГАНИСО), Центрального штаба партизанского движения при ставке

Советская жизнь, 1945–1953. Документы советской истории / сост. Е. Ю.Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М. 2003.

¹ Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР. Сборник документов и материалов / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М., 2015; Ямпольский В. П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008; Нюрнбергский процесс: сборник материалов / под ред. К. П. Горшенина и др. 3-е изд., испр. Т. 2. М., 1955. С. 716; Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) // Сост.: Г. Ф. Заставенко и др.; общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. М., 1985; Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. В 2 т. / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А. М. Самсонов. Т. 2.: Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945 гг. М., 1973.

² Леонтьев А. Зеленая папка Геринга. Куйбышев, 1942.

³ Леонтьев А. Там же. С.18.

Верховного Главнокомандования (РГАСПИ), некоторыми материалами фонда Западного штаба партизанского движения, хранящимися в ГАДНИКО, фонда Брянского штаба партизанского движения (ЦДНИБО), фонда штаба партизанского движения Калининского фронта) (ТЦДНИ). В данных фондах были изучены партизанские сводки, донесения, докладные записки о положении на оккупированной территории, сведения о коллаборационистских формированиях гитлеровцев (в том числе и гражданских), настроениях местного населения, инструкции и обращения немцев и коллаборационистов, адресованные партизанам и местным жителям. Данный вид материалов является одним из самых ценных, так как формировался непосредственными современниками тех событий – партизанами, разведчиками, сотрудниками органов безопасности. Содержащиеся в делопроизводственных документах сведения раскрывают сущность оккупационной политики гитлеровцев, устройство коллаборационного аппарата, затрагивают вопросы мотивации и социального состава коллаборантов. Снижают информационную ценность материалов «народных мстителей» и чекистов их некоторая тенденциозность, а также отрывочность. Некоторые партизанские данные, посвященные учету ликвидированных пособников или информирующие о судьбах некоторых коллаборантов, нуждаются в проверке и уточнении.

Ценным источником сведений функционирования коллаборационного аппарата является дошедшая до нас его документация: положения, приказы, распоряжения различных структурных подразделений оккупационных органов, учетная документация, журналы регистраций уплаты гражданами налогов и др. Данные документы отражают внутреннюю структуру и деятельность оккупационной администрации, описывают положение оккупированного населения. Определенной сложностью для исследователя, работающего с ними, является их неудовлетворительное состояние, подчас отрывочный характер сведений, отсутствие на многих документах дат, а также недоступность для

исследователя ряда таких источников в некоторых областных архивах. Наиболее содержательными являются фонды Калужской, Козельской, Спас-Деменской, Юхновской городских управ, Калужской земской управы, Барятинской, Мосальской, Спас-Деменской, Куйбышевской районных управ, Земельного управления Спас-Деменской районной управы (ГАКО), Бояркинской, Понизовской, Юшковская волостных управ, Смоленской городской управы, Стодолищенской управы, Ельнинской горуправы, Андреевской, Глинковской Издешковской, Ершичской райуправ (ГАСО), Комягинского волостного управления Трубчевского района, Клетнянской городской и земской управ (ГАБО). Данные фондов документов оккупационных структур Государственного архива Тверской области (ГАТО) не содержат существенных данных.

Делопроизводство региональных и районных партийных и государственных структур дает представление о моделях поведения коммунистов в период оккупации, позволяет выявить примерную численность зарегистрировавшихся в органах коллаборационной администрации или пошедших в услужение врагу, оценить масштаб и характер санкций по отношению к бывшим коллаборантам со стороны партии и государства. Стоит отметить, что наиболее информативными оказались фонды Смоленского обкома ВКП(б) (ГАНИСО), Калининского обкома ВКП(б) (ТЦДНИ), Орловского обкома ВКП(б) (ГАОО), менее информативными материалы Тульского и Калужского обкомов ВКП(б) (ГАТО и ГАДНИКО соответственно). Документы этой группы содержат много данных о судьбах отдельных коллаборантов, однако по юридическим и этическим соображениям значительная их часть до сих пор носит закрытый характер и не доступна. В числе доступных материалов – ряд рассекреченных архивно-следственных дел старост, старшин, полицейских, рассмотренных военными трибуналами и Особым совещанием

при НКВД СССР, которые изучены в архивах Управлений ФСБ по Калужской области (УФСБ КО) и Смоленской области (УФСБ СО).

Большую ценность для диссертационного исследования представляет коллекция документов прокуратуры Тульской области 1937–1998 гг. (ГАТО), а также фонда фильтрационных и трофейных документов на репатриированных лиц по г. Калуга и Калужской области, дела, которые позволяют изучить процесс фильтрации послевоенного времени. Как правило, подобный источник позволяет исследовать процедуру выявления советскими органами коллаборантов, следствие по их делам. Указанные материалы рельефно отражают изменение подхода власти к наказанию коллаборантов, шероховатости в работе правоохранительных органов. К сожалению, стоит отметить, что на данный момент практически недоступными являются материалы о тех коллаборантах, кто занимал крупные административные должности в гражданской администрации, полиции, а также о попавших в поле зрения органов госбезопасности со второй половины 1942 года. Эти источники выдаются в ограниченном объеме и только на впоследствии реабилитированных, что не позволяет в полной мере исследовать вопрос мотивации коллаборантов, а также изменения политики возмездия государства по отношению к ним.

Привлеченные источники личного происхождения представлены, в основном, мемуарами современников войны, содержащих субъективный взгляд на события, участниками которых были их авторы. Важное для решения задач исследования значение имеют воспоминания главы Центрального Штаба партизанского движения П. К. Пономаренко из его личного фонда в РГАСПИ, а также воспоминания партизан, свидетелей оккупации, хранящиеся в фондах архивов Калужской, Смоленской областей. Последние материалы практически неизвестны научной общественности. Многие из них вводятся в научный оборот впервые.

Многие мемуары опубликованы. В их числе – мемуары ключевых деятелей партии и государства сталинской эпохи, прежде всего В. М. Молотова¹, которые позволяют проследить позицию лидеров государства по отношению к коллаборационизму, причинам его формирования и возможным последствиям.

В мемуарах регионального руководства, особенно работников внутренних дел и государственной безопасности, увидевших свет в советские годы, уделено внимание мотивации гитлеровских прислужников². Так, С. Владимиров попытался показать читателю терзания человека, вставшего на путь предательства. Он ставил вопрос о причинах формирования изменнической мотивации и находит их в проявлении человеческой слабости, отказе сопротивляться до конца, потере веры в победу СССР. Подобной точки зрения придерживаются В. Рясной и Ю. Чернявский³. В своем очерке «По зову Родины» Н. И. Макаров отмечает, что нередки были случаи, когда власовцы и полиция переходили на сторону партизан. Особенно заметно этот процесс был выражен с 1943 года, когда в войне произошел перелом⁴. Разноплановые данные о пособниках и их работе на врага имеются и в воспоминаниях сотрудников советских органов государственной безопасности. Из наиболее известных необходимо отметить воспоминания начальника Орловского УНКГБ К. Ф. Фирсанова⁵. В сборнике воспоминаний «Бой продолжается» содержатся факты, раскрывающие деятельность калужских чекистов по поимке сотрудника аппарата абвера в Калуге Власова, ликвидации лидера Локотской волости К. Воскобойника⁶. В сборнике воспоминаний, посвященном деятельности смоленских чекистов, рассказывается об их борьбе с членами эмигрантской

---

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948; Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

² Владимиров С. Записки следователя гестапо. М., 1970. С. 11, 12, 14.

³ Рясной В. Н. Чернявский Ю. На службе дьяволу. М., 1969. С. 100–101.

⁴ Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 65.

⁵ Чекисты рассказывают: сборник очерков / сост. И. И. Шмелев. Москва, 1970. Фирсанов К.Ф. Так воевали чекисты. М., 1973; Фирсанов К. Ф. Как ковалась Победа? / За линией фронта. Очерки. Тула, 1968. С. 5–85.

⁶ Бой продолжается...: рассказы о калужских чекистах / сост. Г. И. Коротаев. Тула, 1987.

ячейки НТС, действовавших в структурах коллаборационистской администрации на территории Смоленщины¹. Несмотря на некоторую идеологизированность, ряд фактических неточностей упомянутые сборники воспоминаний, как представляется, все же обладают ценностью как исторические источники по истории борьбы с коллаборационизмом, так как их авторами являлись участники описываемых событий.

Субъективный взгляд на события оккупации содержат воспоминания ее очевидцев – обычных людей, тех, кто на себе ощутил весь ее ужас. Несмотря на эмоциональность содержания, этот источник позволяет оценить общую палитру настроений жителей в период оккупации, колебания их отношения к немцам и их пособникам². Значительный пласт воспоминаний советских граждан периода оккупации опубликован в современной региональной прессе³. Несмотря на субъективизм, этот источник содержит ценные свидетельства взаимоотношений граждан и пособников на низовом уровне, в деревне.

Важными для исследователя являются также мемуары представителей эмигрантской среды – в частности, членов антисоветской организации Народной трудовой союз, ряд которых в годы войны занимал должности в оккупационном аппарате, воспоминания других пособников⁴.

---

¹ Продолжение подвига: книга о смоленских чекистах: сборник / ред.-сост. А. П. Комиссаров, В. В. Королев Смоленск, 1988.

² Нам выпало на долю...: война в письмах, дневниках, воспоминаниях: сб. док. и материалов / сост. В. Н. Середа, Н. В. Федотова. Тверь, 2005; Фролов А. А. Оккупация глазами переживших: историческое исследование, 1917–2015. Челябинск, 2015; В годы нашествия: воспоминания участников и очевидцев событий периода оккупации немецко-фашистскими захватчиками Куйбышевского района Калужской области в 1941–1943 гг. Бетлица, 2005; Под оккупацией в 1941–1944 гг.: Статьи и воспоминания / сост. А. С. Гогун, И. В. Грибков, К. Л. Таратухин, Т. С. Джолли, Р. И. Матвеева-Рацевич, Р. В. Полчанинов. М., 2004.

³ Боровичев П. И. За линией фронта. Кн. 1. Военно-историческая повесть, 1941–1943 г. г.: Воспоминания организатора и командира партизанского отряда «За Родину». Смоленск, 1998; Котов Л. Востокский район в период оккупации // Край Смоленский. 2015. № 9. С. 41; Новикова М. К. Предатель // Перекресток. Шумяцкий альманах. Смоленск, 2010. С. 254 Маркизова И. Воспоминания об оккупации // Юхновские вести. 2003. 4 марта. Макухин В. С. Темные страницы оккупации // Севская правда. 2006. 26 декабря; Бурцев Ю. Немецкий староста // Организатор (Сухиничи). 2001. 16 января, 18 января.

⁴ Самутин Л. Я был власовцем. М., 2013; Меньшагин Б. Г. Воспоминания. Смоленск. Катынь. Владимирская тюрьма / Подг. текста и примеч. Г. Суперфина. Париж, 1988; Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994; Столыпин А. П. На службе России: Очерки по истории НТС. Frankfurt a. M., 1986.

Мемуары бывших германских чиновников и военнослужащих вермахта¹ содержат сведения о реализации «восточной политики» Германии, помогают понять причины заинтересованности оккупантов в создании коллаборационистских структур. В. Штрик-Штрикфельд отметил благодатную почву для формирования антисоветских организаций на оккупированной советской территории. Как и многие другие зарубежные мемуаристы, Штрик–Штрикфельд считал, что коллаборационная мотивация жителей обуславливалась, прежде всего, недовольством людей сталинской политикой.

Ценнейшим источником являются изначально не предназначавшиеся для публикации воспоминания генерала Г. Хайнрици, войска которого длительное время вели бои и дислоцировались на Западе РСФСР. Мемуары содержат немецкий взгляд на положение дел в оккупированной зоне. С присущей немцам педантичностью генерал отмечает бедность населения, ненависть некоторой её части к советскому режиму, что использовалось в германских интересах, в том числе и при организации борьбы с партизанами².

Материалы периодической печати представлены в фондах коллекций документальных материалов периода оккупации Брянской области) (ГАБО), содержащих подшивки коллаборационистских газет «Речь» и «Голос народа» за 1942 год. С помощью данного источника можно исследовать будничную деятельность местных оккупационных органов, особенно – их усилия в части агитации и пропаганды, применение оккупантами различных санкций в отношении лиц, не поддерживающих оккупационный режим. Однако также не стоит забывать, что представленная в периодических изданиях информация носила прежде всего пропагандистский характер, вследствие чего часто была приукрашена в интересах оккупантов и их пособников. Отдельные образцы

---

¹ Геббельс Й. Последние записи: дневники 1945 г. Смоленск, 1993; Шелленберг В. Мемуары. М., 1991; Штрик-Штрикфельд В. К. Против Сталина и Гитлера. 3- изд. М., 1993. С. 16–17.

² Хайнрици Г. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записках генерала Хайнрици / под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., О. И. Бэйды, И.Р. Петрова. СПб., 2018.

печатной продукции (листочки, плакаты) выявлены в фонде Смоленского штаба партизанского движения.

Таким образом, как представляется, привлеченные источники в целом репрезентативно отражают предмет исследования, позволяют реализовать заявленные исследовательские задачи. В наибольшей степени свидетельствами источников обеспечено рассмотрение таких граней проблемы, как образование и устройство низового коллаборационного аппарата, мотивация административных коллаборантов, их контакты с гитлеровцами, партизанами и населением. В меньшей степени доступны следственные материалы органов госбезопасности СССР в отношении различных коллаборационистов, что сужает возможности рассмотрения политики возмездия на местах, а также изучения судеб конкретных административных коллаборантов.

Методологическая основа исследования строится на принципах историзма, объективности, системности. При изучении таких вопросов, как деятельность коллаборантов, или партизан, применим ценностный подход, позволяющий сохранить и укрепить основные положения о значимой роли советского народа и государства в Великой победе над гитлеровской Германией¹. Заявленные методологические принципы реализуются в общенаучных методах исследования: анализе, обобщении, дедукции, индукции, синтезе, классификации, систематизации. При рассмотрении вопроса мотивации коллаборантов и поведения обычных граждан в условиях оккупации применяется метод психолого-исторического анализа. Просопографический метод показал свою эффективность при анализе биографий коллаборантов, что помогло сформировать обобщенные черты социального портрета служащего гражданской оккупационной администрации. Историко-описательный метод позволил охарактеризовать мотивацию административных коллаборантов,

---

¹ Галлямова Л. И. Новые подходы к изучению истории Великой Отечественной войны в современной российской историографии // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 30.

показать, как строились их взаимоотношения с гитлеровцами, населением и партизанами. Историко-сравнительный метод позволил сравнить организацию административного аппарата в различных регионах. Историко-генетический метод дал возможность проследить эволюцию политики возмездия советского государства по отношению к коллаборантам на протяжении войны. Статистические методы позволили подсчитать число административных коллаборантов в конкретных местностях, сравнить динамику борьбы с ними и определить степень активности проведения политики возмездия органами госбезопасности после освобождения западной части РСФСР от гитлеровцев.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в освещении наиболее слабо изученной на сегодняшний день административной формы коллаборационизма и борьбы с ним органов и представителей советской власти с опорой на практически не задействованные историками при изучении темы документы региональных архивов. Как правило, до этого административный коллаборационизм рассматривался, преимущественно, как организаторское звено экономической формы, через призму формирования административных институтов, выполнения ими функции по организации снабжения гитлеровской армии продовольствием. В настоящем диссертационном исследовании автор на материале западнорусской деревни применил относительно новый подход, заключающийся в исследовании административного коллаборационизма и борьбы с ним через призму взаимоотношений коллаборантов с представителями различных сил, действовавших в западнорусской деревне в 1941 – 1943 гг., в частности с оккупантами, партизанами, населением, что позволяет увидеть гораздо более широкий спектр мотивации коллаборантов, эволюцию их поведения на протяжении всего периода оккупации, а также более глубоко понять динамику политики возмездия по отношению к административным коллаборантам. Также

на материале конкретных архивно-следственных и проверочно-фильтрационных дел анализируется мотивация коллаборантов.

Практическая значимость. Научно-теоретические положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в изучении широкого круга вопросов истории Великой Отечественной войны, положены в основу разработки программ специальных учебных курсов и учебных пособий по проблемам истории России, в создании проектов по патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, трех глав с семью параграфами, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы и приложения.

Положения, выносимые на защиту.

1) Территория западных районов РСФСР относилась к подчинению военного командования тылового района группы гитлеровских армий «Центр», которое с первых дней оккупации приступило к хаотичному образованию административных структур (институтов старост и бургомистров крупных населенных пунктов), могущих удовлетворить потребности наступающего вермахта, в первую очередь, в местных продовольственных ресурсах.

2) Формирование структурированного административного аппарата пришлось на конец 1941 года, когда немцам стало понятно, что война затягивается и следует наладить систему планомерной экономической эксплуатации оккупированных территорий Запада РСФСР. С ноября 1941 года в пределах этих территорий образуются районные управы, волостные бургомистерства, окружные управления, институты агрономов и участковых инспекторов. В ряде захваченных районов вблизи линии фронта такие структуры созданы не были.

3) На службу в органы местного управления оккупанты привлекали лиц, относящихся к различным социальным группам, кроме расово недостойных, по

их мнению, евреев и цыган. Важными критериями для занятия должности в коллаборационном аппарате являлось наличие у соискателя организаторских способностей, лояльности к гитлеровцам, знания подведомственной территории и, по возможности, образования. Среди администраторов-коллаборантов на селе значительное место занимали бывшие советские специалисты. Немалый процент управленцев формировался из числа бывших партийных работников низового звена. Привилегированное положение в аппарате врага занимали так называемые фольксдойче, но их количество на Западе РСФСР было относительно невелико, как и число лиц с уголовным прошлым, и тех, кто считался советской властью до войны классово-чуждыми (кулаков, эмигрантов).

4) Мотивация коллаборантов формировалась под влиянием меняющегося во времени комплекса обстоятельств: развития событий на советско-германском фронте, всплеск репрессий со стороны гитлеровцев, давления экономических и бытовых факторов, следствием чего были всплески и спады лояльности коллаборантов гитлеровцам.

5) Как и гитлеровские солдаты, административные коллаборанты в глазах партизан являлись врагом, что обуславливало стремление уничтожать их при всяком удобном случае. Наиболее распространенной мишенью становятся старосты, волостные старшины в слабо защищенных сельских населенных пунктах. С 1942 года несмотря на то, что волостные управы начинают активно укрепляться, старосты все еще оставались одной из самых распространенных целей партизан. При этом кроме угрозы уничтожения партизаны все чаще применяли и другие способы противодействия административным коллаборантам на селе: угрозы, изъятие личного и семейного имущества, перевербовку. С середины 1942 г. советской стороной все более активно применялась пропаганда, исходившая из угрозы неминуемого наказания и включавшая уговоры перейти к саботажу или отказу от работы на оккупантов

во благо победы над ними. С 1943 года в партизанских донесениях на «большую землю» редко встречается учет уничтоженных старост, в то время как подсчет количества разгромленных управ и убитых бургомистров был все еще актуален.

6) Первоначально сельское население Запада РСФСР в своем большинстве относительно спокойно восприняло появление коллаборационной администрации. Господствующий в советское время тезис о постоянном и практически повсеместном саботаже сельскими жителями указаний оккупантов источниками не подтверждается. Население, вынужденное кормить немцев, выполняло указания старост и старшин, нередко выступавших посредниками между населением и оккупантами. Саботаж указаний оккупантов чаще проявлялся по мере продвижения линии фронта к населенному пункту, а также при усилении активности партизан в оккупированных районах. Местная администрация в глазах населения порой воспринималась людьми как опора хоть какого-то порядка. По освобождению территории от немцев местные жители часто принимали активное участие как в разоблачении ярых пособников немцев, так и в оправдании тех коллаборантов, кто старался помочь им в условиях оккупации.

7) Так называемый административный аппарат являлся придатком структур, осуществлявших проведение гитлеровской оккупационной политики. Возвеличенный германской пропагандой, он, однако, не имел никакого влияния на оккупантов, ввиду чего не мог эффективно исполнять свои гражданские обязанности. Понимая это, гитлеровцы по отношению к своим административным пособникам из местных помимо политики «пряника» широко использовали и метод «кнута». Последнее сильно ударило по лояльности к ним коллаборантов.

8) Политика возмездия советской власти по отношению к коллаборантам на Западе РСФСР менялась на протяжении войны, становясь все более гибкой к

ее завершению. В начале советские силовые структуры ориентировались на решение проблемы наказания как можно большего числа административных коллаборантов в кратчайшее время, часто не вникая в обстоятельства перехода в услужение к врагу, в тяжесть их вины. Играли роль и слабая практическая подготовка следователей, гонка за показателями следственной работы. В результате значительное количество «прислужников» автоматически несло наказание за сам факт службы на врага. Однако стоит заметить, что власть, не ожидая такого количества случаев пособничества, все-таки стремилась вырабатывать политику возмездия, более адекватную реалиям. Она оформилась в 1943–1944 году и заключалась в соизмерении меры наказания с тяжестью вины, обстоятельствами перехода в услужение к врагу, учитывала смягчающие вину обстоятельства и т. д.

9) Несмотря на некоторое количество лиц, вставших на сторону немцев, административный коллаборационизм в деревне Запада РСФСР не стал массовым явлением, что фактически означало срыв планов гитлеровской верхушки по разжиганию на оккупированной территории подобия гражданской войны. Напротив, увидев своими глазами преступный характер политики немецких властей, многие граждане, прислуживавшие гитлеровцам, осознали истинный характер нацизма и масштаб его угрозы, незавидность своего положения после освобождения родных мест Красной армией. По этой причине оккупантам в итоге не удалось обеспечить себе серьезную поддержку со стороны даже части местного населения, втравить его в новую гражданскую войну.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 16 публикациях автора общим объемом более 19,8 условных печатных листов, в том числе в девяти статьях в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ (общий объем – 11,9 условных печатных листов), а также апробированы в семи статьях,

тезисах сообщений и выступлений на симпозиумах, научных и научно-практических конференциях в г. Могилеве (Республика Беларусь), Смоленске, Калуге (дважды), Туле, Пскове, Волгограде, Вязьме (дважды), Москве, Йошкар-Оле. Тематика публикаций охватывает весь круг проблем, затронутых в диссертации.

Глава 1. Условия формирования органов «русской администрации» и социальный портрет коллаборанта западнорусской деревни

1.1. Образование и устройство коллаборационного аппарата

К поздней осени 1941 года нацисты захватили значительные территории Запада РСФСР. Оккупации подверглись Брянская, Калужская, Смоленская, Орловская, а также частично Калининская, Московская и Тульская области с большей долей сельского населения. С военно-политической точки зрения все занятые фашистами с июня 1941-го года территории подразделялись на две административные зоны: военную и гражданскую. Захваченные области, в состав которых входила большая часть территории современной Белоруссии, Украины и Прибалтики, отходили к подчинению гражданской юрисдикции – ведомству А. Розенберга – Министерству по делам оккупированных территорий. По плану нацистов управление всем захваченным пространством должно было концентрироваться в руках, назначенных из Берлина, высших руководителей – рейхскомиссаров, которые обладали всей полнотой власти в регионе. К лету – осени 1941 г. были сформированы два крупных рейхскомиссариата: «Остланд» (Прибалтика, Белоруссия) и «Украина». Все оккупированные территории, что располагались восточнее рейхскомиссариатов, попадали под управление военного командования и считались прифронтовыми. Как правило, ситуация в таком регионе не позволяла создать рейхскомиссариаты ввиду близости фронта и присутствия в тылу групп окруженных красноармейцев¹. Общее руководство в прифронтовых областях осуществлял генерал-квартирмейстер Верховного командования сухопутных войск, а власть на местах была в руках полевых комендантов.

Оккупированная часть Запада РСФСР относилась к зоне армейского тыла, находящегося под руководством начальника тыловой зоны «Митте» генерала вермахта М. фон Шенкендорфа. Ввиду большого размера захваченной территории, а также в связи с проблемой элементарной нехватки людских ресурсов с начала оккупации в этих местах началось формирование так называемых «органов русской администрации» из числа местных жителей². Как мнению И. Ю. Молодовой, подобные шаги не являлись прихотью конкретных армейских командиров, а опирались на служебные инструкции, выпущенные германскими ведомствами еще до начала вторжения Германии в СССР, каждая из которых определяла военно-политические цели и характер оккупации³.

Еще 13 марта 1941 г. в Берлине была принята инструкция об установлении оккупационного режима на захваченных в ходе осуществления плана «Барбаросса» территориях СССР. Она подразумевала, что при благоприятной военной обстановке должно произойти скорейшее разделение СССР на отдельные государства со своими правительствами. Политическую власть при обеспечении территориальной безопасности получали особые наместники Рейха – рейхскомиссары, лично инструктированные фюрером, которые в своей деятельности имели право опираться на командующего армией и начальника войск СС. До тех пор, пока захваченная территория не становилась достаточно безопасной для функционирования гражданской администрации, вся власть передавалась командующему зоны тыла группы немецких армий, опиравшемуся на военных комендантов и войска, рассредоточенные в различных районах областей и крупных населенных пунктах⁴. Вышедшие 25 июня и 17 июля 1941 года приказы Гитлера наделяли

---

¹ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 13.

² Книга Памяти Брянской области. Т. 12. Брянск, 2003. С. 130–132.

³ Молодова И. Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010. С. 47.

⁴ Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост.: Г. Ф. Заставенко и др. М., 1985. С. 20–23, 46, 52.

командующего войсками серьезными властными полномочиями по отношению к подведомственным оккупированным территориям.

Единое руководство инстанциями, ответственными за эксплуатацию экономических ресурсов в районе боевых действий и на оккупированной территории, фюрер поручил ведомству Г. Геринга по плану штаба «Ольденбург». Еще в феврале 1941 года началась разработка оперативной структуры, которая в условиях будущей войны занялась бы поиском и реквизицией ресурсов для Германии на оккупированных территориях Востока. Подразумевалось, что подобная организация будет взаимодействовать с военными и гражданскими ведомствами, хотя формально она считалась независимой. В её состав, помимо офицеров вермахта, должны были входить представители немецких концернов, аналитических экономических штабов – лица, обладающие значительными экономическими познаниями и знакомые со спецификой экономического устройства СССР. Главой ведомства предполагалось назначить генерал-лейтенанта Шуберта¹.

В апреле 1941 г. состоялось совещание руководителей вермахта при Гитлере, где обсуждалась структура плана «Ольдербург». Создавался штаб экономического руководства, который обязан был выполнять возложенные на него экономические функции. Штаб делился на специальные экономические подразделения, работа которых проходила бы в тыловых районах при группах немецких армий. Эти структуры должны были найти в СССР наиболее важные ресурсы и заняться их вывозкой в Германию. На них же возлагались меры по снабжению сражающегося вермахта продовольствием и фуражом. На низших ступенях иерархии этих ведомств имелись хозяйственные отделы, взаимодействующие с местными военными комендатурами и выполнявшие аналогичные задачи.

---

¹ Преступные цели – преступные средства. С. 18–19.

При штабе экономического руководства создавались особые комитеты, руководящие хозяйственными командами и отвечавшие за исполнение различных операций. Комитеты работали в трех направлениях: отдел «М» занимался вопросами вооружения, транспорта; «Л» – продовольственным снабжением и сельским хозяйством, «В» – промышленностью, торговлей и использованием рабочей силы.

В рамках исследования особый интерес представляет деятельность отдела «Л». В зоне группы армий «Центр» предполагалось расположить центры хозяйственных инспекций в городах Минск, Москва, Тула, Горький. Филиалы должны были разместиться в Брянске, Ярославле, Рыбинске¹. Всего, по данным Т. Дандыкина, в СССР из Германии отправилось около 900 чел. различных чиновников, призванных налаживать грабеж и насилие на оккупированной территории².

Практические нормы по осуществлению деятельности таких институтов были сформулированы 1 июня 1941 года начальником отдела «Л» статс-секретарем Г. Бакке в инструкции для своих сотрудников о «поведении на территории оккупированной России». В документе говорилось: «Никаких объяснений и обоснований не должно быть, пусть русские видят в наших работниках руководителей... Товарищество применимо только между немцами, ответственность - перед вышестоящими, авторитет – для подчиненных. Необходимо всегда держаться замкнуто по отношению к русским. Лица, которые проявят бесхарактерность, отсутствие жесткости, будут немедленно сняты с работы...»³. С одной стороны, инструкция, пропитанная расовой моралью, подразумевала хищнические планы гитлеровцев на оккупированной территории СССР. Но также отмечалась и необходимость налаживания

---

¹ Преступные цели – преступные средства. С. 24–26.

² Дандыкин Т. К. Не ставшие на колени. Брянск, 2005. С. 30.

³ Преступные цели – преступные средства. С. 30–33.

взаимодействия оккупантов с местным населением при отведении немцам руководящей роли.

16 июня 1941 г. перед самым вторжением в СССР вышла директива об ограблении намеченной к оккупации территории, нормы которой вошли в «Зеленую папку». В окончательном варианте предполагалось предпринять все меры к использованию оккупированных областей в интересах Германии. Приоритетными целями считались нефтяные и продовольственные ресурсы. Отношение к различным областям, попавшим под оккупацию, также должно было быть дифференцированным. Развитие хозяйства и поддержание порядка следовало проводить только там, где могли быть замечены значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти. В районах, которые не могли прокормить себя сами, экономическая деятельность команд должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов.

В директиве подчеркивалось, что снабжение вермахта являлось первостепенной задачей, и выполнение её подразумевалось любыми средствами. Четвертый пункт директивы гласил, что для обеспечения успеха необходимо привлечение сотрудников различных экономических комиссариатов, исключая работников, выполняющих ранее сугубо политические задачи¹. Приказом начальником штаба Верховного главнокомандования инструкции «Зеленой папки» Геринга считались обязательными к исполнению для всех командиров войсковых частей Германии. Любая хозяйственная инстанция, работающая для экономического штаба, могла получить от армии необходимую поддержку². В директиве подчеркивалось, что для выполнения поставленных задач необходимо использовать местное население, в том числе из числа бывших советских руководителей³.

---

¹ Преступные цели – преступные средства. С. 35–39.

² Там же. С. 39.

³ Леонтьев А. Зеленая папка Геринга. Куйбышев, 1942. С. 18.

22 июня 1941 г. началось вторжение гитлеровских армий в СССР. К концу 1941 года оккупации подверглись Украина, Белоруссия, Прибалтика, значительная часть Западной России. 2/3 жителей или 70% населения оккупированных территорий проживало в сельской местности¹. Формирование аппарата «русской администрации» началось с начала войны по инициативе офицеров наступавших частей вермахта. По плану гитлеровцев области делились на округа во главе с обербургомистрами. Округ подразделялся на районы, состоящие из нескольких волостей под управлением бургомистра. Однако такое территориальное устройство не являлось однообразным.

Самым ранним по времени организации на Западе РСФСР являлось Брянское окружное управление, которое начало функционировать уже в ноябре 1941 года². К середине 1942 года была создана Локотская окружная управа во главе с печально известным обер-бургомистром Каминским. Орловское и Смоленское окружные управления были образованы только 1943 году, когда оккупанты задумали провести преобразования административного устройства, переподчинив областным центрам ряд самоуправлявшихся до этого районов. Видимо, это связывалось с надеждой немцев на более эффективное использование потенциала оккупированной территории. Смоленский округ включал в себя 34 волости, включавшие от 5 до 15 деревень. Орловский округ, также сформировавшийся в 1943 году, подразумевал управление 6-ю окружными районами: Кромским, Нарышкинским, Орловским, Змиевским, Сосковским, Троснянским и внерайонным городом Орлом³. Обербургомистр, как и любой служащий органов русской администрации, подчинялся

---

¹ Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945: история и психология подвига. М., 2003. С. 241.

² Л. А. Саран утверждает, что Брянский округ был образован позднее, лишь в 1943 году в рамках усиления немцами борьбы с партизанами. См.: Саран Л.А. Органы власти на оккупированной Орловщине 1941–1943 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2005/896-organy-vlasti-na-okkupirovannoj-orlovshchine-1941-1943-gg> (дата обращения: 22.02.2019). Однако автору диссертации встречались свидетельства и более раннего функционирования этой административно-территориальной единицы (См.: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1143. Л. 8).

³ Выстояли и победили! Орловская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов. Орел, 2005. С. 38.

германской комендатуре и был обязан поддерживать с ней тесную связь. Со своей стороны, он являлся начальником всех районных бургомистров и бургомистра областного центра. Под власть главы округа не попадали агрономы и иные старшие экономические специалисты, которые подчинялись напрямую сельскохозяйственной германской комендатуре. По отношению к ним начальник окружного управления являлся лишь административным начальником, в отношении которого агрономы несли лишь обязанности информаторов¹.

Окружные управления создавались позднее, нежели институты старост и районно-городских бургомистров. Они являлись верхним уровнем административной системы, посредством которой должно было обеспечиваться эффективное снабжение областных центров, где располагались основные германские предприятия и крупные гарнизоны.

Раньше окружного сформировалось городское, районное и общинное управление. В Орловском регионе понятие «район» было заменено на дореволюционное – «уезд», на Смоленщине «районы» так остались районами. Каждый уезд (район) включал в себя по 6–10 волостей во главе со старшинами или бургомистрами².

На первых порах территориальное формирование органов «русской администрации» происходило по мере занятия немецкими войсками населенных пунктов и носило бессистемный характер, часто завися от безопасности территории для гитлеровцев и ее размеров. Уже 28 июля 1941 г. командование 7-го армейского корпуса вермахта, действовавшего недалеко от г. Смоленска, приказало военным частям принять меры для восстановления сельского хозяйства через крестьян. Для бесперебойной деятельности работы колхозов и организации жизни на местах предлагалось сформировать путем

---

¹ Там же.

² Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». С. 29.

участия местных жителей первичные коллаборационные институты старост¹. В другом ранее выпущенном источнике – «дополнении к директиве № 33» от 23 июня 1941 г. германского Верховного главнокомандования – говорилось о неспособности оккупационных сил обеспечить умиротворение местности только путем армейских команд: «Войск, выделяемых для населения службы охраны в занятых восточных областях, хватит выполнения задач лишь в том случае, если всякое сопротивление будет ликвидировано не путем судебного наказания виновных, а распространением со стороны оккупационных властей такого страха и ужаса, который отобьет у населения всякое желание к противодействию...»². Особенность нехватки средств для управления такой территорией отмечалась и в докладе командира тыловой охранной зоны группы армий «Центр»: «Командующие должны изымать средства для обеспечения порядка в охраняемых районах, не запрашивая новых частей, а принимая драконовские меры...»³. Таким образом, по причине внушительных размеров захваченных территорий немецкому командованию было важно в кратчайшие сроки создать систему управления захваченными территориями, что было затруднительно без привлечения представителей местного населения.

Формирование институтов старост как низовых звеньев коллаборационного аппарата в различных местах происходило по-разному. Колхозник Лукьянов из Смоленской области вспоминал, что порой немцы не проводили процедуры выборов, а зачисляли на должности старост всех председателей колхозов, работающих до оккупации. Так, в пос. Гремячки Смоленской области приехал взвод солдат с офицером, согнал население на собрание и объявил, что старостой будет указанный ими человек⁴. Иногда немцы создавали видимость выборов. В д. Нежино выборами старост руководил

---

¹ Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». С. 173; ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 80. Л. 2.

² История Великой Отечественной войны СССР 1941–1945 гг. в 6 т. Т. 2. М., 1963. С. 128.

³ Документы и материалы отдела Великой Отечественной войны. С. 234.

⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 299. Л. 167, 193.

немецкий офицер. Крестьяне, приглашенные на собрание, не соглашались с кандидатурами. Тогда вмешался немец и предложил свою кандидатуру. Крестьяне молчали, тогда офицер сказал, что ему эта кандидатура нравится, поэтому так и будет¹. Имело место и избрание старост старшинами по их инициативе. Подобная мера наблюдалась в Знаменской волости Смоленской области и проявлялась позднее, когда кандидатуру подбирали заново, при формировании института волостных старшин². В редких случаях старосту избирали сроком на один или несколько месяцев³.

Староста являлся наиболее близкой властью для крестьянина. Его указания должны были исполняться в обязательном порядке. Однако бывали ситуации, когда староста лишался серьезных властных полномочий и являлся всего лишь исполнителем распоряжений гитлеровцев. Староста д. Комарово Угодско-Заводского района Московской области практически не руководил селом, а только исполнял указания командования расквартированной неподалеку немецкой части. Каждое утро он должен был составлять списки людей, которых немцы забирали на работы⁴. Такие ситуации были довольно часты и имели место в прифронтовых зонах, где режим оккупации был ужесточен, а также располагалось большое количество гитлеровских войск. Упомянутые «условные старосты» зачастую были в районах севера и востока нынешней Калужской, западной части Московской и Тульской областях, приближенных к линии фронта.

Представляет интерес вопрос о возможности отказа намечаемого кандидата от назначения на административную должность. Не секрет, что в некоторых воспоминаниях свидетелей оккупации имеется некоторая информация о поочередном правлении нескольких старост в одной деревне и

---

¹ Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944. М., 1976. С. 88.

² ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 299. Л. 67.

³ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 8. Л. 143.

⁴ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 563. Л. 11.

даже их поочередной смены. Однако смена старост могла происходить и по причине их гибели от рук партизан или самих оккупантов. Сведения о добровольном отказе от должности в источниках крайне скудны. Так, проживавшая на Смоленщине М. Н. Оборина вспоминала, что когда кто-то не хотел быть старостой, но не мог об этом заявить, он вдруг «заболевал» и таким образом уклонялся от назначения. Тогда определялись другие кандидатуры¹.

С другой стороны, делопроизводственные материалы оккупационного начальства содержат сведения о снятии с работы отдельных старост бургомистрами, как «не справившихся со своими обязанностями»². Однако в источниках есть и примеры расправ над теми, кто отказался от назначения. В 1943 году вблизи д. Пустово Стародубского района Орловской области немцы расстреляли жителя д. Голубково П. Цыганова за отказ на них работать. По аналогичной причине такая же участь постигла и колхозника совхоза «Красный партизан» Трубчевского района Сафроненко³. Такие случаи не были единичными. Но все же говорить о повсеместных расправах за отказ от должности старосты на Западе РСФСР нельзя. Как правило, отказаться от назначения осенью 1941 года было еще возможно, поскольку в то время желающие добровольно послужить немцам еще находились, да и сами гитлеровцы были уверены в своей победе. Однако с 1942 года, когда определенное количество старост было убито партизанами, а население осознало риски, сопутствующие занятию этой должности, зачисление в административные структуры оккупантов начинало носить принудительный характер, а последствия для отказчика могли быть совсем иными. Жестокость немцев уже была хорошо известна, да и по своей психологии человек периода

---

¹Оборина М. Н. Партизаны / «Я помню». [Электронный ресурс]. URL: <https://iremember.ru/memoirs/partizani/oborina-mariya-naumovna/> (дата обращения 05.08.2019).

² ГАСО. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 1. Л. 161. ГАКО. Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 315. Л. 10. Д. 1082. Л. 22.

оккупации подчас не мог похвастаться желанием открыто противопоставить себя воле гитлеровцев.

Обычно на должность старосты назначали людей, недовольных советской властью, но поскольку таким лицам жители не особо доверяли, самыми подходящими кандидатами на этот пост оказались бывшие председатели колхозов, как наиболее опытные и могущие оперативно организовать жизнь и выполнение трудовых обязанностей. В ряде случаев при значительных размерах населенного пункта могло быть назначено два старосты, власть которых распространялась на разные концы крупного села. Упомянутые примеры отмечались в с. Брыннь Думиничского района Смоленской области, где сложилась нетипичная ситуация: в одном конце заправлял партизанский староста Ефим, а в другом – Демид, работающий на немцев¹. Аналогичное устройство также отмечено на примере села Шуваловка Ершичского района Смоленской области и пос. Дмитрово Калининской области².

В качестве помощника староста мог иметь заместителя, писаря, 2–3 полицейских³. Старосте выдавалось удостоверение, которое часто продлевалось или менялось немцами во избежание подделок или использования его другими лицами⁴. Ни один житель села не имел права без его распоряжения никуда выезжать или пустить кого-либо на ночлег. Ввиду скоротечности формирования этого института лишь только с появлением партизан старосты стали активно проверяться немецкой полевой жандармерией и комендатурами⁵. Поэтому на первых порах имело место многочисленное присутствие среди старост просоветски настроенных лиц, помогавших партизанам. Донесения разведотделов НКВД конца 1941 года уже содержали некоторую информацию о

---

¹ Фетисова А. Брынская быль // Калужская застава-3: историко-краеведческий альманах. Калуга, 2005. С. 208–219.

² ГАСО. Ф. Р.-2740. Оп. 1. Д. 3. Л. 17. ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 121. Л. 135.

³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 182–186.

⁴ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. С. 40.

⁵ Трифанков Ю. Т., Шанцева Е. Н., Дзюбан В. В., Партизаны и предатели. Брянск, 2012; Кучер В. Н. Партизаны Брянского леса. С. 112.

таких людях. Так, в д. Котлы староста Н. Варягин призывал колхозников помогать партизанам, заявляя: «Не верьте немецкой лжи. Россия никогда не была побежденной и не будет». Некоторые из них распространяли антинемецкие листовки и под страхом наказания вели антифашистскую пропаганду¹. Именно поэтому среди старост могли оказаться люди, работающие на партизан.

В партизанских документах неоднократно прослеживается тенденция деления старост на «партизанских» и «немецких». Те, кто работать на партизан не хотел, подвергали свою жизнь серьезной опасности. Это касалось и более крупных фигур «русской администрации» – волостных старшин. Недооценив развитие партизанского движения, немцы длительное время не выделяли значительных средств для обеспечения безопасности низовых органов власти, что делало старосту очень уязвимой фигурой. В с. Палики Думиничского района Смоленской области волостная управа состояла из волостного старшины, секретаря, агронома и нескольких полицейских. Вскоре после создания управу разгромили 15 переодетых под немцев партизан, а бургомистр был убит. В следующий раз оккупанты, сколотив управу, перенесли её в безопасное место, построив вокруг укрепления².

Уже при окончательном формировании на Западе РСФСР оккупационного аппарата к началу 1942 года стало ясно, что староста напрямую подчинялся не только волостному старшине, но в первую очередь был обязан исполнять указания и гитлеровских экономических ведомств³. Коллаборационная пресса пыталась представить институт старост как особо важный и почетный в деревне. В газете «Голос народа» объяснялось, что «должность старосты – это большая и ответственная должность, представляющая интересы Германии на

---

¹ Страна в огне: В 3 т. Коренной перелом. 1942–1943 в 2 кн. Кн.2. Документы и материалы / отв. ред. А. М. Литвин А. М., Ю. А. Никифоров. М., 2018. С. 238.

² ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 178. Л. 61.

³ ГАБО. Ф. Р-2594. Оп. 1. Д. 17. Л.15, 23.

местах. Он обеспечивал руководство и порядок в сельском пункте, участвовал в предоставлении сведений о партизанах, выполнял распоряжения руководящих органов, обеспечивал нужды населения. Именно от действий старосты зависело, насколько населенный пункт в дальнейшем будет обустроен...»¹. Однако на деле пропагандируемая формальная престижность статуса старост часто расходилась с реалиями, делая его фигуру весьма уязвимой как и перед немцами, так и перед партизанами.

Почти одновременно при занятии крупных населенных пунктов немцы формировали городскую власть в лице так называемых «бургомистров», или «начальников управ»². Организация городского управления проходила в самые кратчайшие сроки. Например, Козельская горуправа Смоленской области к середине ноября 1941 года уже приступила к налаживанию производства на предприятиях города и округа. Трудившиеся на них рабочие, получали зарплату³. Подобные оперативные действия отмечались в Кировском, Мосальском районах области⁴, в местах, имевших интересующий оккупантов экономический потенциал. Однако населенные пункты, расположенные на пересечении важных транспортных артерий, а также не имевшие экономической значимости такой судьбы избегли. Немцев они интересовали только как логистические центры, выполняли функцию плацдармов, приближенных к линии фронта. Как правило, в этих территориях не развивалась никакая инфраструктура, а местные начальники были настолько урезаны в полномочиях, что не могли почти ничего осуществить в интересах населения. В лучшем случае оно обеспечивалось работой на местных уцелевших предприятиях и сельского хозяйства. Так, по воспоминаниям жителей оккупированного г. Малоярославца, поставленный бургомистр ничего не сделал

---

¹ ЦДНИБО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

² ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 80. Л. 2.

³ ГАКО. Ф. Р-992. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–20, 49.

⁴ ГАКО. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 1. Л. 81, 88, 117; Бауэр А. А. Киров: город-труженик, город-воин: Кировский район в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Киров, 2000. С. 24.

для создания хоть какой-то инфраструктуры, не обращая внимания на жалобы граждан. В городе господствовали немцы¹. Другой очевидец оккупации Малоярославецкого района М. Н. Приходько вспоминала: «Есть было нечего, магазинов не было, базаров не было. В городе до прихода немцев было две бани. Одну из них они уничтожили, в другой мылись сами. Для горожан же баня была закрыта. Гражданам строго запретили приближаться к вокзалу и железнодорожным путям... Недавно немцы пристрелили мальчика, который вздумал перейти через линию дороги. И, конечно, в городе не было кино, столовых, кафе...»².

Если обстоятельства позволяли, гитлеровцы стремились назначать бургомистрами лиц, обиженных советской властью, имеющих образование и обладающих организаторскими способностями. Но имелись случаи, когда в маленьких городках или поселках этот пост занимали лица по прямому принуждению немцев из числа людей, пользующихся авторитетом у населения.

Аппарат городской управы включал в себя бургомистра города, его заместителя, начальника городской полиции, сотрудников различных отделов: финансового, социального страхования, дорожного, здравоохранения, лесного, а также заведующего пригородной округой, многочисленных секретарей и переводчиков³. Численность персонала составляла от 100 чел. и более, включая поваров, кучеров, уборщиков. Немецкие инструкции призывали население подчиняться указаниям городских и районных властей, нарекая новых управленцев «представителями нового порядка», пользующихся поддержкой Германии. Как правило, в районном центре – городе имелось два бургомистра: один управлял городской жизнью, другой – сельской округой. Второй именовался начальником района или земским бургомистром. Иногда должность

---

¹ Писаренко И. С. Вощенкова Н. С. Масленков А. Н. Малоярославецкий район в годы Великой Отечественной войны. Калуга, 2001. С. 43.

² Белевский П. Из беседы с очевидцами оккупации. «Известия»: [Электронный ресурс]. URL: <https://Ognev.livejournal.com/318077.html> (дата обращения 25. 07. 2019).

³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 349. Л. 136.

городского и районного бургомистра могло занимать одно и то же лицо. Так, в гор. Щекино Тульской области некто Кувшинов совмещал должности бургомистра города и района¹, как и эстонец Корендовский в пос. Сухиничи Смоленской области. Видимо, оценив лояльность сухиничского главы, оккупанты полностью положились на этого человека. Районные управители, как и городские, пытались организовать жизнь населения на подвластных территориях, курировали работу волостных старшин, транслировали жителям распоряжения немецкой комендатуры, принимали жалобы населения для их дальнейшего рассмотрения². Городской бургомистр подчинялся районному.

Архивные документы содержат некоторую информацию о режиме работы ряда управ. Например, Торопецкая районная управа Калининской области работала с 8.00 до 17.00 с перерывом от 12.00 до 13.00³. Калужская городская управа осуществляла свои функции с 8.00 до 17.00 с перерывом от 13.00 до 14.00⁴. Практически везде выходным днем объявлялось воскресенье, но для связи с комендатурой в обязательном порядке оставался кто-нибудь из представителей управы, а также дежурный полицейский⁵. Похожий режим дня был установлен и в других районных центрах.

С первых дней функционирования органов местного управления для их контроля в крупных и средних населенных пунктах создавался аппарат немецкой комендатуры, обладающий всей полнотой власти на местах. Комендатура включала в себя коменданта-офицера, чаще всего это был майор или полковник в крупном населенном пункте, или лейтенант или капитан – в небольшом. Также комендатура имела биржу труда, представителей

---

¹ Митрофанов С. Тайная жизнь бургомистра // Тульские известия. 2018. 13 ноября.

² Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Тула, 1970. С. 221.

³ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–6.

⁴ Молодова И. Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010. С. 194.

⁵ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

заготовительного отдела, отделение полевой жандармерии¹. К 1 октября 1943 года в различных комендатурах вермахта на оккупированной территории служило 7 500 солдат и офицеров². Как правило, в районе действия каждой немецкой армии имелось от 2 до 6 полевых комендатур. Но и в их устройстве имеются определенные неясности. В ряде партизанских донесений указывается, что практически в границах любой территории в размерах не меньше волости имелась местная комендатура³. Сама численность личного состава комендатур обычно не превышала несколько десятков человек. Комендатура включала следующие отделы: сельскохозяйственный, военный, полиции, транспортный, регистрации населения, отдел по делам военнопленных, экономический. По причине нехватки немецких сил 29 августа 1941 года командование сухопутными силами Германии разрешило командующим тыловыми районами во взаимодействии с высшим руководством СС и полиции приступить к созданию местной полиции⁴.

В немецких инструкциях коллаборантам указывалось, что по всем вопросам гражданского и местного управления окончательное решение выносилось только местной комендатурой⁵. Такой же немецкий контроль устанавливался и за полицией. Для контроля за низовыми коллаборационными структурами оккупанты создавали специальные ревизионные институты – государственные инспекции, выискивающие нарушения в деятельности старост и старшин. Как правило, формирование таких институтов проходило не сразу, а в ходе построения «регулярного» аппарата органов местного самоуправления, поэтому говорить об их деятельности мы можем только к концу 1941 года. Так, инспекция госконтроля за старостами и старшинами уже с начала 1942 года

---

¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 349. Л. 136.

² Жуков Д. Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. С. 39.

³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 285. Л. 35.

⁴ Жуков Д., Ковтун И. Полицаи: история, судьбы и преступления. Изд. 3-е, испр. М., 2016. С. 27.

⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 47. Л. 28.

обнаружила нарушения, связанные с подделками справок, выдачей ложных документов, неправильным переделом земли, на что со стороны немцев в срочном порядке стали выходить «запретительные инструкции»¹.

Практически сразу после устройства власти в городах в относительно умиротворенных районах оккупанты взялись за формирование управления в окружной местности. Постепенно начинали функционировать и районные управы. В Калуге её называли земской, в Орловском, Брянском округах – уездной. Калужское земство было образовано в декабре 1941 года и включало в себя 6 отделов: сельскохозяйственный, финансовый, лесной, дорожный, отдел статистики, отдел землеустройства, отдел образования, состоявшее из 103 сотрудников². По воспоминаниям бывшего начальника Калужской земской управы В. Ф. Агафонова, «все места по отделам управы были заполнены в 4–5 дней. Служащих насчитывалось до 400 человек, все это бывшие сослуживцы и иной техперсонал, кто остался в городе»³. Приблизительно с 20 чисел ноября она начала свою работу. Состоялось совещание участковых агрономов, старшин, управляющих совхозами, директоров научных учреждений сельского и лесного хозяйства Калуги и Калужского района, на котором для чиновников были поставлены первоочередные задачи: «прекратить самовольное растаскивание инвентаря, сбруи, построек, скота, произвести учет, наладить работу, поправлять разрушения, собрать растасканное, привести в порядок хозяйство», наладить обмолот зерна, навести порядок с забоем скота для германской армии, произвести ремонт тракторов и сельскохозяйственной прицепной техники, засыпать и тщательно хранить семенной фонд и готовиться к весеннему севу». Одновременно начальнику районной управы дали понять,

---

¹ ЦДНИБО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 36. Л. 30–32. Ковалев Б.Н. «Новая русская администрация» на оккупированной нацистами территории России как декларация континуитета государственной власти // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. №1 (6). С. 70.

² ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–6.

³ Михеенков С. Остановить Гудериана. 50-я армия в сражениях за Тулу и Калугу. 1941–1942 гг. М., 2013. С. 143–144.

что на нем лежит ответственность по обеспечению города продовольствием и удовлетворению в нем нужд германской армии¹.

В районном аппарате работали районный начальник, его заместители, начальники отделов, кассир, бухгалтер, машинистка, сторож, конюхи, переводчик, заведующий радиоузлом. Руководителем административного аппарата района объявлялся начальник района. В его функции входило руководство управой района, принятие мер по обеспечению порядка на подвластной территории, оказание помощи хозяйственным командам немцев, а также трансляции указаний германской комендатуры волостным старшинам на проводимых ими совещаниях². При осуществлении своих полномочий бургомистр мог также налагать взыскания в отношении граждан района, однако они ни в коей мере не должны были касаться немецких военнослужащих или интересов германской армии. В подобных случаях предполагалось немедленное извещение комендатуры. По инструкции бургомистр района мог выносить следующие наказания, распространявшиеся на гражданских лиц: денежный штраф в размере 4 000 руб., арест сроком на 2 месяца, принудительные работы сроком один месяц³. Начальник района имел право применять дисциплинарные санкции и в отношении подчиненных ему сотрудников иных управленческих структур. Так, за несдачу вовремя налоговой отчетности по сбору местных поступлений старшины Михайловской и Тростинской волостей Смоленского округа подверглись штрафу в 100 рублей⁴.

Существовавший при управе аппарат хозяйственного отдела включал в себя главного агронома, его заместителя, волостных агрономов (по одному на волость), лаборантку, машинистку⁵. На хозяйственный отдел возлагалась задача обеспечения контроля за сбором провизии со стороны волостных старшин. К

---

¹ Михеенков С. Остановить Гудериана. С. 143–144; ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–6.

² ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.

³ Там же. Д. 15. Л. 220.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 1. Л. 81.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 32. Л. 60.

тому же для инспекторских полномочий при каждом районе имелась сельскохозяйственная комендатура, возглавляемая немцами и ведавшая всей работой экономического управления на местах. Комендант контролировал деятельность старшин и хозяйственный отдел районной управы. Его вмешательство вызывалось теми случаями, когда имелась прямая угроза немецким интересам или невозможность начальников сельскохозяйственных отделов качественно выполнить свои обязательства.

Как правило, районное ведомство должно было осуществлять обеспечение продовольствием не только немецких солдат, но и районного центра, поэтому в подчинение этой структуры придавались селения, находящиеся вблизи города, в источниках обозначаемые как пригородные. Чаще всего район включал в себя 6–18 волостей в границах бывшего сельсовета. Однако и здесь четкого территориального разграничения мы не наблюдаем. Зачастую разграничение территориальных размеров зависело от многих факторов. Например, охваченный партизанским сопротивлением Людиновский район Орловской области для удобства управления и контроля включал в себя 6 волостей¹, а более спокойный, с точки зрения гитлеровцев Идрицкий район Калининской области состоял из 18 волостей²; Красногорскому районному управлению той же области подчинялось 13 волостей³. Калужская земская управа (пригородный район) формировалась из 11 земских участков⁴, Козельский район не подвергся реструктуризации и состоял из 16 небольших зон⁵. В Мосальский район Смоленской области входило 24 волости, однако демографический потенциал его был скуден⁶.

---

¹ Книга Памяти Калужской области. Калужские рубежи / под ред. Т. В. Романовой. Т. XIX. Тула, 2011. С. 223.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 353. Л. 25.

³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 349. Л. 233.

⁴ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 951. Л. 37.

⁶ ГАКО. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 4. Л. 61.

По мере необходимости немцы могли сужать или расширять территорию административных единиц. Размеры самой волости не были одинаковым и постоянно различались в разных местах, включая в себя от 6 до 25 селений. Как правило, в отличие от райуправ, штат волостного аппарата был менее ограничен и не подразумевал деление на функциональные отделы. Несмотря же на общую практику деления, некоторые случаи расчленения волостного аппарата на отделы в источниках все же отмечаются. Так, каждая из пяти волостных управ Трубчевского района Орловской области сочетала в себе административный, налогово-финансовый и полицейский отделы¹. По-видимому, это было связано с успешным развитием территории, что формировало её самостоятельность, а также влиянием внешних факторов, например, таких, как развитие партизанского движения и близость к линии фронта.

В историографии господствует точка зрения о скоротечном создании волостных институтов наравне с организацией старостатов и бургомистерств². Однако, на наш взгляд, на материале оккупированного гитлеровцами Запада РСФСР, данные по которому отражены в таблице № 2 приложения, это утверждение выглядит весьма относительным. По этому поводу можно сказать, что источники не подтверждают наличие волостных управлений в прифронтовых местностях, а именно на западе оккупированной части Московской области, севере Смоленской, в Тульской области.

Своеобразная ситуация с образованием волостных ведомств сложилась в нескольких восточных районах Смоленской области. Так, в Мосальском районе волостные управители обращались к бургомистру города, минуя начальника района. Институт волостной власти начнет здесь функционировать под прямым руководством бургомистра города не сразу, спустя какое-то время³. Похожая

---

¹ Ермолов И. Г. Самоуправление на оккупированных территориях РСФСР // Ученые записки Орловского государственного университета. 2008. № 1. С. 17–18.

² Ковалев Б. Н. «Новая русская администрация» на оккупированной нацистами территории России как декларация континуитета государственной власти. С. 69.

³ ГАКО. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

ситуация отмечается и в соседнем Юхновском районе, где с конца ноября 1941 года все старшины также были переориентированы на прямой контакт с бургомистром города¹. Видимо, такой порядок устройства объяснялся небольшими размерами упомянутых районов, малым количеством в них промышленных предприятий, что позволяло бургомистрам совмещать должности.

Волости возглавляли волостные старшины, в подчинении которых находились старосты. В немецком документе от 27 сентября 1941 года говорилось, что старшина, как и староста, прежде всего, являлся ставленником военной комендатуры, а не выборным представителем населения, поэтому обязан беспрекословно исполнять ее указания². Зачастую старшины назначались из лиц, имеющих организаторские навыки или ранее ведавших сельскохозяйственными отделами³. Основной контингент старшинского звена состоял из бывших советских руководителей территориальных единиц или лиц, знакомых с сельским хозяйством: агрономов, землемеров, зоотехников, председателей колхозов. Бывали случаи, когда старшину назначала не немцы, а избирали старосты при содействии немецкого офицера. Подобный случай был отмечен в Яковинской волости Брянского округа⁴. Старшина мог быть избран и населением, как было в земской управе Калужского района⁵. В деревнях, где жил волостной старшина, староста, как правило, не назначался, его обязанности одновременно выполнял тот же старшина⁶. В экстренных случаях старшиной могло стать лицо, окончившее специализированные курсы. С конца 1942 года ввиду нехватки кадров, вызванной частым нападением партизан, а также осознанием людьми «непривлекательности» работы на немцев, Ельнинская

---

¹ ГАКО. Ф. Р-997. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 15.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 827. Л. 89.

³ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 299. Л. 67.

⁴ ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 57.

⁵ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

⁶ Ермолов И. Г. Самоуправление на оккупированных территориях РСФСР // Ученые записки Орловского государственного университета. 2008. № 1. С. 17–18.

районная управа утвердила создание специальных курсов подготовки кандидатов на должность старшин. Начальник управы настойчиво требовал от старшин срочно подобрать кандидатов на эти курсы. Оперативно справился с заданием старшина Шупарнской волости. Недовольство бургомистра было вызвано тем, что другие старшины Ельнинского района столкнулись с трудностями при подборе курсантов¹.

Волостная управа не была многочисленной и состояла из старшины, агронома-заместителя, писаря, начальника полиции, нескольких полицейских². Старшина мог принимать жалобы от граждан, заслушивал донесения старост, получал указания районных начальников, вместе с хозотделом вел учет налогов, принимал их, оказывал помощь хозяйственным командам и солдатам вермахта посредством прямых указаний старостам³.

По указанию полевой комендатуры при каждом волостном управлении (сельской общине) должен был работать суд. Он состоял из двух членов и председателя, которым назначался бургомистр волости. Суд рассматривал уголовные и гражданские дела и мог выносить решения, предусматривавшие штраф до 1 000 руб., тюремное заключение до 14 дней и принудительные работы до трех месяцев. Таким образом, на уровне волости исполнительная и судебная власти сосредотачивались в руках старшин⁴.

При обзоре устройства «русской администрации» стоит уделить внимание и фигуре агронома. На уровне волостных единиц работали отделы сельскохозяйственных команд, возглавляемые русскими управленцами. Б. Н. Ковалев полагает, что примерно с весны 1942 г. немцами стали организовываться так называемые агрономические участки, включающие в себя

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

² ГАБО. Ф. Р-2594. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

³ ГАБО. Ф. Р-2594. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

⁴ Саран Л. А. Органы власти на оккупированной Орловщине 1941–1943 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2005/896-organy-vlasti-na-okkupirovannoj-orlovshchine-1941-1943-gg> (дата обращения: 22.02.2019).

2–3 волости. На каждый участок немцами или представителями управы назначался инспектирующий агроном¹. Агрономами становились, как правило, лица, ранее знакомые с ведением хозяйства – бывшие зоотехники, счетоводы, бухгалтеры или агрономы. Так, в Стародубском районе Орловской области сельскохозяйственный комендант Вестпхель не стал «ломать голову» и назначил на эти должности всех, ранее на ней работавших, не спрашивая их мнения². Ряд подобных должностей занимались женщинами. Такая ситуация наблюдалась в Данинской и Шупарнской волостях Ельнинского района³.

Как и в случае с кадрами волостных бургомистров, местные гражданские власти стали организовывать систему курсов для подготовки агрономов. Однако в отличие от подготовки чиновников, подобные курсы стали появляться уже в конце 1941 – начале 1942 года по причине важности этой должности, прежде всего, для реализации экономических планов оккупантов. В числе требований к кандидатам указывался возраст от 16 до 45 лет, мужской пол соискателя и образование не ниже 6 классов. Шестимесячное обучение проводилось за плату 50 руб. в месяц⁴.

Инструкциями фиксировалось, что волостной и агроном должны были работать самостоятельно, но, как свидетельствуют источники, их функции зачастую переплетались. Подчас агрономы были недовольны несанкционированным использованием старшинами ресурсов, предназначенных для германской армии. Осуждалась и несвоевременная сдача провизии. Видимо, таким образом немцы создавали на местах контролирующие друг друга институты, чем подстегивали конкуренцию в среде административных коллаборантов, затрудняя возможность вербовки бургомистров партизанам⁵. Именно таким образом в систему органов «русской

---

¹ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. С. 143.

² ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

³ ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 1. Л. 4. Д. 3. Л. 3.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1147. Л. 170.

⁵ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. С. 143.

администрации» целенаправленно закладывалось двойное руководство. С одной стороны, волостной руководил всеми работниками волости, в том числе и старостами в деревнях, а с другой, он делил власть с агрономами, начальниками сельскохозяйственных отделов, которые напрямую подчинялись немцам¹. Волостной не мог вмешиваться в дела агронома, обязан был ему помогать и выполнять все его распоряжения. Существенно влиять на волостного мог также и районный бургомистр.

Для поддержания выгодного гитлеровцам порядка и борьбы с партизанами в местностях наравне с гражданскими органами также формировался и аппарат полиции. Количество полицейских зависело от размера обслуживаемой территории и обстановки в регионе. Так, для помощи старосте придавалось всего 2–3 полицейских, но волостной имел в подчинении уже 10–30 чел.² На уровне районов их численность увеличивалась и могла достигать нескольких сотен. Непокойный для оккупантов Спас-Деменский район охранялся 400–450 полицейскими, а еще более насыщенный партизанами Людиновский охраняли 593 сотрудника местной полиции, не считая позднее передислоцированных сюда нескольких так называемых восточных батальонов³. Если среди местного населения желающих служить в полиции не находилось, гитлеровцы переводили потребное количество полицейских из других местностей, как было в Износковском районе⁴, который считался прифронтовым и не обеспечивал безусловную демонстрацию превосходства сил гитлеровцев, что в обратном случае могло бы убедить некоторых местных жителей устроиться в полицию.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на постоянный дефицит кадров, аппарат «русской администрации» был создан гитлеровцами достаточно быстро. Так, например, в земельном управлении Смоленской области к декабрю

---

¹ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. С. 11–12.

² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 439. Л. 31–36.

³ Книга Памяти Калужской области. Калужские рубежи / под ред. Т.В. Романовой. Т. XIX. С. 306, 223.

⁴ Лебедев А. Г. Великая Отечественная война и Износковский край. С. 54.

1941 года уже работал 781 сотрудник¹. Это подтверждают и данные сводок о числе задержанных органами НКВД, подозревавшихся в службе на гитлеровцев. Из 1 136 чел. задержанных после Московской битвы жителей Смоленской области (включая и районы нынешней Калужской области), 575 человек являлись полицейскими или сотрудниками управленческого аппарата². Из 258 арестованных в 1942 году по г. Можайску 91 чел. служил в немецкой администрации города и ее подразделениях³. В Спас-Деменском районе Смоленской области за годы оккупации сотрудникам советских органов удалось выявить около 600 коллаборантов, проходивших службу в оккупационных органах врага⁴.

Актуальным также представляется вопрос о временных рамках организации институтов «русской администрации» и порядка ее формирования. Б. Н. Ковалев считает, что органы волостного и районного уровня были образованы уже в первые недели оккупации⁵. Иногда в источниках порядок возникновения волостных управ объясняется стремлением разгрузить громоздкий районно-городской аппарат для создания условий наиболее эффективного функционирования системы снабжения немецкой армии, а также крупных населенных пунктов. Чтобы проверить эту точку зрения, представляется необходимым сравнить формирование управ районных центров гор. Калуги и районного центра Стародуба Орловской области. Город Стародуб был захвачен немцами 18 августа 1941 года, но только к декабрю 1941 года здесь по инициативе местной интеллигенции была сформирована районная управа с подчиненным ему волостным управлением⁶. 11 декабря 1941 года в

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 273. Л. 185.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 742. Л. 27.

³ Из докладной записки начальника Управления НКВД по г. Москве и Московской области № 1/512 в НКВД СССР о работе оперативной группы УНКВД в г. Можайске и Можайском районе 28 февраля 1942 г. [электронный ресурс] URL: <http://www.warmech.ru/Mozgai/mozgb821.html> (дата обращения: 10.01.2019).

⁴ Книга Памяти Калужской области. Калужские рубежи / под ред. Т. В. Романовой. Т. XIX. С. 306.

⁵ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. С. 128.

⁶ ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–15.

нем состоялся первый съезд старшин, на котором районный бургомистр и немецкий комендант высказали свои пожелания по организации «нового порядка» управления. 13 декабря 1941 г. волостные встретились с руководителями сельскохозяйственных отделов, где обсудили вопросы поставок немцам продовольствия¹. То же самое наблюдается и при формировании Калужской земской управы. Город подвергся оккупации 12 октября 1941 года и только приблизительно через месяц начинался создаваться районный и волостной (земско-участковый) аппарат. Распоряжения немцев о поставках продовольствия должны были быть удовлетворены волостными управами уже к середине декабря².

Из этих примеров видно, что на первых порах немцы формировали структуры коллаборационной власти в крупных населенных пунктах, не вдаваясь в подробности системного строительства администрации. Как правило, волостное управление создавалось в последнюю очередь, при образовании власти в крупном районном центре, подчиняясь ему. Как представляется, такое положение было связано с торможением немецкого наступления на фронтах и переходом оккупантов к осознанию необходимости организации систематического управления оккупированными территориями. В таблице № 2 приложения отражены сроки организации работы органов местного самоуправления – волостных и районных управ. Как показывают ее данные, в среднем требовалось около полутора месяцев, чтобы структуры местного самоуправления волостного уровня приступили к относительно нормальному функционированию. В тех местах, где ситуация для оккупантов была нестабильной, организация деятельности управ задерживалась. К таким территориям относились территории округа Брянска и восточной части Смоленской области, где в период с августа по октябрь 1941 года отмечались

---

¹ ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об.

² ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

упорные бои в окружении частей Красной армии. Образование и функционирование управ здесь было задержано до конца ноября 1941 года. Похожая ситуация отмечается и в других местах. Пока в течение 33 дней до конца августа 1941 года шли бои за Великие Луки, немцы не спешили с созданием административного аппарата. Только одолев сопротивление оборонявших этот город советских частей, они начали насаждать оккупационную власть. Были созданы «местные органы самоуправления»: волостные управления, гражданская полиция и городские управы¹. В Брянске сначала была создана городская управа. Инструкция бургомистру, в которой объяснялось, что скоро будет сформирована власть в районах и волостях, была выпущена позднее².

Контраст в организации устройства этих образований отчетливо прорисовывается и на примере нынешнего Калужского региона. Как известно, часть территории края находилась под оккупацией значительное количество времени, что позволило врагу создать здесь разветвленный административный аппарат. В южных, западных и юго-западных районах – Хвастовичском, Спас-Деменском, Людиновском – источниками подтверждается наличие волостей уже ко второй половине ноября³. Например, в Мосальском районе местный бургомистр к 8 декабря 1941 уже имел список нетрудоспособных граждан, зарегистрированных по волостям⁴. В местах, приближенных к линии фронта, администрация сколачивалась неторопливо. В ряде районов края этот процесс так и не был полностью завершен. В Бярятинском районе официально не существовало волостного управления, хотя процедура его создания была запущена. Начальники восьми сельсоветов (будущие волостные старшины) подчинялись не начальнику района, как во многих отдаленных местах, а лично

---

¹ Спириденков В. А. Лесные солдаты. Партизанская война на Северо-Западе СССР. 1941–1944. М., 2007. С. 104.

² ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 32. Л. 60.

³ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. Д. 178. Л. 61. Д. 486. Л. 6. Д. 490. Л. 12.

⁴ ГАКО. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–20.

бургомистру пос. Барятино¹. Подобная практика наблюдалась и в соседних Юхновском и Мосальском районах². В Спас-Деменском районе бургомистр города латыш Янтсон сначала курировал работу только городского и пригородного Спас-Деменску Боловского управления, однако к осени 1942 году получил право управлять гор. Спас-Деменском и всем Спас-Деменским районом³. Бессистемность образования структур «русской администрации» порой приводила к курьезам. Так, в ряде районов нынешнего Калужского края оккупационные власти не успели пересмотреть наименования реквизитов и аббревиатур в официальных документах и использовали старые советские названия и печати⁴.

Доказательством хаотичности создаваемых управленческих структур может служить и тот факт, что на первых порах немецкий контроль за администрацией не был достаточно плотен. Некоторые указания гитлеровцев были настолько малопонятными и нечеткими, что ряд районных бургомистров составляли свои директивы, резко отличавшиеся друг от друга и от распоряжений гитлеровцев. Так, бургомистр Теренинской волости Ельнинского района Ширяев дал установку сельским старостам делить хлеб не по трудодням, а по едокам. Другой же бургомистр Коновалов издал указание дележа хлеба по трудодням⁵. Похожая ситуация наблюдалась и в Калужском крае, где сельскохозяйственный комендант Сухиничского района отменил указания бургомистра Сухиничей об изъятии всего скота для передачи германской армии, ссылаясь на то, что скот необходимо сохранить для дальнейшего его использования в интересах новой власти⁶. Можно согласиться с Е. Н. Шанцевой, что более-менее стройная система административного аппарата

---

¹ ГАКО. Ф. Р-1002. Оп. 1. Д. 1с. Л. 168.

² ГАКО. Ф. Р-997. Оп. 1. Д. 1. Л. 20. Д. 15.

³ ГАКО. Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 1. Л. 271, 290.

⁴ ГАКО. Ф. Р-993. Оп.1. Д. 11. Л. 97.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 249. Л. 218.

⁶ Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943: документы и материалы. Смоленск, 1962. С. 490.

начала складываться только к концу 1941 года, а на первых порах враг обходился хаотичными по структуре и образу действия ячейками коллаборационной администрации¹.

Тем не менее, ее формирование ставит вопрос о степени инициативы местного населения в этом процессе. В многочисленных источниках и литературе, изданной в советские годы, господствует точка зрения о первостепенном немецком участии в формировании коллаборационистских структур. И, пожалуй, с этим трудно поспорить. В то же время, в архивных документах прослеживаются факты проявления инициативы самих граждан, в частности, из числа бывших руководителей и интеллигенции, предлагавшей немцам свои услуги. Иногда это было вызвано вполне благими намерениями. Один крестьянин Монастырщинского района Смоленской области позднее вспоминал: «В конце июля 1941 года немецкие войска задержались в селе всего несколько дней. После их ухода наступил короткий период безвластия. Но село не ощущало отсутствие власти. Теплилась жизнь на колхозном дворе. Женщины работали на своих подворьях и огородах. Почти так же, как и до войны. Через некоторое время в селе появились председатель колхоза и сельский староста. Я не знаю точно, кто их предложил на эти должности, почему выбор пал именно на этих людей. Наверное, были люди, которые хорошо знали села и людей в селах. Председателем колхоза назначили женщину. До войны она работала бригадиром огородной бригады. Немецкое руководство оставило колхоз таким, в таком виде, каким он был до оккупации. И работа для нового председателя была знакомой. Восстановили правление колхоза из тех колхозников, которые были в селе. Назначили бригадиров. Нашли счетовода и секретаря колхоза. Работа на колхозных полях, в колхозном хозяйстве была организована так же, как и до оккупации. Остались те же

---

¹ Трифанков Ю. Т., Шанцева Е. Н., Дзюбан В. В. Партизаны и предатели. Брянск, 2012. С. 108.

обязанности: пахать, сеять, убирать, молотить, выполнять планы хлебопоставок. Как и в довоенном колхозе...»¹.

Будущий бургомистр одной из волостей на Смоленщине заявил, что ему неизвестно, какая будет власть, но населению нужно позаботиться о сохранении имущества, чтобы жить дальше, а поэтому необходимо власть срочно сформировать². По инициативе граждан формировалась Стародубская районная управа. Инициаторами ее создания выступили преподаватель немецкого языка педагогического училища Е. Мочалова и ее муж А. С. Филимонов. По воспоминаниям последнего, в городе было необходимо учреждение, которое обеспечило бы порядок и исполняло роль посредника между комендатурой и населением. Так, при одобрении немцев 23 августа 1941 г. была образована Стародубская городская управа. Позднее, по договоренности с комендантом, было организовано земельное управление, работающее под руководством представителя германской армии. В таком же порядке были сформированы и другие отделы³. Ввиду недопущения загруженности районного аппарата г. Стародуба, а также из-за большого количества постоянных жалоб населения было решено создать районную управу, а на уровне волостей (бывших сельсоветов) – волостные управы. За ноябрь–декабрь 1941 года было образовано 7 волостей, избраны волостные старшины. Позже, на съезде всех волостных старшин при участии бургомистра и коменданта был проведен инструктаж по административным вопросам и приоритетным направлениям деятельности⁴. 13 декабря 1941 года на съезде старшин и старост при хозяйственном отделе города обсуждались вопросы поставок продовольствия немцам, обмолота и формирования местных фондов. Были отмечены лучшие

---

¹ Воспоминания об оккупации [электронный ресурс]. URL: <https://reich-erwacht.livejournal.com/169412.html> (дата обращения: 17.02.2019).

² ГАИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 249. Л. 218.

³ ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–3.

⁴ ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

дворы и старосты¹. Потом немцы перешли на язык репрессий и угроз. Вышло указание полевого коменданта о трудовой и налоговой повинности сельского населения, а также применении карательных мер за их невыполнение вплоть до смертной казни².

Вместе с аппаратом гражданского управления формировался и аппарат выкачки средств с оккупированной территории. Сельскохозяйственный комендант Стародубского района Вестпхель приказал мобилизовать оставшихся агрономов и других специалистов сельского хозяйства, предложив им работу в аппарате сельскохозяйственных отделов или волостей³. Благодаря такой политике «кнута и пряника», манипулируя настроениями населения, немцы за два–три месяца сформировали районное управление, выполняющее функции по осуществлению порядка и обеспечению нужд гитлеровской армии.

Несколько иначе происходило формирование органов «русской администрации» в самоуправляющемся Локотском округе. 16 октября 1941 года начальник 2-й танковой армии вермахта генерал-майор Брандт утвердил преподавателя физики Локотского лесохимического техникума К. Воскобойника волостным старостой. На первых порах немцы разрешили ему сколотить небольшой отряд самообороны, вооруженный оружием, найденным на полях сражений. Позднее было получено разрешение создать вооруженные отряды в крупных населенных пунктах.

В ноябре 1941 года к Воскобойнику присоединились инженер Каминский и директор школы Мосин. Первоначально гитлеровцы не стремились расширять Локотскую волость, но поражение под Москвой и активизация партизанского движения, как видно, изменили их планы. В конце 1941 года германское командование разрешило Воскобойнику создать в дополнение к группам самообороны вооруженные отряды для борьбы с партизанами. В середине марта

---

¹ ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 11–12.

² ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

³ Там же. Л. 38.

1942 г., понимая необходимость создания в тылу германских армий значительной антипартизанской силы, немцы реорганизовали Локотскую волость в Локотской уезд, включив в него территории Брасовского, Навлинского, Суземского, Комаричевского, Севского районов Орловской области. Немного позднее к уезду были приспаны Дмитровский и Дмитриевский районы Курской области¹.

В январе 1942 года чекистами и партизанами был убит глава волости – Воскобойник, а заменивший его инженер Б. Каминский стал обербургомистром уезда. Летом 1942 года, ввиду успешных боевых действий против партизан, Локотской уезд вновь подвергся реорганизации путем добавления к нему Михайловского района Курской области. Территория получила новый статус – Локотской особый округ². Своим заместителем по гражданским делам Каминский назначил Мосина, поручив ему сформировать «самоуправление». Военные функции он оставил за собой. Во главе районов стояли бургомистры, в волостях – старшины, в деревнях – старосты. Примечателен тот факт, что практически все гражданские инстанции, кроме деревенских старост, были созданы по инициативе местного начальства. Всех должностных лиц подбирал лично Мосин и после утверждения Каминским они приступали к выполнению своих обязанностей. По мнению В. С. Христофорова, в деревнях были проведены настоящие выборы, в ходе которых население выбирало себе управленцев². Как правило, кандидатов на замещение должностей подбирали из числа тех, кто был знаком по работе при советской власти, поэтому образование административного аппарата произошло довольно быстро³.

Важным является и вопрос о финансировании аппарата «русской администрации». С самого начала оккупации немецкое командование издало

---

¹ Христофоров В.С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет Великой Победы. В 6 т. Т. 4. М., 2010. С. 185.

² Там же. С. 185.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 182.

указание бургомистрам сформировать на уровне районов и городов бюджет, который мог бы использовать часть средств для удовлетворения потребностей территориальной единицы. Аналогичные бюджеты создавались на деревенских и волостных ступенях администрации. Например, начальник Ершичского района приказал старшинам волостей сформировать собственную кассу для использования средств на оплату старост и социальных расходов. Одновременно старшина давал аналогичное задание старосте: «на уровне поселка в обязательном порядке обеспечить существование местного бюджета в размере от 500 до 3 000 руб.»¹. Староста мог использовать деньги на ремонт жилищ, поддержку сирот, а также лиц, пострадавших от партизан. Как правило, львиная часть доходов уходила немцам или районной управе, ввиду чего бюджет территорий являлся скудным, достаточным лишь для того, чтобы выплатить зарплату сотрудникам «русской администрации». Так, из бюджета Ершичской волостной управы – 3 250 руб. ушло на зарплату начальству, 2 775 руб. – в распоряжение районного финансового отдела, а на нужды граждан (устройство дорог, открытие больниц, столовых) было выделено 2 150 руб., что по меркам того времени являлось незначительной суммой².

Такой порядок финансирования «русской администрации» был выгоден оккупантам, так как подталкивал ее к самообеспечению за счет местного населения и минимизировал затраты на ее содержание с их стороны. Поощрение сотрудников аппарата происходило не за счет средств Германии, а из местных ресурсов при дополнительной стимуляции немецкими пайками, премиями. Зачастую такие поощрения носили политический и пропагандистский характер.

На первом этапе сбором налогов занимался староста, у которого в помощниках было два грамотных человека из местных. Он вел учет, отмечал

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.

² Там же. Д. 39. Л. 85–87.

количество несдавших подати и причину несдачи. Далее средства сдавались волостному старшине, который еще раз проверял их совместно с представителем земельного отдела. Здесь также шла процедура проверки, выявление несдавших, анализ причин невыполнения повинностей. К провинившимся применялись предупредительные санкции с установлением срока сдачи. Часть налогов, собранных волостями, шла райуправлению и в дальнейшем оседала в кредитных кассах на счетах окружных управ. Другая часть средств оставалась в волостном фонде. Значительное же количество ресурсов учитывалось хозяйственными отделами и отправлялось в Германию¹. В последней инстанции, на уровне районного фонда, деньги подразделялись на три категории: суммы в фонд Германии, в фонд района и в фонд окружных ведомств². Поставки зерна, молока, мяса осуществлялись при прямом контакте волостных старшин с начальниками земельных отделов, которых курировали немцы. В случае, если обнаруживалась недосдача, начальник сельскохозяйственного отдела имел право изъять скот или заявить об этом в комендатуру. Как правило, немецкие власти вмешивались уже в тех случаях, когда были видны очевидные признаки саботажа или же при систематическом неисполнении повинностей. Так, в апреле 1943 года начальник сельскохозяйственного управления Климовского района Брянского округа, ссылаясь на приказ коменданта, в жёсткой форме запретил крестьянам продажу на рынках мяса, яиц по причине необеспечения всем этим германской армии³.

Во многих районах население обязано было сдавать особый налог на содержание старост и волостных старшин в пределах 50 руб. В ряде населенных пунктов жители деревни платили налог в 3 руб. с едока на содержание

---

¹ ГАБО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

² ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 4. Л. 1–2.

³ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Брянская область. М., 2020. С. 258.

агронома¹. В сельской местности население содержало и учителей организованных по указанию гитлеровцев школ. В некоторых районах Калининской области этот сбор назывался «культурным»². Иногда же учителя заключали договор с колхозами и те оплачивали их работу. Зарплата педагогических работников составляла 3 пуда хлеба, 2 цент. картофеля и 8 кг. мяса в месяц. Управа никаких расходов по обучению детей на себя не брала³.

За счет гражданской администрации существовал и дислоцированный в местности полицейский аппарат. Из районного фонда на это выделялся паек поставленному на довольствие полицейскому, полицейские и хозяйственные команды обеспечивались гужевым транспортом⁴.

Зарплата старосты формировалась по согласованию с сельскохозяйственным отделом района и зависела от количества подчиненных ему дворов⁵. В директиве Севского уездного управления Шаровскому волостному управлению от 9 марта 1942 г. было сказано, что сельские старосты, писари, полицейские, лесники лесов местного пользования должны содержаться за счет земельного общества⁶. В Боловской волости Смоленской области староста, контролирующей 50 дворов, мог получить жалование в размере 50 руб., при управлении более 50 дворами – от 60 руб. и выше. В партизанских донесениях указывалось, что зарплата старосты варьировалась в пределах 125–150 руб.⁷ Имеются свидетельства, что те старосты, кто получал зарплату в пределах 200 руб. и выше, был обязан платить 10% налог⁸. В. М. Гриднев полагал, что в ряде случаев зарплата старосты могла достигать и 400 руб., ее

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 728. Л. 49–50.

² Подвиги народных мстителей: Партизанское движение Калининской области 1941–1944 г.: документы и материалы. М., 1966. С. 78.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 951. Л. 53.

⁴ ГАБО. Ф. Р-2618. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–11; ГАСО. Ф. Р-2618. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁵ ГАСО. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁶ Стельмах В.М. Оккупационная политика гитлеровцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/politika-2> (дата обращения: 18.02.2019).

⁷ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 51. Л. 100.

⁸ ГАКО. Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

размер зависел от количества подвластного населения¹. Эту точку зрения разделяет и И. Г. Ермолов². По нашему мнению, в большинстве случаев зарплата старосты была небольшой и колебалась в пределах 100–300 руб. в зависимости от экономического состояния территории и числа дворов. Староста мог получать дополнительный паек и иметь лучший земельный надел.

Зарплата волостного старшины не являлась одинаковой, формировалась из финансовых поступлений в кассу района и волостных доходов при согласовании её величины с сельскохозяйственным отделом³, составляя от 250 до 450 руб.⁴ По другим источникам, зарплата волостного бургомистра доходила до 300 руб.⁵ Например, бургомистр земского участка Калужского района получал 425 руб.⁶, а зарплата старшины Ново-Руднянской волости Смоленской области равнялась 200 руб.⁷ Зарплата старшины экономически слабой Шупарнской волости Ельнинского района не поднималась больше 250 рублей, в то время, как полицейские здесь получали по 100 руб.⁸ Наиболее высокой зарплатой, отмеченной в источниках, поощрялись старшины волостей, входящих в юрисдикцию Локотского округа. Успешное развитие «самоуправляющейся» территории позволяло выделять немалые средства для оплаты полиции и служащих: старшина получал зарплату в размере 800 руб., писари – 500 руб., агрономы – 600 руб. начальник полиции – 600 руб., рядовые полицейские – 250–300 руб.⁹ На фоне других исследуемых регионов здесь также выделялась и оплата труда старосты, составлявшая от 300 до 400 руб. в

---

¹ Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики. С. 88.

² Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР. С. 47.

³ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Л. 85.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Л. 85; ГАКО. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.

⁵ ГАКО. Ф. Р-997. Оп. 1. Д. 1. Л. 14; Ф. Р-998. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

⁶ ГАКО. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.

⁷ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

⁸ ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 2. Л. 31 об.

⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1147. Л. 140; ГАСО. Ф. Р-2576. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.

зависимости от количества дворов в подчинении¹. При этом практически на всей оккупированной территории старшина мог рассчитывать на получение пайка в 30 кг хлеба на себя и 15 кг на семью в месяц². Жалование волостного писаря, также входящего в состав волостной управы, не являлось значительным (за исключением Локотского округа) и варьировалось от 250 до 350 руб. Оно поступало из бюджета волости за счет отчисления 10% собранных налогов.

Зарплата бургомистра города или района колебалась в пределах 800–1 500 рублей и практически не менялась на протяжении оккупации. Начальник Сухиничской районной управы А. Карандоск (Корендовский) официально получал 1 300 руб., но, отработав в этой должности всего 19 дней, получил на руки 992 руб.³ Заместитель головы поощрялся 700 рублями. Остальные же служащие управы получали жалование в пределах 400–700 руб. Мелкие служащие районного аппарата, включая сторожей, извозчиков, секретарей, довольствовались жалованием 150–500 руб.⁴ Конечно, подобные средства не являлись существенными, учитывая тот факт, что цены на рынке были высокими. Например, в некоторых районных центрах Брянского округа молоко стоило 35 руб., соль – 310 руб., картофель – 35 руб., масло и мясные продукты – от 100 руб. за кг и выше⁵.

Однако нельзя забывать, что сотрудники аппарата освобождались от налогов и имели право на дополнительные продуктовые пайки⁶. В случае добросовестного отношения к службе и активного участия в борьбе с партизанами зарплата могла быть повышена или же выписана премия. Старшине Самолюбовской волости Парфененкову с 1 марта 1942 года установили оклад в 550 руб. за заслуги в борьбе с народными мстителями.

---

¹ Там же. Л. 140.

² ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 115. Л. 1–3.

³ Стаценко Л. Душепродавец // Весть. 1994. 5 апреля

⁴ ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 39. Л. 85–87.

⁵ ЦДНИБО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 36. Л. 5–6.

⁶ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

Некоторые сотрудники аппарата получали грамоты¹. С 1942 года имело место и награждение сотрудников администрации немецкими наградами. Для сотрудников районной управы в городах открывались столовые, где можно было за небольшие деньги приобрести обед, включавший и мясные блюда. Так, в районном центре г. Клетня цена борща составляла 2 руб., а стоимость второго блюда из мяса и картофеля – 4 руб.² Служащим управ предполагалась выдача пайков с дефицитными на то время продуктами. Так, в пайковый рацион служащих Сухиничской районной управы входило масло³, а представителей управы пос. Хвастовичи немцы обеспечивали солью⁴. Многие пособники также постоянно поощрялись дополнительными и лучшими по качеству земельными наделами.

Управители также использовали свое положение для негласного обогащения. Немцы разрешали собирать дополнительные налоги лишь при условии эффективного сбора немецких поборов. Но, поскольку нормы оккупантов выполнялись не всегда, русские начальники умело обходили эти условия. Проще говоря, коллаборационный аппарат так же, как и любая бюрократическая система, не был защищен от взяток и недобросовестного пользования властью в личных целях.

Подобное неравенство в распределении средств вызывало конфликты между начальниками и жителями. Газета «Голос народа», выходящая в Локотском округе, жаловалась на растрату финансовых средств старостами и старшинами, подчеркивая особо опасный характер этого явления и угрожая правонарушителям арестом. Показательно были арестованы некоторые управители, впоследствии отправленные в лагерь. Если тратились средства, идущие в фонд немцам, то правонарушителя ждало наказание вплоть до

---

¹ Там же. Л. 47–50.

² ГАБО. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д. 10. Л. 1060.

³ Стаценко Л. Душепродавец // Весть. 1994. 5 апреля.

⁴ Шалыгин И. Соль поваренная: как это было? // Родной край (Хвастовичи). 1999. 17 сентября.

смертной казни¹. Староста д. Чемуты Смоленской области Литенков, бравший без разрешения волостного старшины налог «для себя» в 5 рублей, отделался арестом на 3 месяца². Староста М. из д. Новая Орловской области за разбазаривание в личных целях крупной суммы собранных средств был демонстративно расстрелян на глазах жителей деревни³.

Таким образом, низовые органы «русской администрации» начинали формироваться практически сразу же после занятия оккупантами того или иного района. Чаще всего это проходило по прямому указанию военных властей, но на практике имелись случаи проявления самостоятельной инициативы граждан в создании новой власти на местах, причем подобные проявления далеко не всегда были связаны с антисоветским настроем и желанием поспособствовать оккупантам. Проявлять инициативу некоторых людей вынуждала потребность в элементарной безопасности и порядке.

Несомненным является и то обстоятельство, что гитлеровское командование нуждалось в создании таких структур, поэтому на первых порах система управления создавалась, прежде всего, в точках, обеспечивающих удовлетворение необходимых потребностей немецкой армии: в крупных деревнях и крупных районных центрах. Образование разветвленной системы коллаборационной администрации произошло только к концу 1941 года в связи с приостановкой немецкого наступления на Москву, переходом вермахта к позиционной войне и развитием на оккупированной территории Запада РСФСР партизанского движения. Рекламируя важность упомянутых структур, гитлеровцы все сильнее подстраивали его под себя, превратив в послушное орудие осуществления своей политики.

---

¹ ЦДНИБО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 36. Л. 5–6; ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

² ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–19.

³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 98. Л. 45.

1.2. Социальный состав и мотивация представителей «русской администрации»

Исследование социального состава и мотивации коллаборантов в советской литературе зачастую не отличалось объективностью ввиду закрытости большинства источников и невозможности их анализа по идеологическим соображениям. Считалось, что на путь предательства шли исключительно маргиналы с устоявшимися антисоветскими взглядами, а также отдельные лица, проявившие трусость и неустойчивость. К пособникам применялись формулировки «холуй», «собака», «лакей», что должно было подчеркнуть их несамостоятельность и малочисленность¹. Упоминания о насильственном вовлечении простых людей в оккупационные структуры врага, а также противоречивом характере их деятельности были довольно редки².

Похожую тенденцию можно увидеть и в работах некоторых западных историков, выставлявших на первый план влияние политических причин³. По утверждению ряда из них, немецкие власти старались открыто опираться на лиц, вступивших в конфликт с советской властью: репрессированных или ущемленных в правах, националистов. Дж. Боффа таким образом оценивал ситуацию в СССР в начале войны: «К началу 40-х годов в Советском Союзе не было недостатка в недовольных и несогласных, чьи настроения мог использовать осмотрительный враг. Крестьяне, недовольные коллективизацией и последующей аграрной политикой; люди, пострадавшие от сталинского деспотизма; лица, тоскующие о дореволюционных порядках, – все эти категории граждан имелись в довольно значительном количестве. Национальные противоречия не только не исчезли, но и отчасти разгорелись с

---

¹ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 574. Л. 6; Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула, 1970. Л. 76.

² Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной территории 1941–1944 гг. М., 1971. С. 73–79.

³ Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. Мюнхен, 1954.

новой силой вследствие сталинских репрессий. Сам факт того, что страна оказалась захваченной врасплох нападением врага, порождает новые мотивы разброда...» Помимо политических причин Боффа также отметил и иной, не менее важный мотивационный аспект, определяющий поведение человека в оккупации, а именно – необходимость обеспечения в условиях оккупации элементарных потребностей, в частности, в безопасности и пище¹.

В современной литературе на смену теории «ограниченного количества» участников профашистских структур приходит точка зрения о привлечении на немецкую службу представителей самых разнообразных групп населения с различной мотивацией². По справедливому утверждению М. И. Семиряги, «ни одна оккупационная власть не могла существовать без добровольных помощников из числа местных жителей, ввиду чего нуждалась в таком контингенте»³. С учетом размеров СССР, развития партизанского движения, а также затяжного характера войны это становилось для врага более чем актуальным. Исследования Б. Н. Ковалева, И. Г. Ермолова, И. Ю. Молодовой и других авторов, написанные на материалах конкретных регионов, показывают вовлеченность части населения в деятельность органов «русской администрации», ее разнородный социальный состав, различную мотивацию коллаборантов. При этом указанные историки исходят из разграничения понятий «коллаборационист» и предатель⁴. Е. И. Журавлев и А. В. Якутин полагают, что в органах врага находилось место даже бывшим сотрудникам советской системы, по различным причинам выразившим желание служить

¹ Боффа Дж. История Советского Союза: в 2-х тт. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. 2-е изд. М., 1994. С. 105, 108.

² Богданов С. В., Мартынов Б. С. Психология предательства: мотивация активного коллаборационизма на территории Курской области в 1941–1943 годах (по материалам архивно-следственных дел КГБ СССР) // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 155–164; Малиновский В. В. Кто он российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 160–166.

³ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 5.

⁴ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.; Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера; Молодова И. Ю. Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве документов новейшей истории Калужской области //

оккупантам¹. Е. Ф. Кринко говорит о комплексных субъективных и объективных факторах перехода в услужение врагу: желании свести счеты, амбициях, карьеризме, растерянности в связи поражениями Красной армии в начале войны, страхе за свою жизнь и жизнь родных людей². По его мнению, «сотрудничество» с врагом давало населению возможность выжить в условиях оккупации³. Таким образом, с учетом использования гитлеровцами массовой пропаганды⁴ предпосылки к развитию коллаборационизма имелись довольно серьезные.

Одновременно формируется и другой взгляд на проблему. Ряд российских историков предлагают версию о проявлении в военное время признаков гражданской войны между сторонниками коммунистического режима и его многочисленными противниками из числа советских граждан, видевших в немцах временных союзников, а в большевиках – абсолютное зло⁵.

Стоит отметить, что с самого начала войны советская власть считала представителей любых формирований оккупантов изменниками Родины, не вникая в обстоятельства их перехода в услужение врагу. Данные о количестве коллаборантов стремились приуменьшить, а их мотивы характеризовали исключительно шкурными и антисоветскими настроениями. Например, в боевом донесении партизанского отряда, действовавшего на территории Ульяновского района Орловской области упоминалось, что «в тяжелые для страны годы начала войны на поверхность вылезли и стали активно помогать

Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 49–56; Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015.

¹ Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм в годы немецкой оккупации 1941–43 на материалах юга России // Вестник Челябинского государственного университета // 2009. № 16 (154). С. 66–73; Якугин А. В. Организация оккупационного режима на территории Смоленской области (июль 1941 – сентябрь 1943 г.) Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2009.

² Кринко Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 155–163.

³ Кринко Е. Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011. С. 325.

⁴ Булыга О. В. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в советской и российской историографии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2018. № 6. С. 85.

⁵ Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 18–19.

немцам различные маргинальные группировки: бывшие кулаки, уголовники, эсеры, шпионы, – всякие отбросы общества, мотивируясь исключительно антисоветскими идеями. Такие элементы имеются практически в каждом населенном пункте района, но их никто не поддерживает¹. О численности и социальном составе прислужников высказался известный советский публицист И. Эренбург, утверждая, что «нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев!»².

Однако архивные документы свидетельствуют, что на первых порах лиц, желавших служить врагу, хватало. Находящееся под оккупацией население, еще до войны не отличалось психологической и патриотической монолитностью. Гонение на религию, репрессии, коллективизация, ставшие трагедией деревни, раскалывали общество. Это привело к тому, что некоторые граждане встретили войну с воодушевлением и даже радовались приходу немцев. Германский офицер В. К. Штрик-Штрикфельд вспоминал: «Бесконечные леса и ширь просторов тогда еще не таили опасности. Везде в городах и сёлах люди нас дружески приветствовали и принимали, как только было преодолено первое смущение. Русское гостеприимство было прежним, несмотря на лишения двух последних десятилетий. На столе появлялось всё, что хранилось в чуланах и погребках, появлялся и самовар, если он еще сохранился в семье. И тогда начинались расспросы о чуждом для них мире — о нашем мире, о котором они не знали почти ничего...»³.

Подобное поведение людей можно объяснить связывалось различными факторами, прежде всего, неприятием советской системы, желанием выслужиться перед новой властью, даже некоторыми надеждами в отношении перемен к лучшему, которые может принести «новый порядок». Похожая палитра настроений была отмечена и в воспоминаниях немецкого генерала Г.

¹ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 574. Л. 41.

² Эренбург И. Г. Война. 1941–1945. М., 2016. С. 102.

³ Штрик-Штрикфельд В. К. Против Сталина и Гитлера. 3-изд. М., 1993. С. 16–17.

Хайнрици: «У людей ничего нет, так как у них всё отобрали за последние 20 лет. Наши переводчики говорят нам, что люди счастливы, что тут теперь немцы. Эти люди не любят большевизм как таковой. Из-за существующей системы слишком многие потеряли своих родных. Все живут в постоянном страхе и под гнётом слезки. Крестьяне хотят получить обратно свою землю. Старики тоскуют по своей церкви. Все остальные думают, что их экономическое положение слишком плохое. Теперь здешнее население надеется избавиться от давления...»¹.

Противоречивую обстановку в деревнях замечали и командиры партизанских отрядов. В воспоминаниях комиссара В. В. Казубского упоминалось, что «начальный период оккупации сопровождался быстрым расслоением деревни, выделилась немногочисленная часть деревни, жаждавшая восстановления частного крестьянского хозяйства на основе частной собственности, искавшая в поработителях защитников своих интересов...» Партизан П. Цуранов отметил, что неустойчивым настроениям подверглись даже проверенные люди – бывшие участники гражданской войны, что пагубно сказывалось на положении отряда². По воспоминаниям партизана Самсонова, имелись случаи, когда целые семьи находились по разные стороны баррикад, разделяясь на союзников оккупантов и партизан³.

Другая, более многочисленная категория граждан иначе отнеслась к приближению немцев. Учительница Н. П. Яковлева записала в дневнике, что в деревнях у большинства жителей ужасное настроение и надеяться им не на что. Что ждет впереди, никто не знает⁴. Попавшие в экстремальную ситуацию люди зачастую задавали себе вопрос: «Как жить дальше?» Ухудшение ситуации на

¹ Хайнрици Г. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записках генерала Хайнрици. С. 68.

² Щерв И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации. Смоленск, 2005. С. 86.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 291–292; Ф. 1737. Оп. 1. Д. 70. Л. 41.

⁴ Щерв И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе. С. 83.

фронтах в конце 1941-го г., тяжелые условия жизни делали этот вопрос все более актуальным. Неудивительно, что в этих условиях оккупантам за короткое время удалось достаточно быстро сформировать местный пособнический аппарат. В деревнях были сформированы институты старост и старшин. В Смоленске, Орле, Брянске, Трубчевске, Стародубе и других городах были образованы районные и городские управы. В отчетах НКВД упоминалось о наличии в рядах врага не только представителей отдельных антисоветских группировок, о которых говорила советская пропаганда, но и выходцев из основных социальных слоев советского общества: крестьян, рабочих, интеллигенции, вступивших на путь сотрудничества с врагом. Так, в докладной записке начальника особого отдела УНКВД Западного фронта на имя Л. П. Берии от 12 февраля 1942 года указывалось, что в ходе оперативной проверки значительная часть населения ряда подмосковных населенных пунктов активно помогала немцам, а часть граждан даже занимали административные посты. В д. Самсоново Угодско-Заводского района Московской области из 42 семейств, активно помогали врагу 12. В санатории «Бодрая жизнь» все 109 чел. работали на немцев в качестве обслуживающего персонала¹. Только с декабря 1941 по май 1942 года органы госбезопасности Подмосковья задержали 2 413 представителей коллаборационистских административных структур для привлечения к ответственности, причем 2 027 чел. из них – именно за службу в административных органах. По социальному положению эти коллаборанты распределились следующим образом: колхозников было 1 032 чел., рабочих – 488 чел., служащих – 452 чел. Обращает на себя внимание преобладание людей, имевших некоторый жизненный опыт или зрелых: 707 чел. были в возрасте от 40 до 50 лет, 648 чел. – от 50 до 60 лет, 608 чел. – от 30-40 лет. Молодежь

---

¹ Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России. М., 2015. С. 126.

присутствовала в незначительном количестве. 2 294 из 2 413 чел. были русскими, 2 259 чел. являлась беспартийными¹.

Как видно из приведенных данных, наиболее существенным источником формирования коллаборационистских административных структур являлись вовсе не кулаки и эмигранты, а представители количественно преобладавшего на территории западной России колхозного крестьянства. Признавая этот факт, советские следственные органы объясняли этот факт тем, что западные области РСФСР, входившие в состав подчинения фронтов, являлись прифронтовыми зонами с резко меняющейся обстановкой, что порождало неустойчивые настроения у большинства населения. В донесениях чекистов также указан и другой важный аспект – фактор семейного родства: нередко человек старался осесть рядом с семьей, переждать тяжелое время, приспособиться к суровым условиям оккупации. Однако на первых порах документы органов безопасности довольно слабо акцентировали внимание на таких причинах коллаборационизма, как страх перед немецкими репрессиями и тяжелое материальное положение.

Слабо учитывалось зачисления в деревенские органы власти вопреки желанию кандидата. Некоторые свидетели оккупации вспоминали, что немцы автоматически назначали на должности тех, кто им подходил. Человек, еще находившийся в шоковом состоянии от прихода врага, отказаться не мог, так как был предупрежден об ответственности за свое поведение членов его семьи². Имеется множество донесений советских спецслужб о положении в прифронтовых и на оккупированных территориях, в которых фиксируется неустойчивая психология селян, живущих по принципу: «Будь, что будет!»³. Бургомистр гор. Стародуба Орловской области Филимонов вспоминал, что

---

¹ Там же. С. 132–135.

² Антонов П. Территория временной оккупации // Бетлицкий вестник. 1988. № 67. 19 августа.

³ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 2. С. 285–287.

искренних друзей нового порядка было мало, у многих царило настроение неопределенности»¹. Тем не менее, квалифицированных кадров для создания стройной системы «русской администрации» все же было недостаточно, поэтому нередко на ответственные административные должности приходилось назначать рядовых рабочих и колхозников². Например, в Юхновском районе Смоленской области участковыми агрономами гитлеровцы поставили учителей, которые мало что знали о сельском хозяйстве³.

Для более обстоятельного рассмотрения социального состава и характера мотивации административных коллаборантов необходимо подробно остановиться на условиях формирования коллаборационного аппарата в сельской местности. Как говорилось выше, этот аппарат складывался бессистемно на протяжении осени–зимы 1941 г., что было в значительной мере обусловлено необходимостью скорейшего удовлетворения потребностей немецкой армии в продовольствии.

Именно поэтому первыми появились те структуры «русской администрации», которые были сосредоточены на решении этой задачи и могли выдать нужный эффект. Такими, прежде всего, считались институты старост и бургомистров городов. Уже позднее было сформировано начальствующее звено: институты волостных старшин, бургомистров районов, начальников отделов⁴. К январю 1942 года по всей оккупированной территории Запада РСФСР формирование «русского самоуправления» было практически завершено. Староста, как низовой элемент оккупационной системы, являлся представителем немецкой власти на территории поселка или деревни. Он выполнял задачи по организации работы на гитлеровцев в населенном пункте и обеспечивал порядок на подвластной территории. Удивительным в становлении

---

¹ ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

² Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. С. 61.

³ «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...» // Юхновские вести. 2003. № 27. 4 марта.

⁴ Трифанков Ю. Т., Шанцева Е. Н., Дзюбан В. В. Партизаны и предатели. С. 108–111.

этого института являлась именно быстрота его формирования. Как правило, приезжая в село и не имея упорядоченных указаний по подбору кадров (не считая расового критерия), немцы сгоняли население на сход и проводили формальные выборы¹. В других случаях, никаких выборов даже не организовывалось, немецкий отряд просто назначал старостами бывших председателей колхозов². Иногда старостой становилось лицо по ходатайству бургомистра, старшины, лично знакомого с ним по прежней работе или дружбе, а теперь стремящегося на него опереться³.

На должностях деревенских начальников приветствовались лица, пользующиеся авторитетом местных жителей, обладающие хорошими организаторскими способностями. Нельзя не согласиться с выводами И. Ю. Молодовой о том, что староста, зачастую, представлял собой человека пожилого, в возрасте 30–50 лет, знакомого населению, знающего определенную территорию. Иногда должность старост могли занимать женщины⁴, но, пожалуй, такие явления не являлись распространенными, упоминания о них скупы. Однако архивные источники содержат информацию о присутствии на должностях старост армейских дезертиров и даже комсомольцев. В д. Семеновщина Смоленской области немцами старостой был объявлен дезертир Красной Армии Н. Козлов, местный житель, а в д. Зубовка должность старосты занимал бывший комсомолец Миньков, обладающий ораторскими способностями⁵. Не брезговали немцы и лицами, отличавшимися активностью при советской власти, – бывшими председателями колхозов и коммунистами. Так, после освобождения территории Губкинского сельсовета Смоленской области местный райком партии поручил в срочном порядке переизбрать всех

---

¹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 333. Л. 162.

² ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 299. Л. 173.

³ Воспоминания Фомичева В. П., Волкова Ю. И. [Электронный ресурс]. Сайт «По ком звонят боровские колокола». URL: <http://www.borovsk-repression.ru/?article=2&id=48> (дата обращения: 14.09. 2018).

⁴ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 214. Л. 19.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 269. Л. 95; ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 106. Л. 113.

председателей колхозов, так как те в прошлом оказались немецкими старостами¹. К 1 января 1943 г. по районному центру г. Сураж Орловской области регистрацию у врага прошли 93 члена ВКП(б), из которых было 16 председателей колхозов, 8 председателей сельсоветов, 7 бригадиров, 6 счетоводов, 5 педагогов и прочие². Из 266 коммунистов, работающих в Дзержинском районе Смоленской области и взятых советскими органами на учет за пособничество, на немцев работало 88 чел. Все они по освобождению территории были немедленно исключены из партии³. В Старицком районе Калининской области парторганизация льнозавода во главе с секретарем практически в полном составе работала на восстановленном немцами льнозаводе⁴. По данным И. П. Щерова (таблица № 1 приложения), число работающих или готовых работать на немцев в 39 районах Смоленской области было приблизительно таким же, как и число тех, кто сражался против оккупантов. Так, в г. Калуге германский комендант официально запретил оставшимся в населенном пункте коммунистам занимать ответственные посты в управе города, однако на занятие ими рядовых должностей в иных сферах ограничений не ввел⁵. А. Ю. Попов полагает, что случаи, когда на должности старост попадали председатели сельских Советов и колхозов, были довольно часты, причем некоторые бывшие председатели добровольно предлагали немцам свои услуги⁶. По данным И. Г. Ермолова, около 70%, прошедших регистрацию у немцев коммунистов Орловского региона работали на врага именно в административной сфере¹.

Совсем иначе выглядел состав среднего и высшего звена коллаборационной администрации. В пределах города, района или округа

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 951. Л. 7.

² ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. Л. 29.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 106.

⁴ Пережогин В. А. Вопросы коллаборационизма // Антипартизанская война в 1941–1945 гг. М., 2005. С. 117–118.

⁵ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область. М., 2020. С. 295.

⁶ Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. С. 73.

«русскую администрацию» возглавляли бургомистры, а в пределах нескольких волостей – старшины. Волостными старшинами обычно становились граждане, знакомые с сельским хозяйством, зачастую крестьянского происхождения². Старшиной Луташевской волости был некто Васильев, происходивший из крестьян, до войны работающий агрономом в МТС³. Старшиной Знаменской волости являлся бывший агроном Иванов⁴. Имелись случаи занятия постов глав волостных управ и представителями бывшего местного партийного руководства, интеллигенции. В редких случаях старшинами могли быть назначены и бывшие военнопленные с выраженными организаторскими способностями⁵. Во многом контингент среднего звена формировался добровольно из лиц, осознанно пошедших в услужение. Отток таких кадров происходил лишь в случаях сокращения немецких поощрений и при явной угрозе быть убитыми партизанами⁶.

Партизаны в своих воспоминаниях отмечали исключительно антисоветские настроения среди старшин, делая исключение лишь для тех, кто им помогал⁷. Так, бывший командир партизанского соединения А. Н. Сабуров писал: «Немцы назначают полицейских, старост, бургомистров. Но что это за люди? Это преступники, бежавшие из тюрьмы, бывшие кулаки, эмигранты. Да, эмигранты, которых привозят из других стран...»⁸. Подобные высказывания мы встречаем и в первых партизанских донесениях 1941 г.: «С оккупацией из всех щелей вылезли подонки, уголовные элементы, преступники. С их помощью фашисты огнем и мечом стали насаждать новый порядок. Банды начали создавать волостные управы...»⁹. Несмотря на излишнюю эмоциональность, пожалуй, не

---

¹ Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. С. 27.

² ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. Л. 4–5.

³ ТЦДНИ.Ф. 147. Оп. 3.Д. 350. Л. 3.

⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 299. Л. 67.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

⁶ Подвиги народных мстителей. Сборник документов и материалов. М., 1966. С. 267–268.

⁷ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 269. Л. 161; Павлов В.В. Бригада трижды уничтоженных. М., 1967. С. 80.

⁸ Сабуров А.Н. За линией фронта. Книга 1. Партизанский край. М., 1953. С. 258.

⁹ Ильиных И. А. Шестьсот дней в боях и походах. Тула, 1969. С. 27.

стоит сбрасывать такие данные со счетов. Старшиной Томсинской волости был назначен житель города Гришманы по прозвищу «Барабошка-Лепешка», до войны побывавший в тюрьме, после освобождения из которой перебивался мелкими заработками, пьянствовал. Когда в Томсине появились немцы, он первый предложил им свои услуги. В деревне Горелики Бояриновского сельсовета назначенный немцами бургомистр Г. Ервинский разместил гарнизон полицейских, свирепствовал, выслуживаясь перед своими хозяевами. «Хватит сидеть на шее у родителей, посмотрите Европу», – говорил бургомистр, насильно отправляя в поселок Идрица молодежь, откуда ее тут же угоняли в Германию на принудительные работы¹. Однако в партизанских документах прослеживается и иная картина. В дневнике боевых действий партизанского отряда «За Родину», действовавшего в брянских лесах, указывалось, что во главе волостей помимо «обиженных» на советскую власть стояли люди, ранее работавшие в советской системе и хорошо знающие район². Например, в населенном пункте Знаменка Смоленской области бургомистром был назначен бывший главный агроном Кузнецов с «чистой» биографией³. С другой стороны, в том же Знаменской районе на должность бургомистра назначили некоего К. Чикачева, бывшего главного агронома райЗО, члена ВКП(б), который в партизанских источниках именовался, матерым предателем, способствовавшим немцам в налаживании предприятия по ремонту их техники⁴.

Среди современных историков, рассматривавших социальное происхождение и мотивацию административных коллаборантов, до сих пор нет единого мнения по этому поводу. В отличие от мотивации старост в формировании института старшин довольно слабо виден принудительный характер назначения несмотря на то, что ряд партизан в своих воспоминаниях

---

¹ Спириденков В. А. Лесные солдаты. Партизанская война на Северо-Западе СССР. 1941–1944. М., 2007. С. 99.

² ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. Л. 4–5.

³ ГАНИСО. Ф. 8. Оп.1. Д. 299. Л. 67.

⁴ Пережогин В. А. Вопросы коллаборационизма // Антипартизанская война в 1941–1945 гг. М., 2005. С. 117–118.

ссылаются на примеры занятия должностей старшин по принуждению¹. И. Г. Ермолов отмечает преобладание в среде волостных управителей репрессированных или ранее служивших советской власти лиц². Е. И. Журавлев указывает на значительный процент коммунистов среди представителей среднего звена коллаборационного аппарата³. Сознательный характер мотивации бургомистров подчеркивают Б. Н. Ковалев и А. В. Якутин⁴. И. С. Писаренко утверждает, что многое при выборе человека зависело от влияния экстремальных обстоятельств⁵. М. И. Варфоломеева не исключает влияния карьеризма, который был особенно присущ лицам, работавшим на руководящей работе при советской власти⁶. С. В. Богданов и В. Г. Остапюк, проанализировавшие 28 биографий бывших волостных старшин Орловской и Курской областей, попавших в поле зрения органов госбезопасности, выяснили, что такие должности занимали лица преклонного возраста: старшин в возрасте 30–40 лет было 5 чел., 41–50 лет – 8 чел., а 51–60 лет – 13 чел.⁷

Автор диссертации провел собственное исследование и смог выявить ряд важных моментов, затрагивающих вопрос мотивации через отношение к службе представителей волостного звена. Полученные данные представлены в таблице № 3 приложения. Они говорят о том, что определить мотивацию большинства волостных старшин как крайне антисоветскую, мы все же не можем. Среди них могли быть как лица, работающие на совесть в интересах оккупантов, так и

---

¹ Линьков Г. М. Война в тылу врага. М., 1953. С. 97–98.

² Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. С. 50–53.

³ Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1943 гг.): на материалах Юга России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. Серия 1: История: Научный журнал. Вып. 32. № 16 (154). С. 66–73.

⁴ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. Якутин А. В. Организация оккупационного режима на территории Смоленской области (июль 1941 – сентябрь 1943 г.) Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2009.

⁵ Писаренко И. С. Фашистская оккупация г. Калуги и оккупационный режим (октябрь – декабрь 1941 г.). Киров, 2004. С. 92–106.

⁶ Варфоломеева М. И. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (на примере территории современной Белгородской области в 1941–1943 гг.) // Научные ведомости. 2011. Вып. 20. № 19. (114) С. 202–208.

⁷ Богданов С. В., Остапюк В. Г. Грани предательства (коллаборационисты в Курской области 1941–1943 гг.) // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 115–122.

помогавшие партизанам, ввиду чего судьба этих людей была разной. В некоторых случаях должность старшины могли занимать даже женщины¹.

Таким образом, при комплектовании «русской администрации», на наш взгляд, оккупанты отдавали предпочтение мужчинам среднего возраста с опытом руководящей работы, пользующимся авторитетом среди местного населения и проявлявшими лояльность к новой власти. Должность волостного часто получало лицо, могущее наладить порядок на подведомственной территории, обеспечить выполнение населением распоряжений гитлеровцев. К такой роли явно не годились эмигранты, совершенно не знакомые с советской действительностью. Повсеместно не могли занимать таких постов и уголовники по причине отсутствия у них авторитета, а также управленческих способностей. Поэтому контингент лиц с уголовным прошлым, на наш взгляд, был весьма ограниченным и больше подходил для службы в силовых структурах оккупантов. От тех, кто шел на политическое сотрудничество, требовалась полная лояльность и умение руководить. Прежде всего, это касалось крупных начальников, которые довольно тщательно проверялись гестапо или полевой жандармерией. Как правильно заметил С. В. Кудряшов, случайный человек стать бургомистром просто не мог².

В таблице № 6 приложения приводятся данные о представителях высшего звена, сотрудников районных и городских управ Калининской, Калужской, Московской, Орловской, Смоленской и Тульской областей. Таблица показывает, что крупные начальники отличались, как правило, пожилым возрастом и хорошим образованием. Их прежняя работа часто была руководящей, многие из них обладали организаторскими способностями. Конечно, имелись случаи занятия высших постов представителями

---

¹ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область. М., 2020. С. 371.

² Кудряшов С. В. Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 93.

дискриминируемых в прошлом советской властью групп, но, как мы видим, особо бросается в глаза именно высокий процент интеллигенции в «русской администрации». Бывший председатель военного трибунала Ф. А. Мельниченко вспоминал: «Примечательно, что как только к нам попадали бургомистры, то я замечал, что среди них было очень много учителей. В советское время эти люди ничем себя не проявляли...»¹. Однако не всегда их изменническая мотивация была обусловлена политическими причинами. Порой, услуги немцам предлагались с целью наведения порядка в населенном пункте. Довольно трагикомичная история произошла с назначением на должность бургомистра гор. Сталиногорска Тульской области. Потеряв хорошую работу при советской власти и затаив на неё обиду, человек решил послушать жену и пойти на службу к немцам, «пока места не разобрали». Получив долгожданную власть, правил недолго. Вскоре началось контрнаступление Красной армии, которая освободила город и арестовала новоиспеченного начальника. Бургомистра хотели расстрелять, но трибунал, установив, что тот ничего тяжкого не успел совершить и ограничился вынесением ему приговора в 10 лет ИТЛ². В другом неординарном случае должность бургомистра человеку досталась вовсе случайно. На допросе незадачливый коллаборант вспоминал, что к ним в гор. Щекино Тульской области приехал немецкий офицер и заставил вместе с ним поехать в комендатуру. По дороге немец захватил еще шестерых человек. Далее их всех по одному направили на собеседование к коменданту. В итоге бургомистром был назначен тот, кого взяли первым. Как потом утверждал бывший бургомистр, у него оказалось самое подходящее образование – он являлся старшим мастером школы фабрично-заводского обучения. Трудно сказать, целенаправленным ли являлся выбор немцев, или нет. Скорее всего, начальники такого учебного заведения в маленьком Щекине сбежали, а

---

¹ Сталиногорское направление. Сборник документов. Тула, 2017. С. 250–254.

² Фрид В. С. 58 1/2. Записки лагерного придурка. М., 1996. С. 10.

старший мастер был многим знаком, на что обратили внимание оккупанты, увидев в этом человеке достойную кандидатуру¹.

Иначе обстоит дело с использованием гитлеровцами белоэмигрантов из Европы. По мнению Б. Н. Ковалева, еще накануне войны с СССР гитлеровцы планировали использовать русских эмигрантов в своих целях. Для них были разработаны курсы, на которых проходило изучение политического, экономического и социального положения СССР². Однако уже в начале войны мнения об их использовании на административных должностях в «русской администрации» кардинально разошлись. Верхушка Третьего рейха пересмотрела свои взгляды, запретила эмигрантам вмешиваться в процесс устройства «Новой России». Видимо, это было связано с тем, что гитлеровское окружение считало этих людей бесполезными, так как население могло отождествить их с царским режимом. К тому же практических знаний о советской России у большинства эмигрантов не имелось. Уже летом 1941 года вышел циркуляр обер-квартирмейстера 16-й армии вермахта «О списке гражданских лиц, настроенных лояльно к Германии», согласно которому запрещалось использование эмигрантов в качестве чиновников гражданской власти³. В дневнике Верховного главнокомандования вермахта по этому поводу говорилось, что бывшая буржуазная аристократическая интеллигенция не должна допускаться к власти, поскольку не воспринимается русским народом и враждебна немцам. Предполагалось также ни в коем случае не допускать замены большевистского государства националистической Россией, которая в конечном счете вновь будет враждебна Германии⁴.

Мнения историков по вопросу присутствия эмигрантов в органах гражданской администрации разнятся. Д. Е. Комаров считает, что в Смоленском

---

¹ Митрофанов С. Тайная жизнь бургомистра // Тульские известия. 2018. 13 ноября.

² Ковалев Б. Н. «Новая русская администрация» на оккупированной нацистами территории России. С. 66–67.

³ Ковалев Б. Н. Указ. соч. С. 67.

⁴ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 22.

крае были довольно редки случаи занятия эмигрантами высоких административных должностей, так как доверия к ним немцев не было¹. Совсем иначе на вопрос об участии эмигрантов в оккупационном аппарате смотрит смоленский публицист Ю. Г. Иванов, отметивший, что зарубежный контингент все же завозился в Смоленск небольшими партиями уже с осени 1941 года. По его мнению, заключительная партия прибыла в Смоленск в феврале 1942 года. Общее число таких коллаборантов он определяет в сто человек. По мнению Ю. Г. Иванова, именно члены НТС, всячески поддерживаемые гитлеровцами, стали опорой «нового порядка». Часть членов НТС заняла ответственные должности в аппарате горуправы, другие перешли в распоряжение немецких спецслужб, третьи занимались пропагандой. Сам Смоленск стал центром деятельности организации Народно-трудового союза².

Мотивация этих людей была также неоднородна. Для одних она сводилась к борьбе с коммунизмом любыми способами с целью осуществления своих идей. По этому поводу эмигрант А. С. Казанцев вспоминал: «Нам необходимо вращаться в русскую землю, будить национальное самосознание народа, искать людей, формировать третью силу»³. Для других, мотивация строилась на искреннем желании помочь простому русскому человеку. В воспоминаниях В. В. Хасапова просматриваются идеалистические нотки: «Мы хотели привлечь немцев на нашу сторону, чтобы помочь русскому человеку. Все мы были немножко идеалистами. Но линия была такая: не Сталин и не Гитлер. И население нас прекрасно принимало. К сожалению, карты не были разыграны до конца...»⁴. Третьи просто мстили советской власти за репрессированных родственников, как это случилось с И. Медведевым, который сначала попросился на должность старосты, а немного позднее перевелся в

---

¹ Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной. С. 115.

² Иванов Ю. Г. Город-герой Смоленск. 500 вопросов и ответов о любимом городе. 2-е изд. Смоленск, 2015. С. 250–251.

³ Казанцев А. С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом 1941–1945. М., 2011. С. 240–241.

⁴ Штоппер С., Кукатов А. Нелегальный Брянск. С. 247.

полицию, мотивируя свой поступок желанием мести большевикам за репрессированного отца¹.

Таким образом, численность эмигрантов в «русской администрации» на Западе РСФСР была невелика. Специально завозить «подозрительного» эмигранта, не обладающего опытом управления и авторитетом, у немцев не было ни времени, ни необходимости. Идеи эмигрантов с самого начала считались иллюзорными, противоречившими планам Гитлера в отношении СССР, а поэтому шансов занять прочное место в «русской администрации» у них было крайне мало. Поэтому немцы часто использовали эмигрантов в качестве подконтрольных им пропагандистов и на второстепенных должностях. В. В. Хасапов с горечью отмечал, что развернуть свою деятельность в Брянске немцы им так и не дали. Что же касается населения, то оно призывы эмигрантов не понимало².

Еще одной социальной категорией, выходцы из которой заявили о себе как о потенциальных служащих «русской администрации», стали так называемые фольксдойче (лиц с немецкими корнями), а также представители прибалтийских народов: литовцев, латышей, которым немцы также предоставляли возможность выслужиться. Еще в июле 1941 г. Гитлер приказал принять срочные меры для учета в оккупированных областях СССР лиц немецкой национальности для последующего их выдвижения на руководящие должности³. Источники содержат данные о занятии такими людьми административных должностей. Так, военным комендантом Мутищенской волости Ельнинского района был П. К. Фетцер, фольксдойче, работающий до прихода немцев в советском аппарате. Фольксдойче Рихтер, работающий водовозом в совхозе, возглавлял сельскохозяйственный отдел при райуправе⁴. Бургомистром пос. Думиничи

---

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 144–148 об.

² Штоппер С., Кукатов А. Нелегальный Брянск. С. 246–247.

³ Сеницын Ф. Л. Разделяй и властвуй: нацистская оккупационная политика. М., 2015. С. 119.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 951. Л. 37–38.

Смоленской области немцы назначили этнического немца Ницмана¹. Главой районной управы г. Спас-Деменска был назначен латыш В. Янтсон, в пос. Сухиничи место начальника занял эстонец Корендовский², в Малоярославце – Клебек³. Наличие значительного количества прибалтов отмечается в западных районах нынешней Тверской области, в зоне действий группы немецких армий «Север» и у границы с прибалтийскими республиками. По прочим же районам западного региона РСФСР сведения о назначенцах из нацменьшинств отрывочны.

Обладая информацией о подобных проявлениях, стремясь обезопасить тыловые районы, советское руководство распространило ответственность за предательство отдельных лиц на всех представителей проштрафившихся малых национальностей. Глава НКВД Л. П. Берия в спецсообщении И. В. Сталину от 28 декабря 1942 г. указывал, что фольксдойче относились к числу людей, которые пользовались значительными привилегиями у немецких оккупационных властей. Находясь на службе у немцев, они получали зарплату на 50% выше зарплаты русского служащего, широко использовались немцами в качестве служащих германских учреждений и полицейских⁴. Однако справедливости ради стоит отметить, что процент выходцев из фольксдойче и прибалтов в административном аппарате все-таки оставался небольшим, зависел от наличия их в конкретной местности.

К концу оккупации ввиду поражения вермахта на фронтах, краха собственных иллюзий и осознания собственного незавидного положения мотивация пособников начинает претерпевать серьезные изменения. Многие из

---

¹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 109. Л. 36.

² Книга Памяти Калужской области. Калужские рубежи / под ред. Т. В. Романовой. Т. XIX. С. 306; Писаренко И.С. Немецкая оккупация Бярятинского, Думиничского и Сухиничского районов // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции, 5–7 апреля 2005. Калуга, 2005. С. 189.

³ Писаренко И. С. Вощенкова Н. С. Масленков А. Н. Малоярославецкий район в годы Великой Отечественной войны. С. 43.

⁴ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 4. Кн. 2. С. 302.

них всё чаще саботируют действия немецких хозяев, активнее помогают партизанам и даже открыто переходят на сторону патриотических сил. В захваченном партизанами донесении руководства немецкими охранными войсками говорилось, что только в районе группы армий «Центр» за август 1943 г. дезертировало 458 помощников, имеющих оружие, в то время как в июле их было 297 чел. В том же документе указывалось, что «местные вспомогательные силы, как военные, так и гражданские, стали крайне ненадежными, а население относится равнодушно к мероприятиям оккупационных властей и отказывается помогать»¹. Подобные изменения в мотивации коллаборантов мы можем обнаружить практически повсеместно. К маю 1943 года только в Идрицком районе Калининской области, в том числе при содействии деревенских старост и старшин, население собрало в фонд Красной Армии 125 тыс. руб.² В ряде оккупированных районов области дело доходило до того, что гитлеровцы вынуждены были контролировать уборку урожая не через старост, а путем привлечения армейских частей³. Военная прокуратура Белорусского военного округа, к юрисдикции которой в то время относились и некоторые районы Смоленской области, с 15 ноября 1943 г. по 1 июля 1944 года смогла арестовать 173 старост деревень, 5 старост общин, 48 бургомистров волостей. В списках осужденных практически отсутствовали представители высшего звена административного аппарата – бургомистры городов и крупных районных центров, в отличие от мелких пособников скрывавшиеся до последнего¹.

Таким образом, на наш взгляд, некорректно сводить мотивацию административных коллаборантов только к ее политическому аспекту. Можно согласиться с позицией ряда современных историков о сочетании разных факторов, обусловивших желание служить в гражданской оккупационной

---

¹ Цветков А. В. Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны. Очерки по истории. Тверь, 2012. С. 24.

² ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 184. Л. 1–2.

³ Подвиги народных мстителей. С. 262.

администрации². Как показывает наше исследование, в реальности имело место переплетение политических, экономических, социальных и личных мотивов. Наиболее значимыми факторами при назначении на административные посты, помимо расового критерия, являлись знание местности и наличие у кандидата организаторских способностей. Именно поэтому оккупанты брали на должности старост и старшин бывших председателей колхозов, авторитетных крестьян, комсомольцев и бывших военнослужащих, хотя последние, как правило, не являлись ключевым источником пополнения кадров административных коллаборантов. Кандидатом также могло стать лицо, владеющее немецким языком³, иными важными для работы знаниями. В Брятинском районе Смоленской области оккупанты на должность агрономов подбирали даже учителей биологии, не взирая на то, что многие из них были женщинами⁴.

На первых порах мера лояльности гитлеровцам не являлась ведущим фактором комплектования низовых звеньев гражданской администрации: должностей старост, счетоводов, писарей. В начале оккупации немцы не проводили серьезной проверки лиц при назначении на посты старост, ориентируясь на степень активности и действенности усилий конкретного своего ставленника. Это позволило партизанам с первых же дней активно вводить своих людей на должности деревенских управителей. Некоторая доля чиновников, симпатизирующих партизанам и подполью, наблюдалась также и среди городских бургомистров, в числе которых были люди, работавшие по принуждению¹. Привлеченный фактический материал, не подтверждает тезис о преобладании среди административных работников гражданской

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 291–302.

² Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. С. 13.

³ АУФСБ СО. № 26185с. Л. 1–26. «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...» // Юхновские Вести. 2003. № 27. 4 марта.

⁴ ГАКО. Ф. Р-1002. Оп. 1. Д. 1. Л. 171.

коллораационной администрации на Западе РСФСР убежденных антисоветчиков, лиц, так или иначе пострадавших от действий советской власти в предвоенные годы. Основой контингента для этих структур стали выходцы из интеллигенции и крестьянства, чью политическую дезориентацию и антипатии оккупанты стремились использовать в своих целях. Другим важным фактором, определившим отбор кандидатов на замещение постов в коллораационной администрации, на наш взгляд, является психолого-бытовые причины – желание приспособиться к жизни в условиях оккупации. С изменением обстановки на фронтах не в пользу Германии менялась и степень эффективности работы пособников, что говорит о неустойчивой, ситуативной мотивации многих представителей административных структур на селе. Куда более осознанной мотивация перехода в услужение врага была у представителей высших звеньев аппарата, на что, как представляется, влиял относительно высокий уровень их образования, наличие опыта руководящей работы и организаторских способностей.

---

¹Парфирьев Д. Wer sind Sie? Herr Burgermeister? Забытый бургомистр Орла Александр Старов [Электронный ресурс]. <https://parfiryeff.livejournal.com/tag/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 30.03.2019).

Глава 2. Гражданская коллаборационная администрация в западнорусской деревне между партизанами, немцами, населением

2.1. Взаимоотношения с партизанами

Проблема взаимоотношений коллаборантов и партизан не нова. Еще в советской историографии партизаны изображались борцами за советский строй, коммунистическую партию, которая, взяв на себя руководство движением сопротивления, стала единственной силой, способной организовать отпор врагу¹. Действия народных мстителей в отношении коллаборантов считались всегда обоснованными и справедливыми, а контакты между ними сводились к осуществлению неотвратимого возмездия пособникам гитлеровцев². Однако помимо такого подхода в историографии встречалось и описание иных контактов партизан с коллаборантами. Так, в вышедшем сборнике документов «Незримого фронта солдаты», имели место упоминания коллаборантов, использовавших свое положение во благо партизанского движения и общей победы СССР над врагом³.

С падением СССР происходит существенное изменение взгляда на взаимоотношения коллаборантов и партизан. Партизан начинают изображать как агентов сталинского режима, карающих любого, кто бросил ему вызов⁴. Давление на население, особенно распространенное там, где оно не хотело идти на сближение с партизанами, приводило к тому, что помимо коллаборантов под удар народных мстителей попадали люди, не связанные с врагом, что усложняло положение населения на оккупированной территории. Б. В. Соколов считает, что в оккупированных местностях шла настоящая гражданская война с

---

¹ Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». С.?

² Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной территории. С. 71–79.

³ Незримого фронта солдаты. Сборник воспоминаний. Тула, 1971. С. 171.

⁴ Гогун А. С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941– 1944 гг.: статьи и воспоминания / под ред. Б. С. Пушкарева. М., 2004. С. 9.

вытекающими из нее последствиями¹. Подобные трактовки проблемы подвергаются обоснованной критике за популизм и необъективность². Так, например, К. В. Чеченков в работе, посвященной партизанскому движению, не останавливается на применении партизанами по отношению к пособникам только карательных мер, упоминает и про пропагандистские инструменты, сыгравшие значительную роль в дальнейшем³. Другие историки считают, что отношения партизан и коллаборантов носили противоречивый характер, меняясь на протяжении войны⁴. А. Ю. Попов указывает на неустойчивый характер отношений между коллаборантами и партизанами лишь в начальный, особенно тяжелый для СССР, период войны. В дальнейшем партизаны чаще пытались найти общий язык с многими пособниками, пытаясь использовать их в своих интересах⁵. Противоречивый характер в отношениях партизан и коллаборантов в годы оккупации признает и В. Н. Кучер⁶.

В западной историографии по упомянутому вопросу также нет единой позиции. Д. Армстронг приходит к выводу, что контакты подполья с пособниками гитлеровцев в годы оккупации все же были, а целенаправленный партизанский террор применялся как по необходимости, так и по недосмотру командования некоторых партизанских отрядов. Цель террора в отношении пособников, по его мнению, состояла не столько в устранении наиболее ярких приспешников врага, сколько в напоминании населению о «настоящей власти», которая вот-вот должна вернуться⁷. Но было ли это так?

---

¹ Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 18.

² Коровин В. В. Современная российская историография об истоках партизанского движения и коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2017. С. 57–58.

³ Чеченков К. В. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны: проблемы организации как фактор боеспособности: по материалам Западного региона РСФСР: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2012.

⁴ Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе. С. 362–363.

⁵ Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. С. 69–76.

⁶ Кучер В. Н. Партизаны Брянского леса: какими они были. С. 620.

⁷ Армстронг Д. Советские партизаны. Легенда и действительность 1941–1944. М., 2007. С. 8–15.

В конце 1941 г. министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс предполагал создать бутафорские органы управления в различных секторах, чтобы возложить на них ответственность за непопулярные меры, уменьшить опасность со стороны партизан и приобрести доверие народа¹. Подобные структуры, находясь между партизанами и оккупантами, сами должны были путем проб и ошибок находить свой статус.

На первых порах немецкая политика была достаточно осторожной, внушала местным жителям определенные позитивные ожидания. Чекистские сводки упоминали о целых деревнях, симпатизирующих немцам². Но еще больше было тех, кто выбрал выжидательную позицию. Об этих людях комиссар партизанского отряда им. Лазо вспоминал: «Эти ждут, действуют со стороны, присматриваются к новой власти и выбирают ту, которая сильнее. И вот именно такие люди усиливали фашистских ставленников, которые использовали этих лиц в своих интересах...»³. Д. Е. Комаров полагает, что на Смоленщине лишь около 12% семей сельских жителей активно боролись с немцами; примерно столько же пошли на сотрудничество с врагом, а более 70% вели себя пассивно⁴.

Однако по мере поражений вермахта от Красной Армии, его отступления на запад оккупационная политика начинает претерпевать существенные изменения. Неудача блицкрига делала войну затяжной, а потребности Германии растущими, что активизировало усилия оккупантов по выкачиванию ресурсов из оккупированных территорий, осуществлению охранных мероприятий. Ими в первую очередь и должны были заниматься пособнические структуры. Партизанские донесения о положении на оккупированной территории

---

¹ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 97. Л. 97.

² Госбезопасность в битве за Москву. С. 126.

³ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 299. Л. 3–4.

⁴ Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной. С. 36; Его же. Население оккупированных территорий: между коллаборационизмом и сопротивлением (на материалах Смоленской области) // Приволжский научный вестник (Ижевск). 2012. № 10. С. 36.

подчеркивали изменчивость характера политики врага: «Все мероприятия, проводимые немецкими властями и их прислужниками, сводятся к тому, чтобы обеспечить армию, осуществить безопасность оккупированных районов в интересах Германии. Население грабится как незаконно – вражескими солдатами, так и узаконенными средствами – через старост и старшин. И это становится всем понятно. В населенных пунктах проводится набор в полицию для несения караульной службы...»¹.

В связи с этим к концу 1941 г. начинается рост партизанского движения. В директиве СНК СССР от 29 июня 1941 г. за подписью И. В. Сталина говорилось: «В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия...» Бесчинства оккупантов, лесистая местность, большое количество брошенного оружия, значительное количество бывших окруженцев – бойцов и командиров Красной Армии – создавали в западнорусской деревне благоприятные условия для его развития. К концу 1941 года на оккупированной территории СССР располагалось около 2 тыс. различных партизанских отрядов общей численностью более 90 тыс. чел.² Ряды партизан быстро росли. На 1 июля 1942 г. только в Смоленской области действовало около 23 тыс. партизан, в Калининской – 5 024 человека, на Брянщине – 31 тыс.³ В Калужском крае действовало около сотни партизанских соединений общей численностью более 8 тыс. чел.⁴ В пределах современных границ Тульской области располагалось 49 партизанских отрядов общей численностью 1 403 чел., а также 47 истребительных батальонов в количестве 4 987 чел.⁵

---

¹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

² Писаренко И. С. Партизанское движение в Калужском крае в годы Великой Отечественной войны // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 1997. Вып. 3. Ч. 2. С. 68.

³ Органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 7.

⁴ Калужской области – 60 лет: в 2 кн. Кн. 2. Паспорт Калужской области. Калуга, 2004. С. 28–29.

⁵ Рябцев А. С. Партизанское движение в Тульской области в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире сборник материалов международного научно-общественного форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в 2 Т. Т. 1. Тула, 2015. С. 422. Другие данные о численности партизанских отрядов приводит С. Н. Семушкина. По ее

Активность партизан стала проблемой, которая не могла не волновать гитлеровцев и коллаборационную администрацию. Уже в апреле 1942 г. командующий тыловой зоной «Митте» генерал М. фон Шенкендорф срочно просил руководство группы армий «Центр» выделить ему значительные средства для борьбы с партизанами, представляющими серьезную угрозу¹.

Понимая недостаточность своих сил, немецкие власти старались переложить на местный коллаборационный аппарат помимо экономических функций и часть антипартизанских². Так, в немецких инструкциях лета – осени 1941 г. бургомистрам, волостным старшинам и старостам предписывалось исполнять указания оккупационных властей и нести ответственность за порядок на своей территории³, участвовать в задержании всех подозрительных лиц на подвластной территории, обеспечивать выполнение мероприятий по вырубке леса вблизи зон партизанской активности, установке вышек для осмотра округи, формировать отряды самообороны⁴. За исполнение этих обязанностей гитлеровцы предусматривали применение позитивных и негативных санкций – от награждения до расстрелов за содействие народным мстителям⁵. Такая установка оккупантов находила у населения оккупированных районов определенный отклик. Партизан В. Самсонов вспоминал: «Вот зайдет партизан к матери, а она начнет уговаривать, чтобы он выходил из леса. Сосед, вон, живет себе спокойно, работает у немцев, а ты по лесам бродишь и меня из-за тебя беспокоят. Давай, приходи домой...»⁶. И действительно, в глазах, живших в

данным, действовало 329 отрядов общей численностью в 2 150 чел. См.: Семушкина С. Н. Тульские партизаны в период сражения под Тулой (октябрь 1941 – январь 1942 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Вып. 9. М. 2004. С. 259.

¹ Органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 615–616.

² Якутин А. В. Деятельность немецких оккупационных органов на территории Смоленской области в 1941–1943 годах // Известия Смоленского государственного университета. Сер. Исторические науки и археология. 2017. № 2 (38). С. 218–224.

³ ГАСО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Л. 30, 193.

⁵ Там же. Л. 47.

⁶ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 70. Л. 41.

оккупации людей, служба у врага могла иметь ряд преимуществ (зарплата, паек, привилегированный статус).

В советской историографии отмечалось, что в «группу риска» прежде всего попадали пособники, активно сотрудничавшие с оккупантами¹, заслуживавшие неминуемой гибели, однако на деле, все оказалось гораздо сложнее. В работе с броским названием «Партизаны против народа» А. С. Гогун пытается представить свой взгляд на взаимоотношения партизан и коллаборантов². Он приходит к выводу, что партизаны действовали крайне жестоко по отношению не только к ярым пособникам, но и к мирному населению, что было продолжением политики советского государства. Партизанские отряды в первое время не управлялись централизованно, многие действовали обособленно, исходили не из указаний Центра, а в зависимости от местных условий. Таких партизан часто называли «дикими». Равнодушные к политике, они старались уживаться с немцами, не провоцируя их на карательные меры. Плохо вооруженный крестьянин, осознавая свою неподготовленность к схватке с сильным противником, скорее думал о защите родной деревни, нежели о защите советской власти, от которой он сам мог в прошлом пострадать. Справедливые указания руководства партизанским движением о недопустимости боев с гитлеровцами вблизи деревень и сел, об ответственности за грабежи и мародерство, об особом отношении к перебежчикам последуют позднее, с усилением карательной политики немцев.

Была и другая часть народных мстителей, которыми руководили идеологически мотивированные чекисты. Именно такие отряды готовы были провоцировать врага своими действиями, являясь наиболее беспощадными к немецким ставленникам³. Подобные соединения последовательно выполняли

---

¹ Логунова Т. А. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): сб. документов и материалов. Вып. 1. М., 1969. С. 83.

² Гогун А. С. Партизаны против народа. С. 9.

³ Там же. С. 9–10.

директивы с «большой земли». Помимо реквизиции продуктов у изменников, в борьбе с врагом партизанами активно применялась и тактика индивидуального террора¹. Уже к осени 1941 г. было известно распоряжение Москвы о ликвидации всех изменников Родины без исключения². Так, за 4 месяца 1942 г. партизанским отрядом Буранова в Калининской области было ликвидировано 14 бургомистров, 435 полицейских, разгромлено 22 волостных управы, а сами партизаны по данному поводу лукаво высказывались, что цифры неточные, так как «эту сволочь никто порядком не считает»³. Партизанский отряд им. С. Лазо, действовавший в районе Ельни, только с 1 по 10 апреля 1942 г. уничтожил 198 полицейских, старост, старшин и членов их семей. Партизанский отряд Иванова, действовавший в Сафоновском районе, с 9 по 19 апреля 1942 г. перебил 106 коллаборантов. Партизанский отряд комиссара Солдатова, действовавший в Ульяновском районе, с октября 1941 по январь 1942 г. уничтожил 22 ставленника, активно помогавших фашистам⁴. По сообщениям Брянского штаба партизанского движения, с октября 1941 по 15 июня 1942 г. партизанами было истреблено 1 213 чел. полицейских и управителей⁵, всего же в оккупированных районах Орловской и Смоленской областей в 1941–1943 гг. было уничтожено 6 862 пособника, разгромлено 186 полицейских управ⁶.

Схожие данные содержатся и в немецких источниках. Так, по немецким данным, с осени 1941 по август 1942 г. партизаны ликвидировали в тылу группы армий «Центр» 1 500 старост⁷. В сообщении корреспондента Совинформбюро в ЦК ВКП(б), датированном июлем 1942 года, говорилось, что «предатели живут в вечном страхе.... Просят немедленно прислать

---

¹ Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь в период оккупации. М., 2011. С. 67.

² ГАКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.

³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 352. Л. 6.

⁴ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 574. Л. 40.

⁵ Партизаны Брянщины. С. 179.

⁶ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 8. Л. 371.

⁷ Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». С. 153.

подкрепление с тяжелым вооружением»¹. Б. Н. Ковалев отмечал, что в ряде случаев размах террора в отношении коллаборантов со стороны некоторых партизанских отрядов выходил за даже очень широкие, по меркам того сурового времени, рамки. Комиссар 5-й партизанской бригады вспоминал: «Мы активных пособников никогда не стреляли и не вешали. Мы изменникам березки делали...»². Ввиду несогласованности партизанских подразделений в начале оккупации отмечались факты уничтожения мстителями пособников, выполняющих указания подпольных парторганизаций³. По данным Д. Е. Комарова, на территории Смоленской области в 1941–1943 гг. партизаны уничтожили около 11 тыс. солдат РОА, полицейских, бургомистров, старост и т. д., что даже при условии некоторого завышения партизанами результатов своей деятельности, является внушительным показателем. Что же касается многочисленных перегибов, то вышеупомянутые случаи лишь добавляют трагичности этим цифрам⁴.

Несмотря на преувеличение партизанами показателей своей боевой активности, эти данные помогают определить наиболее уязвимые звенья коллаборационного аппарата и проследить интенсивность применения партизанами самых жестких мер. В наибольшей степени страдали от партизан такие категории административных коллаборантов, как старосты, сельские полицейские и волостные старшины. Что же касается крупных начальников и организованных воинских формирований, то они часто располагались в местах значительного скопления гитлеровских войск и страдали от партизан гораздо реже и меньше. Нередко крупные чины местной коллаборационной администрации и отряды полицейских стремились уйти в безопасные для себя

---

¹ Партизаны Брянщины. С. 177.

² Ковалев Б. Н. Коллаборационизм: казнить или помиловать? Интервью радио «Эхо Москва» от 12 мая 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://echo.msk.ru/programs/victory/513765-echo/> (дата обращения: 24.12.2018).

³ Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь в период оккупации. С. 58.

⁴ Комаров Д. Е. Деятельность советского репрессивного аппарата на оккупированной территории Смоленской области (1941–1943) // Известия Смоленского государственного университета. Исторические науки. 2013. № 1 (21). С. 204.

районы, перебирались в селения, находящиеся вблизи воинских подразделений. Привлекая свое внимание к этим действиям, немецкое командование издавало указания по запрещению таких перемещений¹.

Исходящую от партизан угрозу хорошо осознавали и сами немцы, призывая граждан, коллаборационную администрацию активнее участвовать в антипартизанской борьбе. В распоряжении № 17/42 командира 14-й танковой дивизии по борьбе с партизанами и шпионами в прифронтовых районах от 24 января 1942 г. предписывалось для борьбы с партизанами привлекать бургомистров, которые должны были нести полную ответственность за регистрацию населения. Граждане призывного возраста, не проживавшие до 22 июня 1941 года в данной местности, должны быть немедленно арестованы и отправлены в лагерь военнопленных². За ущерб немецкой армии гитлеровцы угрожали расстрелом вдвое большего числа лиц, нежели пострадало немецких солдат, а при покушении на железные дороги и мосты – казнью не менее 3-х человек из числа местных. Под страхом виселицы запрещалось давать пристанище чужакам и укрывать партизан³.

Высокая активность и размах партизанского движения заставили, например, Севское районное управление в декабре 1941 г. выпустить указание о мобилизации старост и старшин на борьбу с партизанами до освобождения от них всех подконтрольных территорий⁴. Локотское окружное управление 6 февраля 1943 года предъявило ультиматум партизанским отрядам, гласивший, что за каждого замученного бойца, старосту или иного ответственного работника подлежало расстрелу 20 партизанских заложников за каждого убитого рядового полицейского и 50 заложников – за каждого командира и ответственного работника. Но, несмотря на это предупреждение, партизаны

---

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп.1. Д. 352. Л. 6–7.

² Страна в огне: в 3 т. Коренной перелом. 1942–1943. Кн. 2. С. 246.

³ ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 15. Л. 29.

⁴ Партизаны Брянщины. С. 79.

продолжали свою борьбу с коллаборантами. Так, например, один из агентов партизан 18 февраля 1942 года произвел покушение на заместителя обер-бургомистра округа С. В. Мосина и тяжело ранил ехавшего с ним механика Свинцова. В ответ на это покушение было расстреляно 40 заложников-партизан¹. В донесении секретарю Смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попову отдела Западного штаба партизанского движения сообщалось, что население ряда деревень настолько запугано карателями, что многие крестьяне стали идти на службу к немцам².

Тотальный террор некоторых партизанских отрядов по отношению к немецким ставленникам, подчас бесцеремонные действия в адрес местного населения не порождали у людей симпатий к народным мстителям. В партизанских документах довольно часто встречаются сведения о том, что местные жители «отказывают в помощи продуктами, укрытии», «вызывают немецкую подмогу»³. Карательные акции гитлеровцев, тяжелое положение, в котором оказывались партизаны, изменчивость ситуации на фронтах заставляли партизан менять тактику борьбы, отношения к коллаборантам. Они не могли не понимать, что именно от позиции населения и отчасти коллаборационной администрации подчас зависит и их собственное положение.

Первоначально основными способами борьбы партизан выступали террор и изъятие имущества пособников. При невозможности ликвидировать пособника своими руками партизаны провоцировали на это оккупантов. В первое время оккупации в отношении активных коллаборантов была распространена отправка «благодарственных писем» от имени партизан. «Разоблаченного» таким образом своего ставленника оккупанты уничтожали, не вникая ни в какие подробности. Так, например, был уничтожен волостной старшина Кружаленков и начальник полиции Дятлов, работавшие в управе

---

¹ Жуков Д. А. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009. С. 93.

² ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 8. Л. 108, 196.

³ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 406. Л. 69. Оп. 2. Д. 8. Л. 108.

нынешнего Куйбышевского района Смоленской области¹. Однако часто такие мистификации не требовались, так как низовые звенья пособнического аппарата уничтожались без особых проблем ввиду слабой охраны населенных пунктов. В донесении отряда, действовавшего в Ленинском районе Калининской области, помимо разведсводки прилагался список старост, уничтоженных за пособничество: ими оказались старшины деревень Костино, Майково, Козино, Голаново, Курово; староста д. Пестово был ликвидирован вместе с семьей².

Уже с конца 1941 г. отмечается некоторая тенденция трансформации борьбы партизан против коллаборантов. Часть партизан впоследствии вспоминала, что помимо угроз имели место и предупреждения пособников об ответственности за свои действия. Член ВКП(б) Н. А. Силкин писал: «К старосте Плешкову я пришел в ноябре 1941 г. и сразу сказал ему, что мы друга давно знаем, и ты знаешь, что мы здесь, поэтому, если ты нас выдашь, то не только сам не будешь жить, но и твоя семья будет уничтожена. Будешь нам помогать...»³. Председателю Дубосищенского сельсовета Смоленской области, работающему на немцев, было передано указание местного партизанского командира предоставить в его пользование определенное количество лошадей, хомутов, яиц и молока, а за невыполнение обещалось привлечение к ответственности по «законам военного времени»⁴. Анализируя воспоминания партизан, бросается в глаза тот факт, что в первую очередь народные мстители интересовались личностью ставленника, надеясь использовать его в своих интересах. Работающий на партизан староста мог принести значительную пользу. Так, в воспоминаниях комиссара Любехонского партизанского отряда Абрашина имеется информация о задачах, которые возлагались на такого старосту: от ставленника требовалось следить за перемещением вражеских

---

¹ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

² ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 2. Л. 147–148.

³ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 269. Л. 143.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2576. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–25.

войск, помогать партизанам и красноармейцам, предупреждать подпольщиков о готовящихся акциях гитлеровцев¹. Партизан Ястребов отмечал, что староста использовался в разведывательных и бытовых целях. Право на свободное перемещение давало ему возможность приобрести для партизан необходимые товары в городе².

Другим примером смены тактики являлась практика внедрения в коллаборационную администрацию партизанской агентуры с целью ее разложения. Андреевский подпольный райком ВКП(б) Смоленской области смог внедрить в аппарат оккупантов 64 человека. Издешковский райком ВКП(б) завербовал 5 старшин³. В первое время оккупации из-за недостаточного развития партизанского движения подобные действия к успехам не приводили. Имели место случаи перехода самих партизан на службу к врагу, и во многих партизанских воспоминаниях имеются упоминания о расстрелах своих же перебежчиков⁴. Да и сами партизаны отмечали, что возможности их пропаганды в то время сильно уступали немецкой.

Можно согласиться с мнением Б. Н. Ковалева, что ввиду неудач 1941 года и отсутствия у партизан соответствующих ресурсов в начальный период оккупации пропаганда не считалась приоритетным средством, уступая место силовым формам борьбы с немецкими прислужниками. Недооценку ее партизаны объясняли авантюристическим и провокационным характером немецкой пропаганды, которая, однако, с самого начала, опираясь на ложь, так и не смогла завоевать доверие у населения⁵.

К концу 1942 г. при налаживании связи с «большой землей» стали известны многочисленные случаи выпуска партизанами пропагандистских листовок. С мая–июня 1942 года известны первые выпуски партизанских

---

¹ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1 Д. 268. Л. 4.

² Там же. Д. 178. Л. 22.

³ Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». С. 132.

⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 254. Л. 95.

⁵ Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь в период оккупации. С. 45.

листовок, адресованных полицейским, с предложением перехода на сторону партизан под угрозой расправы с их семьями. В отличие от листовок солдатам военизированных частей коллаборантов, материалы, адресованные «управленцам» и полицейским, были меньшего тиража, подчас писались от руки и носили адресный характер. Как правило, адресату разъясняли понятие «патриот» и «предатель», предлагали бросить работу на немцев и грозили ответственностью¹. Партизанский отряд Хвастовичского района Орловской области начал выпускать первые, обращенные к старостам, листовки в марте 1942 г., призывая тех немедленно бросить работу². К 16 июля 1943 г. отряд выпустил 4 075 экземпляров листовок для пособников и предателей³.

Некоторые партизанские соединения знали своих врагов-коллаборантов пофамильно, чем пытались воспользоваться, указывая их данные в листовках, угрожали их семьям⁴. К 1943 г. после победы в Сталинградской битве в леса начинают переходить не только отдельные пособники, но и целые коллаборационистские воинские подразделения, что говорило об их полном полностью разочаровании в политике оккупантов. По воспоминаниям партизана А. Г. Холомеева, «в начале оккупации мы руководствовались листовками, которые нам сбрасывали. В них говорилось, что всем, кто переходит на сторону немцев – смерть, поэтому мы подходили к делу формально и многих расстреляли...»⁵. Но уже в воспоминаниях партизана Соловьева о событиях 1943 г. мы видим совершенно иную картину: «В последнее время в отношении старост и власовцев террор применяем реже, стараемся вести массово разъяснительную работу, чтобы привлечь их на свою сторону. В листовках мы требовали и призывали их искупить вину перед Родиной, заниматься

---

¹ Ковалев Б. Н. «Пятую колонну» создать не удалось // Научно-практический и историко-краеведческий журнал. Псков, 1995. № 2. С. 47–56.

² Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». С. 132.

³ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 650. Л. 10.

⁴ За линией фронта. Воспоминания К. Ф. Фирсанова. Тула, 1968. С. 74.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 269. Л. 67.

вредительством, оказывать нам помощь...»¹. Доказательством этого может служить и общая статистика ликвидации прислужников по Косеватскому отряду т. Аксенова, действовавшему в Смоленской области. За время своей боевой деятельности в 1941–1943 гг. он смог ликвидировать 56 полицаяв и старост. Похожая ситуация отмечалась и в отрядах «В бой за Родину» под командованием Н. И. Бусловского (Хвастовичский район Орловской области), где на тысячу убитых врагов приходилась около сотни уничтоженных коллаборантов².

Конечно, на первых порах у пособников имелось определенное недоверие к обращениям партизан. В докладной записке Н. Шеремета Н. С. Хрущеву о результатах рейда через территорию Орловской, Могилевской, Гомельской областей на Украину отмечалось: «Многие из полицейских и старост перешли бы на нашу сторону, но боятся мести. Партизанские командиры неохотно принимают в отряд перебежчиков...»³, но приближение линии фронта заставляло пособников действовать куда решительнее, преодолевая страх. Начинается саботаж ими мероприятий оккупантов и массовый переход на сторону народных мстителей. К концу оккупации удельный вес ликвидации пособников в арсенале средств борьбы с ними партизан заметно снижается по сравнению с 1941–1942 гг., уступив место пропагандистским инструментам⁴. В отличие от листовок начального этапа оккупации к 1943 г. партизаны все чаще учитывают различную мотивацию коллаборантов, на возможность искупления ими своей вины⁵.

Меняется и сама практика возмездия по отношению к немецким ставленникам. Так, например, партизаны отряда Дьяченко, действовавшие на

---

¹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 254. Л. 97–98.

² История Калужской партийной организации. Тула, 1978. С. 147.

³ «Создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников...» Красные партизаны Украины, 1941–1944: малоизученные страницы истории. Документы и материалы / авт.-сост. А. Гогун, А. Кентий. Киев, 2006. С. 122.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 576. Л. 98.

⁵ ЦДНБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 247. Л. 16.

Смоленщине, изъяли у старост д. Митино и Семеново награбленное ими имущество и хотели их расстрелять за доносы, однако передумали из-за опасений, что может пострадать местное население, и ограничились мерами устного предупреждения¹. Другой партизан вспоминал, что, заходя в дом старосты, «мы, прежде всего, не говорили хозяйке: «Насыпь зерна», а просто брали 8 мешков из 10 и уходили, и эти 2 мешка пусть останутся этим сволочам, чтобы не подошли...»². Такая политика проводилась даже в 1943 году, когда партизаны сами снимали урожай с участков полицаев, оставляя их семьи голодными³.

Стоит отметить, что с изменением методов борьбы меняется и объект партизанских актов возмездия. Как и в начале оккупации, приоритетными целями уничтожения оставались крупные гитлеровские чиновники, каратели, наиболее активные коллаборанты. С другой стороны, в донесениях 1943 года все реже упоминается количество ликвидированных старост и мелких пособников. Все чаще материалы могли содержать сведения о переходе различных воинских коллаборационных формирований на сторону партизан. На первых порах партизаны не делали серьезной разницы между старостами и старшинами, называя и тех, и других «прислужниками» и «прихвостнями». В первое время старшины и старосты являлись удобной мишенью. Слабость сельской полиции, удаленность от немецких гарнизонов, сильная ненависть партизан к врагу позволяли им практически без помех наказывать прислужников. Командиры партизанских отрядов заявляли, что определенное количество управ было разгромлено ими уже при формировании. Отряд им. Суворова, действовавший в Смоленской области, смог убить первого старшину уже в декабре 1941 г., когда тот еще не проработал и месяца⁴. Из донесения

---

¹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 249. Л. 15–16.

² ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 23. Л. 176.

³ Мангазеев И. А. Тверские коллаборационисты // Вечерняя Тверь. 2001. 2–8 ноября.

⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 372. Л. 4.

представителя Центрального штаба партизанского движения по Калининскому фронту Бельченко видно, что с августа 1942 г. по январь 1943 года партизаны смогли убить 14 бургомистров и разгромить 22 волостные управы¹. Вероятно, данные цифры несколько преувеличены, но они позволяют нам осознать степень угрозы, которой подвергались волостные. Подобные нападения заставляли управителей опасаться за свою жизнь и уезжать в крупные населенные пункты, на что оккупанты немедленно выпускали запретительные приказания². Немецкое командование призывало коллаборантов бороться с партизанами собственными силами и только в крайних случаях опираться на немецкую подмогу.

Поначалу, ввиду недооценки оккупантами развития партизанского движения, населенные пункты, в которых оказалась расквартирована местная власть, не располагали должной системой защиты, ввиду чего административные коллаборанты не были защищены от налетов партизан. Осенью 1941 года гитлеровцы держали в глубоком тылу лишь немногочисленные гарнизоны для охраны наиболее важных объектов, что не гарантировало управителям безопасности. Случаи первых партизанских атак отмечались уже с конца 1941 года. Комиссар партизанского отряда, действовавшего на территории Ульяновского района Орловской области, И. Солдатов вспоминал: «В октябре 1941 года немцы практически не появлялись в деревнях и поселках. Мы свободно передвигались и могли даже появиться в пос. Ульяново. В небольших населенных пунктах нам удавалось создать из местных жителей группы самообороны против полицаев и мародеров...»³. Партизаны-ульяновцы объясняли такое положение дел спецификой района: удаленностью от основных магистралей и следствием скоротечного наступления гитлеровцев на Москву, ввиду чего враг терял бдительность.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 827. Л. 89.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 352. Л. 6.

³ Солдатов И. И. Засада на большаке. Записки партизана. Тула, 1977. С. 43, 76.

Бургомистр-старшина пос. Ульяново Матюхин характеризовался партизанами как неустойчивый, трусливый пособник, выполняющий, и указания немцев, и партизанские требования. После повторной оккупации села летом 1942 года немцы стали закручивать гайки и на этот пост назначили другого старшину, более им лояльного¹. В Жиздринском районе Орловской области первые нападения партизан на управы также состоялись в конце 1941 года. Перед самым Рождеством нацистский охранный отряд убыл из Жиздры в окрестную деревню Зикеево для празднования Рождества, оставив город без охраны. Партизаны воспользовались этим, совершив налет на населенный пункт, в ходе которого был убит начальник полиции, несколько полицейских, похищен сейф с важными документами и деньгами управления². В ноябре 1941 г. партизанами был ранен бургомистр пос. Хвастовичи Бондарев. Значительных германских сил в поселке не было, а полицейские лишь чудом избежали уничтожения. Существенный немецкий гарнизон был передислоцирован в поселок только к началу 1942 года³. Бессилие коллаборационной власти перед партизанами показал разгром одного из волостных центров Спас-Деменского района, в ходе которого полицейские не оказали почти никакого сопротивления, а их начальник спрятался под кровать⁴.

С 1942 года в местах, где положение было особенно опасно, немцы призывали усилить бдительность и даже разрешили наиболее преданным бургомистрам иметь личное оружие⁵. Занятые немцами населенные пункты начинают усиленно укрепляться, в них подтягивается техника, и партизанам становится сложнее осуществлять свои нападения. Командир Косеватского отряда Ф. В. Аксенов в своем донесении приводит следующее описание районного центра Рогнедино, находящегося вблизи партизанской зоны:

---

¹ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 628. Л. 3.

² Гладков Т. Звездная агентура. Материалы и свидетельства. Калуга, 2000. С. 130.

³ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 665. Л. 18.

⁴ Книга Памяти Калужской области. Калужские рубежи / под ред. Т. В. Романовой. Т. XIX. С. 310.

⁵ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 135. Л. 34.

«Рогнединская управа хорошо охранялась. Имеется три дота, в которых находятся по 1 пулемету. Кроме того, 2 пулемета располагались на колокольне рогнединской церкви. Вблизи самой управы было выставлено 2 поста полицейских. Полицейские все – с винтовками, немцы – с автоматами. Предателей – около 60 человек, немцев – около сотни...»¹.

Старшинам в отличие от деревенских старост было сложнее встать на путь прощения². С 1942 года волостные точки усиленно контролировались оккупантами, старавшимися пресекать различные варианты саботажа. Однако на первых порах плохо охраняемые волостные и даже районные центры могли являться объектами нападения партизанских отрядов. 5 декабря 1941 года в ходе налета на Навлю был убит начальник района Калмыков и бургомистр города Таненков. Причем в донесении также отмечалось, что управителям не помогли ни полицаи, ни отряд немецких солдат³. Партизаны обоснованно считали, что пособники среднего и высшего звена осознанно сделали свой выбор и в меньшей степени заслуживали прощения. Так, группа партизан «Смерть оккупантам», разгромив волостной участок в д. Александрово во время совещания старшин и старост, ликвидировала именно руководство волостной управы, отпустив старост по домам⁴. Похожая история случилась с разгромом партизанами Лихвинской управы. Отступающие в 1941 году от стен Москвы немцы, не позаботились об обеспечении её безопасности, ввиду чего 20 сотрудников управы были захвачены партизанами в плен без сопротивления. Пленных срочно заставили организовать работу по восстановлению моста к приходу Красной Армии, а после проделанной работы четверых самых активных прислужников расстреляли⁵.

---

¹ Аксенов Ф. В. Огненный коридор. Тула, 1974. С. 67.

² Юденков А.Ф. За огненной чертой. М., 1966. С. 143.

³ Стельмах В. М. Партийное подполье // Шли на битву партизаны. Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг. Брянск, 1972. С. 80; Анищенко Е. Н. Партизанская республика. Тула, 1992. С. 39.

⁴ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 583. Л. 4, 27 об.

⁵ ГАТО. П-5702. Оп. 1. Д. 134. Л. 24.

К 1943 году в партизанских донесениях появляются упоминания о количестве разгромленных управ в то время, как численность ликвидированных старост уже становится неактуальной. В итоге к 1943 году некоторые волости нынешней Тверской области оказались полностью парализованными деятельностью партизан. Старшина Андреевской волости жаловался начальнику Новоржевского уезда о бессилии местных сил в противодействии нападению партизан и требовал немедленно расформировать волость¹. Подобные случаи мы отмечаем в Себежском районе, где к 1943 году из 18 волостей ни одна нормально не функционировала². В Идрицком районе работоспособными оказались лишь 3 участка³.

Для пополнения своих рядов перебежчиками из числа коллаборантов и во избежание расправ над мирным населением партизаны применяли и иные способы их вербовки. Применялась практика фиктивного похищения и заочного «расстрела» пособников, желающих уходить в леса⁴. Известны случаи, когда партизаны, сговорившись со старостой, давали ему указания по поводу его обязанностей и только уже на грани немецкого разоблачения принимали в свой отряд, предоставляя укрытие. Партизан Н. Е. Абрамович в своих воспоминаниях приводил такой способ взаимодействия: «Машуров – «наш» староста, помогал нам. Когда оккупанты приказывали ему собрать несколько десятков тонн хлеба, он это беспрекословно выполнял, но перед тем, как направить обоз, сообщал нам маршрут и время движения. Всякий раз мстители нападали на этот обоз и увозили с собой собранные продукты...»⁵.

Примеры конструктивных для партизан контактов с административными коллаборантами можно проследить и по другим свидетельствам. Одним из наиболее характерных является поведение немецкого ставленника – старосты д.

---

¹ Подвиги народных мстителей. С. 257.

² ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 15. Л. 180.

³ Там же. Л. 143.

⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 8. Л. 108.

⁵ Незримого фронта солдаты. С. 185.

Четово, который объявил набор лиц, ответственных за сбор оружия. Партизаны, договорившись с ним, отправили своего человека, который собрал все негодное – немцам, а годное – в партизанскую яму¹. Часть партизан в своих воспоминаниях, относящихся к 1943 г., упоминают о взаимодействии даже средних коллаборационных структур в лице бургомистров волостей с ними во благо общей победы над оккупантами². Активный участник партизанского движения А. Г. Григорьев вспоминал: «Если в 1941–1942 гг. население реже помогало нам, то уже в 1943 г. само приходило и приносило продовольствие добровольно...»³. По мнению А. Цветкова, за весь период оккупации к партизанам перешло около 4 000 чел. прислужников различных структур⁴. Все эти свидетельства противоречат утверждению о непримиримо враждебном отношении партизан к представителям коллаборационной администрации и исполнявшему указания немцев населению. «Конечно, если видишь, что перед тобой человек убежденный, – писал в воспоминаниях партизан К. М. Соловьев, – что он душой и телом предан немцам, что никакая массово-разъяснительная работа не действует, тогда другое дело – только автомат в ход...»⁵. Можно согласиться с мнением С. А. Никифорова в том, что сотрудничество с оккупантами не делало человека их вечным союзником, и партизаны оставляли людям, привлеченным на службу к немцам, право вернуться, исключая лишь ярых пособников, карателей и шпионов⁶. Таким образом, формировался смешанный вариант взаимодействия с пособниками, который, как мы видим, приносил ощутимые плоды делу разгрома врага.

---

¹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

² Лесные богатыри: сб. воспоминаний. Тула, 1966. С. 25–27; Война народная: Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины 1941–1943 гг. М., 1985. С. 184, 202.

³ Ковалев Б. М. Повседневная жизнь в период оккупации. С. 74.

⁴ Кучер В. Н. Партизаны Брянского леса. С. 598.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 254. Л. 95.

⁶ Никифоров С. А. Проявления коллаборационизма на территории Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. (на примере Курской области) // Правда истории. Вып. 7. Курск, 2008. С. 170–190.

Подобно партизанам, политику «кнута и пряника» пытались применять и немцы. Например, старшине Самолюбовской волости Парфененкову установили ежемесячный оклад в 550 рублей за активное участие в борьбе с «бандами»¹. Пострадавших от действий партизан жителей освобождали от налогов и выписывали пособия от 100 до 300 руб.² При участии гражданского аппарата оккупантами проводились меры по нейтрализации и уничтожению подпольного движения. Так, заместитель начальника Стодолищенского района Смоленской области, приказал старшинам Ново-Руднянской волости обеспечить безопасность путем выставления постового охранения, рекрутируемого из местных жителей, а при обнаружении партизан, не прекращая сопротивления, срочно докладывать в волостную управу для присылки подкрепления³. Другой бургомистр просил начальника Ершицкого района срочно усилить полицию из-за нападений партизан, так как местных сил оказалось недостаточно⁴. Начальник Семлевского района под угрозой отправки в лагерь требовал от подчиненных организовать постройку вышек для обзора округа в своем населенном пункте⁵.

Немцы постоянно выпускали инструкции о запрете под страхом смерти передвижения вне ограниченных территорий, об угрозах расправ над партизанами и их помощниками, различных методах обнаружения «банд». Значительная часть работы по осуществлению этих инструкций ложилась на плечи гражданской коллаборационной администрации. Старостам предписывалось задерживать лиц, «шастающих по деревне, имеющих неопрятный вид, с торбами за плечами». За выдачу партизана жителями гарантировалась оплата в размере 2 тыс. руб., а за информацию о расположении

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

² ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Л. 47, 124; Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 27. Л. 14; Д. 39. Л. 5–7.

³ ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 16. Л. 169.

⁴ Там же.

⁵ ГАСО. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 1. Л. 147.

партизанского отряда – 25 тыс. руб., корова и свинья¹. Суммы не являлись одинаковыми и разнились в зависимости от региона и остроты противостояния патриотических и пронемецких сил. В Хвастовичском районе Орловской области за предоставление информации о расположении партизанской базы гарантировалось вознаграждение в 10 тыс. руб.²

Дополнительно награждали оккупанты тех коллаборантов, кто за своей подписью организовывал выпуск пропагандистского материала, призывающего партизан сдаваться немцам. Как правило, инициатива подачи материала определялась не только германскими установками, но и политической преданностью коллаборанта гитлеровцам. Как правило, такой управитель, делая ставку на национальное происхождение партизан, призывал в листовках подпольщиков одуматься, обещал всем гарантированное прощение со стороны германских властей, а также уповал на трудные для всех времена и бессмысленность борьбы за большевиков³. Таким образом, коллаборационной пропагандой подчеркивалась самостоятельность гражданских органов в решении сложных вопросов. Однако, с другой стороны, в обращениях наиболее ярых гитлеровских пособников часто использовались и открытые лакейские интонации. Так, бургомистр Понизовского района, за подписью которого вышла листовка-обращение, писал партизанам: «За что вы сражаетесь: за жидов, коммунистов? Переходите к немцам, немцы вам ничего не сделают. Мы уже с ними договорились. Запомните, партизаны Сталина – это не партизаны Дениса Давыдова! За Давыдовым шла вся Россия, за Сталиным – никто!»⁴.

Подводя итог, можно сказать, что отношения коллаборантов и партизан на протяжении оккупации носили сложный характер, претерпевший серьезные

---

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 728. Л. 6–10.

² Шалыгин И. Соль поваренная: как это было? // Родной край (Хвастовичи). 1999. 17 сентября

³ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 165. Л. 16; ГАСО. Ф. Р.-2573. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–2.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 819. Л. 92.

изменения к 1943 г. Метод террора, несмотря на свое распространение¹, применялся партизанами чаще всего в отношении ярых коллаборантов или же в первый период оккупации. В отличие от карательной политики оккупантов, партизаны пытались обосновать свои действия по отношению к проступкам конкретных людей, предоставить пособнику информацию о справедливости такого решения, а в некоторых случаях – и шанс на искупление. Анализ источников показывает, что усилия партизан по устранению прислужников являлись далеко не единственным инструментом, постепенно заменялись все более гибкими методами разложения коллаборационной администрации.

Изменения произошли и в поведении коллаборантов. Если в начале оккупации значительное их количество, понимая неустойчивость личного положения, пыталась занять нейтральную, а иногда, и открыто пронемецкую позицию, лавировали между немецкими властями и партизанским сопротивлением, то уже к концу ее стала вырабатываться иная модель поведения, сводящаяся к осознанию гитлеризма как абсолютного зла и мобилизации местных ресурсов на поддержку патриотических сил.

2.2. Взаимоотношения с немецкой администрацией

В советские годы взаимодействие коллаборантов с оккупантами практически не рассматривалось ввиду закрытости темы и недоступности многих источников. Мемуары партизан и представители советских органов госбезопасности характеризуют сотрудников коллаборационной администрации как «холуев», «подонков», «лакеев», «приспешников» гитлеровцев, подчеркивая их несамостоятельность и маргинальность². Современные исследователи

---

¹ Только по данным ЗШПД до июля 1944 года партизанами было уничтожено около 10 тыс. пособников различного уровня. См.: Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной. С. 124.

² Сабуров А.Н. За линией фронта. (Партизанские записки). Кн. 1. Партизанский край. М., 1953. Гуд Б. Е. Гремит Брянский лес: воспоминания партизана. 2-е изд., испр. Харьков, 1985; За линией фронта. Воспоминания К. Ф. Фирсанова. Тула, 1968.

вопроса отмечают противоречивый характер взаимоотношений коллаборантов с немцами, менявшийся под влиянием колебаний обстановки на фронтах, активизации партизанской борьбы и проводимого оккупантами курса¹.

Глядя на неудачи Красной Армии в начале войны, население на купированных территориях по-разному воспринимало происходившее. Многие проявляли чувство страха и растерянности, меньшинство пыталось сражаться, уйти в подполье. В начале войны у части населения СССР были иллюзии относительно «освободительной миссии» гитлеровских армий. Из числа таких людей выходили те, кто стремился предоставить свои услуги взамен на различные блага. Жительница Мосальского района Смоленской области вспоминала, что молодежь д. Крутицы в абсолютном большинстве участвовала в коллективных гулянках с немцами, девушки пели песни и танцевали².

Первыми, кто заметил такое расслоение деревни, оказались партизаны. Их донесения подчеркивали нездоровую обстановку в сельской местности³, попытки оккупантов ей воспользоваться. Огромные размеры захваченного пространства, нехватка немецких кадров, затяжной характер войны подталкивали гитлеровцев к созданию подотчетных военному командованию коллаборационистских структур, вошедших в историю как органы «русской администрации». Эмигрантский политический активист Казанцев упоминал, что крестьянство прямо говорило: «Уйдут красные, придут немцы, хуже большевиков все равно не будет»⁴. Современник событий Л. Осипова записала в личном дневнике: «Свершилось, пришли немцы! В свободной России мы скоро все наверстаем!»⁵. Порожденные в постсоветские времена мифы о «гуманных»

---

¹ Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе; Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера.

² ГАДНИКО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 182. Л. 18.

³ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 406. Л. 46–47.

⁴ Казанцев А. Третья сила. С. 65.

⁵ «Свершилось. Пришли немцы!» С. 82–83.

немцах – «избавителях от коммунизма» придают исследованию вопроса отношений русских управителей с оккупантами особенно актуальный характер.

Схема взаимодействия оккупантов с «союзниками» из местных была выработана еще до вторжения в СССР. В одной из речей перед нацистскими приспешниками Гитлер заявлял: «Самое большее, на что мы могли бы пойти в отношении их административной организации, будет являться общинное управление, да и оно – лишь в той мере, в какой требуется для сохранения рабочей силы... Любой путь самоуправления, любая демократия ведет к самостоятельности, а это для нас очень опасно»¹. Ему вторил министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс² и статс-секретарь министерства продовольствия Германии Бакке. Последний провозглашал в июне 1941-го: «Поднимайте его <русского> своими спокойными деловыми приказами, твердым решением. Мы хотим сделать русского орудием в наших руках...»³.

Наделяя властными полномочиями своих помощников, немецкая власть старалась не допустить воздействие этой власти на самих немцев. Уже 30 ноября 1941 г. коллаборационная газета «Новый путь» транслировала уведомление оккупационных властей о разграничении власти на местах: «Указания и распоряжения, исходящие от начальника района, всегда бывают согласованы с полевой немецкой комендатурой, и поэтому волостные старшины должны выполнять их безоговорочно, работая совместно, в полном контакте с немецкими властями»⁴. С первых дней оккупации немецким солдатам категорически запретили вмешиваться в дела бургомистра и влиять на его работу. Предписывалось вести любые переговоры только через комендатуру⁵. С другой стороны, немецкие комендатуры полностью отстранились от возложения на себя всех социальных функций в отношении местного

---

¹ Семиряга М. И. Коллаборационизм. С. 76.

² РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.

³ Преступные цели – преступные средства. С. 33.

⁴ Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. С. 518.

⁵ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 3. Д. 2. Л. 4-5.

населения, переложив их на «русскую администрацию» с запрещением бургомистрам и старостам препятствовать любым указаниям немцев¹. К наиболее важным служебным обязанностям чиновников-коллаборантов относилось: повиновение, сохранение служебной тайны, запрещение взяток². В наставлении немецким комендантам предписывалось, что представители «русской администрации» должны хотя бы элементарно знать немецкий язык, выглядеть браво, уметь приветствовать старшего поднятием руки, а также обладать произносимой фамилией³.

Даруя русским администраторам некоторую власть над местным населением, гитлеровцы заранее старались создать определенную вертикаль, позволявшую им полностью руководить всеми созданными структурами и оказывать влияние на всех русских начальников. Практически с самого начала ни старались не допускать коллаборантов в сферы, могущие причинить ущерб германской армии, прежде всего военную и транспортную. В Смоленской области и восточных районах Белоруссии на административно-технические посты железнодорожных ведомств не допускались лица из числа местного населения. Все белорусы и русские, ранее занимавшие эти должности, были переведены на должности стрелочников, путевых обходчиков, а их семьи взяты в заложники. Отныне весь административно-технический персонал на железных дорогах состоял исключительно из немцев, прибывших из Германии. Все оставшиеся русские слесари попали под серьезный контроль немецких начальников⁴. Можно согласиться с мнением Ю. В. Коннова, «что любая структура из местных жителей, будь-то полиция, суд, нотариат в первую

---

¹ Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга I. СПб., 2003. С. 345.

² ГАОО Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

³ Кулик С. В. Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 29.

⁴ Страна в огне. В 3 т. Коренной перелом. 1942–1943. В 2 кн. Кн. 2. С. 293–295.

очередь делали то, что приказывали им их немецкие хозяева»¹. Гражданские же задачи осуществлялись только по мере их возможностей.

В приказном порядке вводилось приветствие немецкого начальства всем населением, в том числе старостами деревень. Мужчинам следовало приветствовать германских офицеров снятием головного убора, а женщинам – поклоном. Нарушение этого порядка влекло за собой серьезные последствия. Так, во время проезда немецкого орсткоменданта через п. Струги Орловской области с ним повстречалась Н. Коркус, жена старосты. Зная немца в лицо, она нарушила указание полевой комендатуры о правилах приветствия, за что была оштрафована на 50 рублей².

Со временем гитлеровцы перешли к практике создания на местах институтов, могущих ограничивать и контролировать местный аппарат³. Русских администраторов проверяли и на предмет превышения ими своих полномочий. Эти функции исполняли как и институты районной полиции⁴, так и особые экономические инспекции. Например, в Локотском округе был сформирован особый планово-экономический отдел, курировавший выполнение экономических задач старостами и старшинами. Уже в середине 1942 года эта инспекция выявила многочисленные нарушения в отчетной документации, завышение цифр и определила многочисленные факты утаивания продуктов для сдачи в фонд округа⁵.

С начала 1942 года, ввиду обнаружения фактов помощи некоторых административных коллаборантов партизанам, гитлеровцы стали еще более активно проверять полицейских и старост. Для серьезной ревизии кадров в зоне действия группы армии «Центр» создается контрразведывательная структура

---

¹ Коннов Ю. В. Система правоохранительных органов в структуре оккупационных властей на Белгородчине в 1941–1943 гг. // Проблемы коренного перелома во Второй мировой войне. Год 1943 / ред. М. Б. Кугина, В. Н. Павлова. Белгород, 2013. С. 71.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1146. Л. 67.

³ Писаренко И. С. Фашистская оккупация г. Калуги и оккупационный режим (октябрь–декабрь 1941 г.) С. 93.

⁴ ГАБО. Ф. Р-2594. Оп. 1. Д. 17. Л. 23.

⁵ ЦДНБО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 36. Л. 30–32.

Абвергруппа 308, действующая при 4-й и 9-й немецких армиях, расквартированная в Смоленской области. В ее задачи, кроме контрразведывательных задач, входило и выявление, и последующая ликвидация противников режима и партизан. Группа наравне с комендатурой могла производить аресты всех неугодных гитлеровскому оккупационному режиму¹. С 1942 года контроль за гражданскими управами Ельнинского, Спас-Деменского, Рославльского, Знаменского районов Смоленской области осуществляла особая команда – ГФП-570², которая включала в себя особый отдел тайных агентов и информаторов из числа местного населения. В специальные функции отдела № 15 входила слежка за полицией и различными административными учреждениями³. Людиновская администрация попала под надзор русской тайной полиции, созданной в 1942 году для борьбы с подпольем и опасными для гитлеровского режима людьми, в том числе из числа местных служащих⁴. Все сотрудники этой полиции подчинялись германской комендатуре. В г. Жиздре Орловской области на ул. Кустарева 11 расположилось гестапо, в окрестном поселке Зикеево – служба СД⁵, в Спас-Деменске – полевая жандармерия. Источники содержат информацию о перемещении в Хвастовичский и Жиздринский районы отдельных восточных батальонов для борьбы с партизанами. Также в Хвастовичском районе для антипартизанских целей была сколочена и так называемая русская народная стража из коллаборационистов Авдеевского сельсовета, сформирован особый

---

¹ Молодова И. Ю. Коллаборационизм на территории Калужской области в годы Великой Отечественной войны: агенты и пропагандисты // Калуга в шести веках: материалы 6-й городской краеведческой конференции (октябрь 2006 г.) Калуга, 2008. С. 91–92.

² Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга I. С. 335.

³ Котов Л. Восточный район в период оккупации // Край Смоленский: научно-популярный журнал. 2015. № 9. С. 41.

⁴ Гладков Т. Звездная агентура. С. 34, 47.

⁵ Книга Памяти. Город Жиздра и Жиздринский район, 1941–1945 / сост. В. Н. Ларин. Жиздра, 2013.

616-й ост-батальон¹. Значительные карательные структуры дислоцировались и в Орловской области².

С 1942 г. облавы и обыски против неблагонадежных стали частым явлением, и горе было тому, кого могли уличить в помощи советскому подполью и партизанам³. 17 апреля 1942 года за активное содействие партизанам был расстрелян староста д. Улемец Жиздринского района⁴. Подобная судьба постигла и старосту д. Ямное Куйбышевского района, жителей которой гитлеровцы заподозрили в помощи советским разведчикам⁵. В январе 1942 года карательными структурами оккупантов была пресечена работа подпольного комитета ст. Фаянсовая, возглавляемого немецким ставленником – бургомистром П. Прокопчиным. Попавший в лапы врага патриот умер, не выдержав пыток, однако так никого и не выдал. Староста Алешкинской волости Митракович был избит немецкими солдатами всего лишь за подозрение в пособничестве партизанам⁶. Старосте села Отрадное повезло куда меньше: за утаивание мешка зерна он был сослан в концлагерь.

Нельзя забывать и о калужских «коллораборационистах», активно помогавших партизанам – старосте Г. Зайцеве и полицейском И. Старикове, которые также были в итоге вычислены нацистскими карательными структурами. Знающий немецкий язык еще со времен пребывания в германском плену во времена Первой мировой войны, обладающий искренними патриотическими чувствами, умением анализировать ситуацию, Зайцев являлся идеальным кандидатом для подпольной работы. Исполняя приказания партизан, ему удалось получить от бургомистра г. Людиново Иванова должность

---

¹ Калужский край в XX веке: исторические очерки / И. Б.Белова, В. Я. Филимонов и др. Калуга, 2014. С. 307; Филимонов В. Я. Человек на войне (к проблеме коллаборационизма в годы войны) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 5. Киров, 2004. С. 110–112.

² Штоппер С., Кукатов А.А. Нелегальный Брянск. С. 96–100.

³ Шалыгин И. Воспоминания об оккупации // Козельск, 1994. № 97. 13 августа.

⁴ Книга Памяти павших в годы Великой отечественной войны 1941–1945. Калужская область. Т. 5. Калуга. 1997. С. 25.

⁵ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 351. Л. 1–5.

⁶ Лесные богатъри. С. 25–27. Война народная. С. 184, 202.

старосты населенного пункта, а также возможность бывать в городе для лечения зубов. Собранные сведения Зайцев передавал в партизанский отряд¹. Понимая, что близок к разоблачению, он принял решение немедленно уйти в лес, где продолжил борьбу в партизанском отряде. Согласно партизанскому донесению, его переход на сторону партизан сопровождался перестрелкой, в ходе которой было убито 26 немцев², хотя известно, оружие сотрудники местной власти могли иметь только при особом разрешении комендатуры и в самых крайних случаях. Это делало любого старосту уязвимым как перед партизанами, так и перед гитлеровцами. Поэтому такая версия выглядит фантастично. С другой стороны, проявив смелость, староста не мог не понимать, что за его пальбу все оставшиеся жители деревни были бы просто уничтожены. Не упомянут в донесении и факт гибели семьи старосты, который не смог обеспечить ей безопасность³.

Гораздо меньше повезло уряднику (старшему полицейскому) Гнездиловской волостной полиции (ныне – Калужская область) И. Старикову, долгое время скрывавшему от немцев информацию о существовании на подведомственной территории подпольного советского госпиталя. Немцы удалось раскрыли существование госпиталя, и патриот был расстрелян⁴, хотя раненых в последний момент удалось переправить к партизанам. Можно согласиться с краеведом А. А. Бауэром в том, что «если оккупация ряда районов продлилась бы дольше, многие подпольные патриотические мероприятия были бы сведены на «нет», а крови пролилось гораздо больше»⁵.

Несколько иная ситуация вырисовывалась в Локотском округе. Получая информацию о засилье старост и бургомистров, превышения ими должностных

---

¹ Гладков Т. Указ. соч. С. 42, 78, 147.

² ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 291. Л. 77.

³ Гладков Т. Указ соч. С. 147.

⁴ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп.1. Д. 486. Л. 6.

⁵ Бауэр А.А. Кировский подпольный госпиталь // Калужская застава-3. Историко-краеведческий альманах. Калуга, 2005. С. 200–207.

полномочий, с конца 1942 года обербургомистр округа Каминский распорядился образовать институт ревизоров для проверки отдельных служащих аппарата «самоуправления». Все кандидаты на должность старосты или старшины перед назначением проверялись. В случае проступков окончательное решение по делам обвиняемых сотрудников выносилось под личным контролем Каминского¹.

Сложными были отношения гражданского руководства с местной полицией. Полицейский аппарат волости содержался за счет средств из волости и обеспечивал охрану управы, а также осуществлял сопровождение хозяйственных команд². Как утверждала коллаборационная пресса, полиция отлично взаимодействовала со старшиной по организации безопасности. На деле полиция, подчиняясь комендатуре или районному управлению, нередко конфликтовала с управой. Документы содержат значительное количество жалоб в управу от граждан и волостных старшин на полицейских, которые занимались изъятием лошадей, грабежом общего и личного имущества, однако к ответственности своим начальством привлекалось не всегда³. К тому же были отмечены случаи вмешательства сотрудников полиции в дела гражданской администрации⁴. Дело порой доходило и до драк полицейских с бургомистрами⁵. Такие проблемы обычно разрешались совместным вмешательством районного старшины и начальника районной полиции, но иногда они привлекали и внимание самих немцев. Такой конфликт случился в пригородном уезде г. Орла, где волостной старшина потребовал у захавшего к нему полицейского предъявить документы, на что получил отказ, приведший к потасовке. Позднее выяснилось, что высокомерный полицай был попросту

---

¹ Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. С. 491.

² ГАСО. Ф. Р-2618. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

³ ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 15. Л. 312; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1141. Л. 82.

⁴ ГАОО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1141. Л. 82.

пьян. Полицейского приговорили к штрафу и исправительным работам¹. Конфликт между волостным старшиной Колпитской волости Медведевым и местным полицейским, закончившийся смертью последнего. Ограниченность источников не позволило нам воссоздать полную картину этого происшествия. Старшину как виновника конфликта по решению германской комендатуры приговорили к смертной казни². В другом случае командиру 13-го батальона русской народной армии, дислоцировавшемуся в районе г. Почепа Орловской области, потребовалось издать приказ за №26 от 16 марта 1943 г., в котором он запрещал своим подчиненным под страхом наказания вмешиваться в дела гражданских органов, отмечая, что такие случаи с участием бойцов подразделения случались неоднократно³.

На уровне районных центров наблюдать за коллаборантами было куда проще ввиду присутствия германских полевых комендатур. Что же касается нижнего звена «русской администрации», то на первых порах деятельность старост формально никак не контролировалась. Многие пользовались ею, помогая партизанам и окруженцам. Те же, кто вел пронемецкую линию, нередко уничтожался подпольщиками, которым не представляло труда ликвидировать невооруженного пособника. Б. Н. Ковалев считает, что староста давал подписку об исполнении всех распоряжений немцев и находился под их негласным наблюдением⁴. На наш же взгляд, особый контроль установился не с началом оккупации, а гораздо позднее, с развертыванием партизанского движения и обнаружением многочисленных фактов неблагонадежности деревенских старшин. Надзор усиливался как и со стороны волостной полиции, так и полевой жандармерии.

---

¹ ГАОО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

² ГАСО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1104. Л. 34.

⁴ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России. С. 38.

Примерно с весны 1942 года каждый месяц представитель сельской общины обязан был отчитываться перед начальником волостного полицейского управления о положении дел в деревне. Партизанам Калининской области удалось переправить в УНКВД захваченные при разгроме полицейской управы многочисленные опросники старост, адресованные в полицейский отдел района, о положении в общинах. По дальнейшим сведениям, этот отчет шел на стол начальнику охраны района, а впоследствии – шефу германской полиции безопасности. Данная процедура осуществлялась по инициативе германских властей с целью выявления настроений жителей оккупированных районов. Полицейских особо интересовали вопросы об экономическом состоянии населенного пункта, лояльности граждан, количестве убывших и прибывших, а также оценка работы комендатуры и волостного начальства. По поводу наличия партизан старосты старались отвечать неопределенно: «Не знаю», «не видел». Но практически все, как один, упоминали о тяжелом положении населения и своей лояльности русскому начальству и немецкой комендатуре¹.

Опасность попасть в список подозрительных и быть выданным оккупантам могла также исходить и со стороны отдельных жителей деревень, симпатизирующих немцам. Партизаны в донесениях и позднейших воспоминаниях нередко указывали случаи разоблачения партизанских старост предателями именно из числа местного населения. 12-летний свидетель оккупации П. Антонов, будучи в преклонном возрасте, вспоминал: «Стоило доносчику указать любому немцу, даже случайно зашедшему в дом, где живет партизан, и этот человек, а иногда и вся семья была обречена. Люди тогда говорили, что были страшные времена, но не было времен подлей...»². Другой очевидец В. Прохоренко также с горечью отзывался о том времени: «Всячески

---

¹ ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 11–198.

² Антонов П. Территория временной оккупации // Бетлицкий вестник. 2003. № 67. 20 августа

поощрялись доносы, которые писали люди, недовольные чем-либо. Доносов в деревне было много...»¹.

Гитлеровцы старались всячески стравить местное население, разобщить его, обещая за выдачу партизан, коммунистов или военнопленных приличное денежное вознаграждение². Во многих случаях с целью защиты осведомителей от партизанской мести в инструкциях оговаривалось, что оплату доносчикам целесообразно держать в строгой тайне³.

Свою специфику взаимоотношения административных коллаборантов с оккупантами имели в образованных немцами на оккупированных территориях Запада РСФСР отдельных псевдогосударственных субъектах. Речь идет, прежде всего, о Локотской республике⁴. И. Г. Ермолов выделил отличительные признаки этого образования, к которым отнес: отсутствие германского руководства в военном, политическом и хозяйственном плане; самостоятельность органов «самоуправления» в решении ряда военных и хозяйственных вопросов жизни данных территорий; наличие собственной судебной системы, осуществлявшей судопроизводство по всем категориям дел, вне зависимости от тяжести преступления; направленность экономики в основном на удовлетворение нужд населения региона, наличие собственной финансовой системы, не подконтрольной германским властям⁵.

Несмотря на наличие в историографии мнения о существенной автономии Локотской республики⁶, все же назвать её полностью автономной мы не можем. Передав Каминскому значительную полноту власти, гитлеровцы не устранились полностью от управления этой территорией. Сами локотчане называли свое

---

¹ Прохоренков В. Воспоминания об оккупации // Бетлицкий вестник. 2003. № 9. 29 января.

² Шалыгин С. Черные дни оккупации // Родной край (Хвастовичи) 1997. № 67.

³ Шанцева Е. Н. Психологическая «обработка» населения оккупированной территории Брянщины в период с 1941 по 1943 годы // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 56.

⁴ Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. С. 171–195.

⁵ Там же. С. 197.

⁶ Munoz A. Hitler Easter Legions. Vol. II. The Osttruppen. New York, 1997. Деревянко Е. В. История Локотского самоуправления в документах Государственного архива Брянской области: опыт систематизации и изучения/

образование «Народное русское государство». В Локте работали предприятия, функционировали базар, театры, имелись свои военизированные структуры, обеспечивающие порядок, разрабатывался проект «национального» гимна¹. С другой стороны, как и граждане других оккупированных областей, локотчане обязаны были сдавать немцам натуральные поставки, содержать в порядке германские могилы и обеспечивать защиту своей территории от партизан². При Каминском имелся штаб немецкого майора Фельдгайма, который занимался координацией и консультацией действий локотского руководства. Также он обеспечивал взаимодействие между командованием РОНА и командирами немецких соединений для совместной борьбы против партизан³.

26 апреля 1942 года на стол командующему 2-й танковой армии лег доклад капитана вермахта, в котором описывалась личность Б. Каминского и его политические воззрения. Особое внимание уделялось целесообразности создания самоуправляющейся единицы. В докладе также отмечалось, что помимо антипартизанской борьбы влияние Каминского можно использовать в пропагандистских целях, а ему самому оставить лишь полномочия исполнителя⁴. В докладной записке в Берлин от 8 января 1943 года начальник отдела пропаганды при 2-й танковой армии Ф. Шмидт-Деккер характеризовал Каминского как человека, не имеющего политических амбиций. В документе подчеркивалось, что контроль над тамошним настроением находится в немецких руках⁵.

Несколько иная картина по поводу Локотского самоуправления вырисовывалась в докладе главного командования войск группы армий «Центр»

Новые исторические перспективы, № 1(1) 2015. С. 55. Веревкин С. И. Самая запретная книга о Второй Мировой. Была ли альтернатива Сталину? М., 2011.

¹ ГАБО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 36. Л. 9, 18, 23.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1147. Л. 107, 115, 131, 138. Д. 1144. Л. 119, 251; ГАБО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 36. Л. 7, 32, 42.

³ Штоппер С., Кукатов А.А. Нелегальный Брянск. С. 100–101.

⁴ Дюков А. Р. «Die Aktion Kaminskiy»: Локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА // Мифы Великой Отечественной. М., 2008. С. 177.

⁵ Под немцами. С. 484.

от 1943 года о самоуправляющемся округе Локоть, в котором указывалось, что Каминский старается охранять свои права, а общение с ним часто требует такта. И, наконец, старший советник военной администрации Гюнтцель в мае 1943 года в своей докладной записке излагал личное мнение о Локотском самоуправлении, утверждая, что недопустимо, чтобы каждый, ставший руководителем округа, проводил собственную политику. Если в округе будет и дальше развиваться собственная администрация, то к его руководителю необходимо сразу же прикомандировать немецких чиновников, которые будут его контролировать. По его мнению, не стоило предоставлять свободу руководителю администрации округа в вопросах полиции, юстиции, финансов, так как его решения могли противоречить политике оккупационных властей.

Утверждалась необходимость права вето немецких чиновников на приказы «русских администраторов». «Самоуправление» считалось полезным лишь в том случае, если бы его русские служащие являлись безупречно порядочными личностями, выполняющими свои обязанности беспристрастно и бескорыстно. Поэтому к руководителю администрации «самоуправляющегося округа» следовало предъявлять повышенные требования в сфере кадровой политики. Принципиальной чертой администрации «самоуправляющегося округа» не должны были быть такие сильные вооруженные отряды, как у руководителя Локтя¹.

Нельзя забывать, что на территории округа были расквартированы много немецких, венгерских частей, боровшихся с партизанами, а также аппарат СД. Поэтому нередкими были конфликты локотчан и немцев. В марте 1943 года имело место локальное столкновение между каминцами и немецкими солдатами, переросшее в небольшую перестрелку. Об одной из них упоминается в отчете Брасовского райкома ВКП(б) от 1 марта 1943 г.: когда над поселком Локоть появился советский самолет и сбросил листовки, полицейские

---

¹ Под немцами. С. 498–499.

стали их собирать. Германские солдаты открыли по полицейским ружейно-пулеметный огонь. Полицейские в ответ открыли огонь по немцам¹.

Однако «Локотское управление» имело больше самостоятельности, чем «органы самоуправления» других оккупированных областей. Немцы готовы были терпеть такую «автономию» при эффективности исполнения ей своих задач. Но, тем не менее, несмотря на тезисы некоторых исследователей², статус и перспективы Локтя в случае успешного для Германии развития войны представляются весьма и весьма туманными. Дело в том, что на официальных армейских картах немцев Локотской республики не было. На картах сентября 1942 г. отображалось лишь два административных образования – рейхскомиссариаты Украина и Остланд. Все остальное находилось под контролем военного командования. Юридически вся «автономия» держалась только на покровительстве руководства группы армии «Центр» и существовала до тех пор, пока была нужна немцам³.

Сами же каминцы считали свое образование «государством» и верили в лучшую судьбу. Сотрудник гражданского аппарата Локотского округа Мосин писал: «Немецкие власти всячески поощряли проводимую нами работу в их пользу. Нам это льстило, и мы стремились к еще большей борьбе против советского государства. Желание выслужиться перед немцами толкало нас к различным изощренным методам, лишь бы это шло в угоду немцам...»⁴.

Примером этого служит факт разгрома в начале 1943 года республики Россоно. В 1942 году её организовали бывшие эсеры латыш Либих, русский Грязнов и анархист Мартыновский как «независимое» от большевиков и оккупантов образование. Д. Каров вспоминал, что идеология Либиха-Грязнова

---

¹ Дробязко С. И. Локотский автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Сборник статей, документов и воспоминаний / под общ. ред. А. В. Огорокова. М., 1998. Вып. 2. С. 168–216.

² Веревкин С. И. Самая запретная книга о Второй Мировой.

³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 823. Л. 171.

⁴ Христофоров В. С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа. С. 186.

составляла «мешанину из социализма, русского национализма и ветхого утопизма». Оба они надеялись, что Гитлер и Сталин измотают друг друга в кровопролитной войне и рано или поздно оба придут к мнению, что оккупированным территориям надо будет дать самоуправление. В ходе операции было уничтожено 15 000 местных жителей, 2 000 было угнано на работы в Германию, более 1 000 детей было помещено в Саласпилский лагерь смерти в Латвии. Было разграблено и сожжено 158 населенных пунктов¹.

Согласно германским инструкциям, бургомистр или старшина получали от оккупантов право налагать взыскания на население, но только не на солдат германской армии. При возникновении подобных казусов требовалось немедленное оповестить комендатуру². Как было упомянуто ранее, любая коллаборантская структура не имела власти в отношении гитлеровцев, занимаясь только гражданскими и судебными функциями, однако на практике единичные случаи прямого конфликта все же имели место.

Летом 1943 г. на территории самоуправляющегося Локотского округа произошел уникальный для оккупированной территории случай – полицией порядка особого Локотского округа были арестованы двое немецких военнослужащих – зондерфюрер и унтер-офицер – за ограбление мельницы и убийство мельника. Их захватили на месте преступления сами локотчане. Преступники были приговорены к расстрелу, и целых два дня в Локоть шел поток телеграмм, курьеров, разрывались телефоны и телеграф. Осужденных немцев расстреляли в Локте на центральной площади города, куда съехалось более десяти тысяч человек. Приехавшей в Локоть на следующий день немецкой расстрельной команде во главе с немецким офицером работы уже не осталось³.

---

¹ Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. С. 196–197.

² ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 15. Л. 220.

³ Веревкин С. И. Самая запретная книга о Второй Мировой. С. 162–163.

Также отмечались случаи ареста каминцами немецких и венгерских военнослужащих с последующей передачей тех сотрудникам полевой жандармерии. Можно согласиться с мнением И. В. Грибкова, что подобные случаи были связаны не с особым привилегированным отношением немцев к каминцам, а с переменной политики гитлеровцев в 1943 году, осознанием ими полезности Локотского участка в борьбе с партизанами и нормализации, с гитлеровской точки зрения, обстановки в регионе¹.

В других местностях подобное своеволие в отношении немцев коллаборанты себе позволить не могли. Имеются многочисленные докладные волостных старшин, в которых русские чиновники аппарата жаловались в местную комендатуру на бесчинства солдат вермахта и СС. Жалобы касались изъятия немцами скота, провианта, проведения внеочередной мобилизации населения, беспричинных избиений и ареста граждан². Так, на просьбу сельскохозяйственного управления сдать десять лошадей для германской армии старшина Пригородной волости Орловской области заявил, что лошадей сдать не может – они разобраны проходящими германскими солдатами и районным начальством³. Имелись и вовсе курьезные случаи. В одной из волостей расквартированная немецкая часть заняла все лучшие постройки, выгнав местную администрацию на улицу. Волостному старшине пришлось три раза просить полевого коменданта решить эту проблему⁴. В итоге «русскому самоуправлению» выделили другое здание. Газета «Партизанская правда» описывала и такой случай: «Немецкий офицер одного из расположенного в деревне подразделения полностью взял контроль в свои руки, проигнорировав власть старосты, заставив всех жителей работать за еду...»⁵. В таких ситуациях администрации приходилось только оформлять свои претензии и адресовать их

---

¹ Грибков И. В. Хозяин брянских лесов: Бронислав Каминский. С. 123.

² ГАКО. Ф. Р-998. Оп. 1 Д. 3. Л. 1; ГАОО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 1. Л. 33, 81, 113.

³ ГАОО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 47.

⁵ Партизанская правда, 1942. 16 июня.

коменданту¹. Как показала дальнейшая практика, подобные ходатайства немцами рассматривались долго и не удовлетворялись.

Поскольку немецкая власть в зоне оккупации осуществлялась через приказы полевого и сельскохозяйственных комендантов, то и сама система наказания имела некоторые отличительные особенности. Как правило, если приказание не исполнялось или задерживалось по экономической линии, то нарушителей ждали штрафные санкции. В худшем случае виновники могли быть арестованы, отправлены в лагеря или даже уничтожены². На протяжении оккупации через немецкого коменданта и начальников сельскохозяйственных отделов на места постоянно шли указания выполнять требования под угрозой строгой ответственности, сводившиеся к ограблению местного населения в различных формах: предоставлению подвод, картофеля, сена, починке мостов и дорог, обеспечению постоя немецких солдат³. В приказе № 105 коменданта сельскохозяйственного штаба Орловского уезда старшине Пригородной волости указывалось, что работники волостей, колхозов, которые не выполняют распоряжения сельскохозяйственных штабов, будут передаваться в военную комендатуру, рассматриваться как дезертиры, саботажники и подлежат немедленному расстрелу⁴. Санкции за невыполнение инструкций военных комендантов были значительно жестче, нежели требований начальников районов, и быстро приводились в исполнение. Староста одной из деревень Орловщины за невыполнение плана дровозаготовок для германского командования получил от своего руководства последнюю возможность исправить положение в несколько отведенных ему дней⁵. В другой ситуации начальник сельскохозяйственного отдела района Лавров постоянно напоминал волостным старшинам «об их персональной ответственности» за некачественно

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

² ГАСО. Ф. Р-2574. Оп.1. Д. 2. Л. 12, 13–193.

³ Там же. Л. 18.

⁴ ГАОО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

⁵ ГАОО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

проделанную работу, ссылаясь на указания немцев и запугивая последствиями со стороны комендатуры по «законам военного времени». Он же запрещал отпускать запасы ржи на местах без указания коменданта сельскохозяйственного отдела¹. В приказе № 34 этот же чиновник даже отстранил от должности старшину волости за несдачу нужного количества кур в фонд снабжения вермахта, а другому старшине был объявлен выговор за невыполнение плана поставок². Имели место и более серьезные последствия: сельскохозяйственный отдел Ельнинской управы аннулировал решение начальника волости по передаче украденной лошади жителю волости с формулировкой «любое перемещение скота может быть только с утверждением господина сельскохозяйственного коменданта-немца». На документе помимо росписи русским почерком красовалась и немецкая печать с имперским орлом и свастикой³. Сельскохозяйственная комендатура Семлевского района применила и более суровые меры в отношении деревни, повторно не сдавшей молоко, в виде изъятия коров у жителей, что было очень тяжелым наказанием. Сам же староста населенного пункта отделался выговором и угрозой при повторении подобного случая быть сосланным в лагерь⁴. Иногда старосту снимали и переизбирали. Так, собранием общества «Новый путь» села Пески (Орловская область) был переизбран староста, бравший взятки и не выдававший положенный за выполненные работы хлеб⁵.

Более суровыми являлись наказания полевого коменданта за действия граждан, наносящих прямой ущерб германской армии. Свидетели оккупации вспоминали, что в таких случаях немцами могли быть применены меры

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2646. Оп.1. Д. 1. Л. 21–25.

² ГАСО. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 1. Л. 161.

³ ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 4. Л. 143.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

⁵ Ермолов И. Г. Сельские старосты как низшее звено в системе административного управления на оккупированных территориях РСФСР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». Вып. № 4–5. 2010. С. 82.

физического воздействия даже к старшинам волостей¹. Такой случай произошел со старшиной с. Мужитино Жиздринского района, который за саботаж указаний коменданта был сначала подвергнут штрафу, а позднее сослан в брянский лагерь². В крайних случаях виновники могли быть казнены без разбирательств.

Особо строго карали чиновников-коллаборантов за содействие партизанам. Как известно, на старост и старшин, помимо организаторских функций, распространялись и задачи по содействию гитлеровским органам безопасности в борьбе с «бандами». В одном из приказов немцев в отношении старост и бургомистров упоминалось, что каждый из них несет полную ответственность за безопасность в своем округе, в особенности – за охрану дорог. В случае инцидентов на дорогах гитлеровцы грозили расстрелять больше лиц из числа гражданских, нежели пострадало немецких солдат. При покушении на безопасность дорог, мостов расстрелу подлежало не менее 3-х чел. из числа населения. Жителям, дававшим приют чужакам без разрешения бургомистра, грозило повешение³.

Свои угрозы немцы начали осуществлять с самого начала оккупации. За связь с партизанами ими был расстрелян староста д. Гришино Калпитской волости с семьей, населенный пункт подвергся сожжению, а население выселению в другую волость⁴. Староста д. Красная заря Поляков и его писарь Журавлев поддерживали связь с партизанами. После доноса на них вся деревня была арестована, население избивали палками, а старосту и писаря с семьями расстреляли⁵. В одной из деревень Орловской области погибли двое немецких военнослужащих. Староста к этому был непричастен, напротив, был настроен резко антисоветски, свои обязанности исполнял с усердием. Тем не менее, немцы, собрав всех жителей, устроили показательную расправу над семьей

---

¹ Антонов П. Территория временной оккупации // Бетлицкий вестник, 2003. 3 сентября.

² Калужский край в XX веке. С. 303.

³ ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 15. Л. 29.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 406. Л. 206.

старосты. Одну из дочерей старосты по приказу офицера публично обнажили, затем отрезали ей груди, после чего семья старосты и он сам были расстреляны¹.

Без разрешения комендатуры должностным лицам запрещалось хранение оружия. Глава Семлевского района предупреждал старшину Юшковской волости о строгих последствиях за это и информировал его, что карательным отрядом расстрелян староста Ефремов за хранение оружия без разрешения тайной полевой полиции². Это требование должно было соблюдаться и в самоуправляющемся Локотском округе, где местным администраторам, как и везде, запрещалось хранить оружие³.

В задачи старост и старшин также входило участие в осуществлении преступной политики оккупантов. Приказ сельскохозяйственного коменданта через Троснянское полицейское управление обязывал старшин и старост направить всех евреев и цыган, живущих на подконтрольной территории, в комендатуру или полицейское управление, а в дальнейшем выявлять лиц еврейской или цыганской наружности, проходящих по подконтрольной им территории, немедленно докладывая о них в полицию⁴. Под страхом ответственности военный комендант Кэстнер приказывал старшине Новоруднянской волости Стодолиценского района в срочном порядке набрать людей 1926 г. рождения для отбытия трудовой повинности в Германии. Данные указания должны выполняться беспрекословно под угрозой сурового наказания для семьи пособника и его самого⁵.

Полная беспомощность коллаборационного административного аппарата в отношении немцев намного сильнее проявлялась в тех моментах, когда речь шла о жизни людей. Немецкие власти часто прибегали к репрессиям и грабежам,

---

¹ Ермолов И. Г. Сельские старосты... С. 82.

² ГАСО. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 1. Л. 193.

³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1147. Л. 131.

⁴ ГАОО Ф. Р-2436. Оп. 1. Д. 1. Л. 198.

⁵ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 12. Л. 453.

и у населения зачастую не было никакой возможности защититься от этого, кроме как обратиться за защитой к старосте или старшине. В одном эпизоде за убийство двух немецких мотоциклистов немцы уничтожили 18 заложников из 25, остальных 7 удалось спасти волостному старшине. Поскольку эффект устрашения был достигнут, немцы позволили ему их забрать¹.

В некоторых случаях репрессии могли коснуться и начальствующего состава управ. С середины 1942-го – 1943 гг. гитлеровцы начинают проверять управляющих среднего звена. Так, по воспоминаниям С. Т. Фомкина, в ходе такой проверки немцы по подозрению в работе на партизан расстреляли русского переводчика комендатуры, а ряд начальников районной управы Спас-Деменска сместили с должностей². С. В. Кулик привел примеры расстрела карательным отрядом гитлеровцев семи служащих Демянской городской управы по подозрению в связях с партизанами³. Однако сведения о других немецких расправах над служащими районных управ в источниках и в литературе почти не встречаются.

Помимо политики «кнута» использовался и метод «пряника». Любому сотруднику аппарата выплачивалась зарплата, выдавался паек, он освобождался от налогов. В ряде волостей Смоленской области при изъятии провианта немцы обходили дома коллаборантов, вешая табличку «обыск не проводить»⁴. Особо ярых сторонников новой власти награждали лучшими земельными участками, скотом, поездкой в Германию. Зачастую это делалось ради пропагандистского эффекта. Так, полицаи и старосты «терзаемого партизанами» Жиздринского района Орловской области получили от немцев в качестве поощрения от 1 до 2 га земли в то время, как остальная масса жителей довольствовалась участками от 0,25 до 0,75 га. Подобная практика раскалывала сельское общество, но

---

¹ ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 411. Л. 1–5.

² Фомкин С. Т. Связь поколений // Новая жизнь (Спас-Деменск). 2005. 12 января.

³ Кулик С. В. Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 31.

⁴ ГАДНИКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 217. Л. 1.

облегчала гитлеровцам задачу управления им¹. Староста Черных из д. Дубровка Должанского района Орловской области за рвение в выполнении своих обязанностей получил от немцев корову². Некто агроном-техник МТС Васильев получил от немцев отдельный хутор, скот и весь инвентарь. Так как хозяйство было объявлено образцовым, он же был поощрен поездкой в Германию³. Как правило, группы русских коллаборационистов отправляли в Берлин, Лейпциг, Мюнхен, Штутгарт и некоторые другие города рейха. «Экскурсантам» показывали культурные достопримечательности, промышленные, сельскохозяйственные предприятия, лагеря для военнопленных и перемещенных лиц, рассказывали о национал-социалистической партии, после чего они выступали перед аудиторией. Так, с целью «сбора средств для нуждающихся жителей г. Смоленска» в ноябре 1942 г. был устроен «Вечер воспоминаний лиц, побывавших в Германии». Цена на билеты, которые одновременно могли служить в качестве пропуска для хождения по городу, составила 10 руб. Побывавшие в Германии лица, делились своими восторженными впечатлениями и на страницах печатных изданий. Обычно это были брошюры, предназначенные для местных библиотек⁴.

За выдачу партизан комендатура премировала зерном, сахаром, скотом, в некоторых районах освобождала от налогов сроком на 7 лет. В мае 1943 г. немцы провели массовую раздачу лошадей своим наиболее активным прислужникам⁵. За досрочное выполнение поставок для немцев лучшим деревням выдали 80 плугов и до 3000 кос⁶. Необходимо отметить, что в большинстве случаев подобные решения имели исключительно пропагандистский расчет. Этими мерами гитлеровцы пытались расколоть

---

¹ Книга Памяти. Город Жиздра и Жиздринский район 1941–1945. С. 76.

² ГАОО. Ф. 651. Оп. 1. Д. 200. Л. 92.

³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 350. Л. 3.

⁴ Молодова И. Ю. Нацистская пропаганда и агитация на оккупированной территории западных областей РСФСР. С. 81

⁵ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 159. Л. 62–63.

⁶ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 350. Л. 3.

общество, переманив на свою сторону часть населения, ослабить партизанское движение.

К 1943 г., в связи с неудачами вермахта на фронтах политика поощрений усиливается. В коллаборационной прессе упоминалось о награждении отдельных сотрудников территориальной администрации медалями «За заслуги» для восточных народов в бронзе 2-й степени, обеспечивающие надбавку к зарплате в сумме нескольких марок. Медали выдавались мировым судьям, начальникам районов, старостам, старшинам и даже писарям. Лица, проявившие храбрость в борьбе с партизанами, награждались медалями «За заслуги» с мечами¹. Большая часть поощрений коллаборантам выдавалась за счет накоплений из местных районных фондов, сбора налогов с населения, поэтому сами гитлеровцы расходовались.

Можно согласиться с Б. Н. Ковалевым в том, что во многих районах работа управ не устраивала оккупантов. К наиболее болезненным вопросам относились халатность и медлительность работников при исполнении своих обязанностей, коррупция, отсутствие у сотрудников решимости в проведении непопулярных мер². Были случаи, когда представители управ опаздывали на работу или даже прогуливали ее³. И. Ю. Молодова упоминает о случаях неряшливого вида сотрудников одной из волостных управ⁴.

При обнаружении подобных явлений к делу подключались аппарат городской управы, районной полиции и даже комендатура⁵. Так, староста д. Чемуты Литенков был задержан районной полицией за самовластие: незаконный сбор налогов, укрывательство зерна для личного пользования. Староста был задержан и по согласованию с комендатурой отправлен под арест

---

¹ Речь (Орел). 1943, 12 мая, 4 июня.

² Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России. С. 139.

³ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁴ Молодова И. Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население. С. 194.

⁵ ГАБО. Ф. Р-2594. Оп. 1. Д. 17. Л. 23.

на три месяца. В другом документе комендант Смоленского округа в мае 1943 года описывал свое недовольство положением на территории и в приказном порядке требовал прекратить подобные своеволия: «Установлено, что отдельные начальники районов без достаточного основания и сознания ответственности налагают на население штрафы и другие наказания, этим они напоминают народу действия ненавистных ему заправил советского режима. Всякое дисциплинарное наказание должно носить воспитательный характер... Часто люди штрафуются по непроверенным данным, после наказания отменяется. Некоторые руководители путем наложения несуществующих за особое преступление штрафов пытаются поправить финансовое состояние своего управления. Бывает и так, что штрафы за разные преступления налагаются по-разному, в зависимости от настроения...»¹.

Таким образом, несмотря на относительно успешное функционирование, аппарат «русской администрации» с самого начала был поставлен гитлеровцами в жесткие рамки, что стимулировало у многих его сотрудников рост антинемецких настроений. Усугублялось положение и отсутствием финансовой поддержки со стороны оккупантов, что приводило к снижению эффективности работы системы, а также к срыву экономических планов гитлеровцев. От немцев отворачивались даже те, кому они позволяли носить оружие. В феврале 1943 г. начальник Смоленского земельного управления обвинял служащих управ Кардымовского и Монастырщинского районов в открытом саботаже мероприятий по изъятию сельхозпродуктов². В отчете руководства немецкими охранными войсками августа 1943 года прямо говорилось, что служащие там люди в данное время просто ненадежны³.

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1 Д. 12. Л. 59.

² Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». С. 132.

³ Цветков А. В. Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы великой Отечественной войны. Очерки по истории. Тверь, 2012. С. 24.

В самом конце оккупации немцы пытались в полной мере разыграть карту нелюбви деревни к колхозному строю, провести заключительную часть земельной реформы, превратив крестьян в собственников. Не помогло и массовое понижение налогов до уровня 60% от плана поставок в некоторых волостях Калининской области¹. По волостям Спас-Деменского района Смоленской области в 1943 году поставки ржи снизили до 30%². Но разоренная и озлобленная деревня не оценила эти преобразования.

В последние месяцы своего господства гитлеровцы перешли к тотальному грабежу и репрессиям, ущемляя в правах даже своих помощников. В 1943 г. командир корпуса охранных войск группы армий «Центр» издал приказ: «Следует в особенности сделать ударение на то, чтобы запасы фуража и картофеля изъять из сельской местности без остатка»³. Стремясь забрать как можно больше хлеба, немцы сняли с довольствия население районных центров, оставив только по 200 г. полицейским и служащим управ. Последние пытались просить немецкие власти увеличить паек, но получили циничный ответ: «Возьмите у партизан»⁴. Если в 1942 г. в ряде районов Калининской области были полностью освобождены от налогов семьи полицейских и начальников участков, то уже в 1943 г. они были всего лишь переведены на льготные условия⁵. Старшина д. Дворище запросил помощи лошадьми из гарнизона, так как свой скот был ранее изъят, на что немцы ему отказали, сославшись на опасность партизанского наступления⁶. С начала 1943 года оккупанты активнее проводили чистку административных коллаборантов, смещая с постов неблагонадежных от старшин до сотрудников районных управ. Некоторые помощники в ходе таких чисток поплатились жизнью⁷.

---

¹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 663. Л. 109.

² ГАКО. Ф. Р-996. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Подвиги народных мстителей документы и материалы / под ред. В.А. Туркина и А.В. Егорова. М, 1966. С. 47.

⁴ Там же. С. 263.

⁵ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 349. Л. 234.

⁶ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 635. Л. 109.

⁷ Фомкин С. Т. Связь поколений // Новая жизнь (Спас-Деменск). 2005. 12 января.

Коллаборационный административный аппарат, несомненно, являлся проводником оккупационной политики нацистов. В ходе её выполнения немецкие власти старались держаться обособленно от своих помощников. Наивным было бы считать отношения немцев с «русской администрацией» равноправными. Естественно, что паритета между победителем и подчиненным достигнуто не было, а отношения оккупантов и коллаборантов на всем протяжении были натянутыми. Неравноправие проявлялось в вопросах судопроизводства, распределения местных ресурсов, на уровне морально-этических норм. Любой немец от солдата до коменданта имел в отношении населения полную свободу действий и мог поступить так, как ему захочется. С каждым прожитым днем под пятой врага осознание этих вещей лишь усиливалось. Ведь не случаен тот факт, что в начале оккупации значительная часть населения видела в немцах меньшее зло по сравнению с представителями советской власти, даже питало некоторые иллюзии относительно улучшения своей жизни. К концу же её слово «немец» стало вызывать лишь ненависть и разочарование, в том числе и у многих из тех, кто им служил.

2.3. Взаимоотношения с населением

По мнению немецкого историка К. Г. Пфедфера, «немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала немецким войскам». М. И. Семиряга также считал, что ограниченные возможности Германии подталкивали ее поиску содействия со стороны местного населения¹. В коллаборационистских средствах массовой информации объявлялось, что целью создания «органов русской

---

¹ Пфедфер К. Г. Немцы и другие народы во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 493–516; Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 5.

администрации» являлось выработка порядка регулярного снабжения населения продуктами питания, топливом, упорядочивание судебной и административной власти, работы школ, больниц»¹. В реальности немецкие офицеры и чиновники ориентировали своих «помощников», в первую очередь, на активное содействие в сборе продовольствия для германской армии, а также на борьбу с партизанами и саботажем местных жителей, обещая любую поддержку со своей стороны².

Исполняя возложенные гитлеровцами задачи, административный аппарат просто не мог не взаимодействовать с местным населением. В глазах масс пропагандистская машина Германии выставляла «русских администраторов» людьми, обладающими серьезными властными полномочиями, способных изменить жизнь людей на подконтрольной немцам территории. После падения советской власти и присутствия поблизости новой «дружественной» немецкой власти» критиковать подобные утверждения было нельзя. А. Кузнецов таким образом описывал психологию человека, впервые столкнувшегося с деятельностью новых управленцев из представителей «русской администрации»: «Входить в управу было жутковато. Управа – это место, где решается всё: человеческая жизнь, еда, работа, смерть. Немцев нет, за столами сидят фольксдойче или «щирые» дядьки в вышитых сорочках, с усами. Этых не обдуришь, как немцев, эти свой народ знают. И всегда они находятся при деле: у большевиков помогали делать колхозы, да раскулачивать, да доносить. Первая опора власти, эти самые «плоть от плоти» своего народа, что знают, кто, чем поужинал, кто, где в яме картошку зарыл. А сельсоветы из кого состояли, а все эти райисполкомы, горисполкомы, профсоюзы, суды? Теперь, гляди, опять такие же точно, опять они! Сидят, пишут повестки, составляют списки, подшивают дела и расхаживает плотная, энергичная женщина с мужскими хватками, одетая в строгий серый жакет и серую юбку, с холодным взглядом и

---

¹ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России. С. 117.

² Там же. С. 128.

безапелляционным голосом: «Если вы не хотите работать, мы можем передать вас в гестапо... В случае невыполнения вами займется гестапо...»¹. Очевидец оккупации И. Шалыгин отмечал, что, оглушенные резкой переменой власти люди, на первых порах психологически не могли придти в себя. Выработанная с советских времен привычка к подчинению, показала себя и в оккупационный период². Скованная страхом и неопределенностью, большая часть населения первоначально заняла выжидательную позицию, восприняв как должное создание новых органов власти на местах.

Некоторые крестьяне в своих воспоминаниях отмечали, что особенно в начале оккупации желающих послужить немцам имелось предостаточное количество и эпизодов активного саботажа первых указаний оккупантов со стороны населения практически не наблюдалось³. С. А. Никифоров таким образом описывал момент участия людей процедуре выборов старост в с. Скородное Губкинского района Курской области: «В назначенный июльский день и час 1942 г. перед конторой колхоза «Красное Знамя» собрались около ста человек: женщины, старики, подростки, дети. Многие пришли из любопытства, посмотреть на немецкого коменданта – главного начальника Скороднянского района. Ждать долго не пришлось. Верхом на конях подъехали два немца в офицерской форме и молодая женщина-переводчица... Плотный немец в форме капитана – господин Райман, комендант района. Он оглядел собравшихся людей и сразу перешёл к делу. Русский язык он понимал, но говорил по-немецки через переводчицу.

– Господа колхозники, мы к вам приехали, чтобы избрать старосту и поговорить о вашей работе. Я представляю власть Германии в вашем районе и заявляю, что колхозы распускать не буду. Работать будете сообща, общиной. Вам необходимо избрать старосту, который будет отвечать за порядок и

---

¹ Кузнецов А. Бабий Яр. М., 2001. С. 202–203.

² Шалыгин И. Козельск. 1994. № 97. 13 августа.

³ Маркизова И. Воспоминания об оккупации // Юхновские вести. 2003. № 27. 4 марта.

дисциплину передо мной. Староста будет организовывать работы на полях. Ваше желание мы будем учитывать, предлагайте кандидатуры. – Наступила тишина.

– Кто же ещё, только Иосифа Павловича, – громко сказала передовая колхозница Татьяна Петровна, – он был председателем колхоза, пусть теперь будет старостой.

– Я не согласен, – послышался старческий голос. – Он был партизаном, раскулачивал богатых крестьян, а его опять в начальники! Над нами!

Слова старика насторожили коменданта. Но в это время зашумели женщины, осуждая старика. Комендант успокоился.

– Посмотрим, какой он партизан? – и, подумав, добавил, – За плохое поведение мы его накажем. Где есть Седых Иосиф Павлович?

Седых Иосиф Павлович вышел вперед. Райман молча осмотрел его с головы до ног. Потом произнёс.

– Кто за господина Седых, голосуйте!

Все подняли руки единогласно, даже тот старик, который был против. Так Седых Иосиф Павлович стал старостой...Собрание окончилось...»¹ Похожая ситуация произошла и в д. Льгово Тарусского района Тульской области, где население выбрало старостой бывшего бригадира Артемова, как отмечали сами крестьяне, «хозяйственного мужика». Тот попытался отказаться, но жители настаивали на своем².

Наиболее отчетливо отношение народа к власти и оккупантам можно проследить по данным анализа поставок продовольствия в пользу Германии и органов «местного самоуправления». Из данных таблицы № 7 приложения следует, что беззащитное перед оккупантами население выполняло

¹ Никифоров С. А. Местные вспомогательные органы власти на оккупированной территории Центрального Черноземья в период Великой Отечественной войны // Известия Регионального финансово-экономического института. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://science.rfei.ru/ru/2015/1/97.html> (дата обращения: 22.02.2019).

² Дудкина Е. Война не прошла стороной // Октябрь (Таруса). 2000. 14 января.

возложенные на него повинности. Прежде всего, это касалось относительно малозатратных налогов: поставок молока и сена. Помимо Издешковского, подобная тенденция также наблюдалась и в других районах Смоленщины: Глинковском, Ершичском, особенно в 1942 году¹.

Сокращение поголовья скота, отсутствие достаточного количества удобрений, а также постоянные реквизиции для немецкой армии приводили к тому, что сдачи мяса и яиц были незначительны. В Брянском округе немцы ввели ограничения в торговле мясом и яйцами до тех пор, пока показатели по этим статьям при сборе налога не улучшатся².

Нельзя забывать и про реквизиции скота партизанами, также нуждавшихся в еде. За своевременное исполнение нормативов германские власти предлагали премии, что в голодное время могло стать важным подспорьем. Так, по приказу сельскохозяйственного коменданта Ельнинского района Смоленской области за сдачу 30 литров молока в месяц с хозяйства сдавшему было положена премия в размере 1 кг соли, одной пачки табака и коробки спичек³. С 1943 года в Калининской области немцы, заигрывая с населением, перешли на выдачу премий и тем, кто на 60% выполнял норму поставки ржи⁴.

Другим показателем, свидетельствующим первоначально об определенной степени лояльности местного населения к «русской администрации», является удельный вес выполнения населением денежных повинностей. Из финансовой отчетности Дубосищенской волости следует, что основная часть денежных поступлений шла за счет взимания подоходного налога, нежели штрафных санкций, которые могли взиматься за саботаж или нарушения установленных правил. Из общего волостного сбора тринадцати

---

¹ Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе. С. 231–235.

² Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Брянская область. М., 2020. С. 258.

³ ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

⁴ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 663. Л. 109.

общин в размере 35 950 руб. на штрафные пришлось всего 200 руб.¹ Аналогичная ситуация сложилась в Глинковской волости. Из 40 620 руб., поступивших в декабре 1942 года, штрафами оказались всего 375 руб.²

Согласно гитлеровским инструкциям, «органы самоуправления» должны были взять под контроль все население, провести социальную и пропагандистскую работу, то есть установить элементарный порядок на разоренных войной территориях. Заниматься этим в сельской местности надлежало, прежде всего, институту старост как наиболее приближенному к населению. Уже первые мероприятия старост в этом направлении натолкнулись на недовольство гитлеровцев³, по причине того, что часть старост в обход немецких правил выдавала документы беглым военнопленным и укрывала окруженцев⁴. Другие, наоборот, вели себя вызывающе по отношению к согражданам, выдавали партизан и красноармейцев. Подобный контраст можно объяснить присутствием на должностях старост людей с различной мотивацией. Как мы помним, формирование института старост происходило стихийно, зачастую эти должности занимали лица, ранее не конфликтовавшие с советской властью. Как правило, такой староста старался помогать населению. Он заслушивал жалобы жителей, накладывал штрафы, в том числе и за действительно злостные гражданские проступки в размере от 100 до 1 000 руб., составлял ходатайства по оказанию помощи пострадавшим от боевых и небоевых случаев⁵.

Старосты были обязаны предоставлять отчеты о положении на вверенной им территории в отделения волостной полиции. Характерен тот факт, что, несмотря на однообразные положительные ответы по вопросу об уровне жизни,

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2576. Оп. 1. Д. 6. Л. 23, 24.

² ГАСО. Ф. Р-2576. Там же. Л. 24.

³ ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 1. Л. 74, 128, 135; ГАОО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 299. Л. 47; Оп. 2. Д. 116. Л. 20–21.

⁵ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 16. Л. 55; Д. 285. Л. 359.

многие старосты часто отмечали и бедственное положение людей¹, а население часто воспринимало старосту как представителя власти и обращалось к нему по многим вопросам. Жаловались на реквизиции гитлеровских солдат, бытовые неурядицы. Так, в Погорельском районе зимой 1941 г. со двора матери семерых детей немцы увели корову. Та пошла к старосте и напомнила, что в деревне есть семьи всего из двух человек, после чего скотину забрали у одного из названных семейств, а ранее изъятую корову вернули заявительнице². Старосты обращали внимание оккупантов на необходимость минимального обеспечения людей жильем и пищей. Староста одной из деревень Куйбышевского района Смоленской области, находящейся у важной дороги, зная, что через населенный пункт будут проходить немецкие войска, додумался сохранить общинный провиант путем засеивания дополнительного участка картофелем для таких «проходящих» немцев, чем спас значительную долю общинного урожая³.

С другой стороны, имелись и случаи произвола старост в отношении населения. Крестьянин П. Антонов вспоминал: «Шли дни, недели, месяцы. И многие из тех, кого односельчане избрали в старосты, входили во вкус своего положения. Угодничали, пресмыкались, подчинялись...»⁴ По воспоминаниям Е. С. Мазановой из подмосковного села под Вереёй, ссора со старостой делала односельчанина первой целью немецких реквизиций, так как на него староста указывал в первую очередь⁵. В ряде сел Хотынецкого района Орловской области старосты запретили девушкам выходить замуж по собственному усмотрению⁶. Староста д. Ракитино Я. Лунин за невыполнение его распоряжений ссылал в лагерь. Староста д. Первые топки Г. Шалимов вместе с

¹ ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 111, 130, 160, 191–198.

² Болокина Л. А. Женщины оккупированных районов Калининской области в годы Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 34.

³ Антонов П. Территория временной оккупации // Бетлицкий вестник. 2003. 20 сентября

⁴ Антонов П. Территория временной оккупации // Бетлицкий вестник. 2003. 20 августа.

⁵ Мазанова Е. С. Водители / «Я помню» [Электронный ресурс]. URL: <https://iremember.ru/memoirs/voditeli/mazanova-ekaterina-semenovna/> (дата обращения: 18.07.2019).

⁶ Партизаны Брянщины. С. 98

полицейскими проводил повальные обыски и организовывал сбор подарков немцам. Староста д. Ефремово Сергеев, выходец из кулаков, выгонял население на работы, заявляя: теперь я над вами поиздеваюсь¹. Староста Бахалдин, чтобы выслужиться перед немцами, отобрал у крестьян 200 коров и отправил их в райцентр. Староста д. Жуковка Унечского района Орловской области был также замечен в превышении своих полномочий. Чуть позднее, заметивший это районный бургомистр Старовойтов писал ему: «Для германской армии по распоряжению начальника полиции Вы должны были взять в каждом дворе по 1 гусю. Вы же у господина Болшунова взяли 4-х гусей, поэтому Вы должны выполнить распоряжение начальника полиции и возвратить ему 3-х гусей»².

Как свидетельствуют источники, подобные случаи были особенно частыми в начальный период оккупации, когда успехи вермахта казались абсолютными. Часто подобным поведением отличались лица, имевшие счеты с советской властью или опьяненные вседозволенностью. Отчеты и информации партизан командованию содержат сведения о ситуациях, когда население само просило их уничтожить такого ставленника. Однако трудно оценить достоверность подобных утверждений. Как, правило, значительная доля сельского населения в первые месяцы оккупации заняла выжидательную позицию. Кроме того, убийство старосты партизанами часто становилось поводом для карательных акций гитлеровцев. Так, за расстрел старосты д. Хоричи Дубровского района Орловской области немцы расстреляли 36 мужчин, а в деревне Вязовое того же района было убито 35 человек³. В некоторых районах Брянского округа немцы сжигали по 10 домов партизанских семей и брали по 10 заложников⁴. Применение таких мер заставляло партизан проявлять изобретательность при планировании уничтожения особо рьяного гитлеровского пособника.

---

¹ ГАОО. Ф-52. Оп. 2. Д. 285. Л. 35–36.

² Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. С. 48.

³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 1082. Л. 16, 31.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1141. Л. 261.

Наиболее отчаянные граждане могли поступить так, как некоторые из них поступали в довоенное время – то есть написать донос на обидчика. Главный агроном областного земельного управления А. Левченков в своей докладной начальнику Смоленского округа жаловался, что ряд волостных агрономов задержаны германской службой безопасности по написанным на них лживым доносам со стороны мстительных граждан. В «клеветнической» бумаге задержанных уличали в прежней работе на советскую власть и теперешнюю помощь партизанам. По словам Левченкова, такие случаи были далеко неединичными. Автор докладной просил вышестоящее начальство посодействовать в их освобождении, ссылаясь на нехватку кадров и профессионализм арестованных немцами работников¹.

Нередко в сложной ситуации находился и сам староста, ведь именно на нем лежала ответственность за обеспечение безопасности вверенной ему территории. Староста был обязан выдавать всех партизан, военнопленных и евреев, а также любых бродяг. Староста мобилизовывал людей в полицию или на работы, иначе к нему могли быть применены самые суровые меры. В такой ситуации поведение ряда из них тоже было разным. Староста д. Тростье Куйбышевского района Смоленской области был посажен в карцер за отказ копать окопы; за непринятие мер против партизан был расстрелян староста д. Устье Жиздринского района², также как и старшина д. Пронькино Износковского района Смоленской области Крымов³.

С ухудшением ситуации на фронтах началось усиление нацистского гнета. К 1943 году почти все население осознало захватнические планы гитлеровцев, участились случаи саботажа указаний коллаборантов. Часть пособников в таких ситуациях полагались на ужесточение обращения с людьми,

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 238. Л. 1.

² Калужский край в XX веке. С. 303.

³ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область. М., 2020. С. 372.

другие же выбирали сотрудничество с патриотами. Есть свидетельства подделки старостами документов, утаивания урожая от немецких сельхозкоманд, открытого саботажа распоряжений оккупантов¹. В конце 1942 г. в одной из деревень вблизи партизанской зоны староста зачитал жителям немецкий приказ о сдаче продуктов, открыто спросив людей, что следует сделать. Одна женщина выступила против, другие её поддержали. В итоге зерно отдали партизанам².

Поведение старосты играло важную роль при определении его судьбы. Как правило, если он занимал пронемецкую позицию, то население, не церемонясь, выдавало его освободившим район красноармейцам, партизанам или сотрудникам органов государственной безопасности³. Крестьянка Новикова вспоминала: «Когда пришли наши, жители сразу сказали, что староста – фашист, и рассказали про партизан, которых он выдал. Солдат послушал, прочертил на земле саперной лопатой крест и пошел за старостой»⁴. После оккупации жители подчас также не слишком сочувствовали судьбе прислужника, поминая того бранными словами⁵. Если же во время оккупации староста народ не обижал, то были случаи и его защиты населением. Бывший председатель военного трибунала Ф. А. Мельниченко вспоминал: «Как только придем в село, сразу особый отдел интересуется: «Какая у вас власть старосты была?» Население говорит: «У нас староста был хороший, он даже партизанам в лес коров водил, и только для вида брал у населения, что возможно». А где староста прихвостнем являлся, то на такого куча заявлений лежала...»¹.

Интересный случай произошел при освобождении д. Грудиново Починковского района Смоленской области. Внук очевидца В. Родченков

---

¹ Дандыкин Т. К. Не ставшие на колени. Брянск, 2005. С. 39.

² Болокина Л. А. Женщины оккупированных районов Калининской области в годы Великой Отечественной войны. С. 31.

³ Кринко Е. Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. С. 334; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 873. Л. 109.

⁴ Новикова М. К. Предатель // Перекресток. Шумячский альманах. Смоленск, 2010. С. 25.

⁵ Бирюкова М. И. Воспоминания // Думиничские вести. 1994. 2 апреля.

пересказывал воспоминания своего деда: «В дом вошёл офицер и несколько солдат. Первым его вопросом был: «Где дом старосты?» Офицер ушёл, а где-то часа через два по деревне прошли солдаты, созывая всех к перекрёстку на собрание. Тут же все увидели, как несколько солдат ведут связанного старосту Граську. Офицер громко объявил, что сейчас все жители будут сами судить этого немецкого прихвостня и изменника родины.... Но люди не дали ему продолжить его речь, ибо хорошо знали того, с кем прожили в оккупации два с лишним года и видели все дела его. «Никакой он не изменник и не прислужник, – почти хором заголосила вся деревня. Он не сам напросился на эту должность, но комендант его назначил, также всё время оккупации постоянно посильно помогал местным жителям. Главное, когда немцы угоняли молодёжь в Германию, он ночью за день до приезда немецкой команды, осуществлявшей эту отправку, обошёл все дома, ибо списки подлежащих вывозу ребят и девчат были у него, и всем сказал: спрячьте своих детей как минимум на четыре дня, пусть отсидятся в лесу, а когда эта команда проедет, можно будет вернуться домой. Он и от полицаев с их продовольственными набегами неоднократно спасал жителей и деревню. Не дадим казнить невиноватого», – голосила деревня. Тот офицер тоже был нормальным человеком. Он сказал: коли так, – пусть суд решает его дальнейшую судьбу, а на суд будут приглашены и жители деревни. Суд не заставил себя ждать, в те времена долго не церемонились и не разбирались... В Починке, куда дед и многие жители деревни были приглашены как свидетели, состоялся суд над теми, кто занимал подобные должности у немцев. На суде – все жители деревни, как и прежде, настаивали на том, что Граська ни в чём не виноват. Но суд реши иначе – восемь лет тюрьмы – был его приговор Граське. Все эти восемь лет Граська отсидел и вернулся в родную деревню, в свой дом. Люди к нему относились по-человечески, никто не

---

¹ Сталиногорское направление / Сост. А. Н. Лепехин, А. Е. Яковлев. Тула, 2017. С. 250–254.

упрекал его ни в глаза, ни за глаза, ибо все знали его как хорошего и честного человека...»¹

Гораздо слабее в источниках отражено взаимодействие граждан с волостными старшинами и районными бургомистрами. Удаленные от населения эти фигуры тем менее также влияли на подвластную территорию. Волостной старшина, как представитель нижнего звена, управлял территорией в несколько деревень, являлся начальником всех старост². Он выполнял указания районных начальников, взаимодействие с населением у него проходило в значительной степени формально – через рассмотрение жалоб и донесений³. К старшине население обращалось в тех случаях, когда не помогал деревенский староста. Примечателен случай злоупотребления полномочиями старосты д. Чемуты Литенкова. Тот без разрешения вышестоящего начальства самостоятельно устанавливал налоги, изымал имущество, не сдавал деньги в фонд района. В итоге при участии старшины и начальника района он был арестован, а его дело было передано в немецкую комендатуру⁴.

Волостной мог выдать пропуск на перемещение по своей волости; он же давал характеристику людям, желающим служить в полиции, помогал с работой⁵. Именно заборам старшин волостей осуществлялась социальная поддержка нуждающихся, что было, несомненно, важным в условиях тяжелого военного времени⁶.

Волостной бургомистр в глазах людей часто ассоциировался с «чинушей-начальником», далеким от реальной жизни, хотя и являлся полезной инстанцией в случаях, когда «близкая» власть оказывалась бессильной. Но документы показывают, что население обращалось и в эту инстанцию, не пыталось её

---

¹ Родченков В. Правда о войне. Жизнь в оккупации. Часть. II [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2013/01/23/6745> (дата обращения 19.05.2018)

² РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 827. Л. 89.

³ ГАСО Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 45. Л. 22–24.

⁴ ГАСО.Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–26.

⁵ ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5с. Д. 2. Л. 160, 192.

⁶ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 45. Л. 22–24.

игнорировать. К старшине шли с просьбами о возвращении изъятого немцами или полицией имущества¹, с мольбами избежать набора в Германию, а также с пожеланиями предоставить работу или место жительства. Интересно сравнить два документа, относящихся к деятельности администрации Нарышкинского уезда. В приказе от 16 августа 1942 года инспектор по набору людей в Германию Функе обязал уездного начальника заставить старшин большого количества волостей предоставить население для отправки на работы в Германию. В другом приказе от 30 августа начальник района обещал применить санкции в размере 100 руб. с бургомистра волости за каждого не присланного. Однако решение саботировалось: из 13 волостей его выполнили 7, однако люди присылались не в полном количестве, многие из них были больны. Радомльская волость не выполнила план даже к 13 сентября, за что бургомистр Нарышкинского района угрожал ее старшине арестом². В. А. Ковалев приводил факты того, как ряд старшин Боброводворского района Курской области сознательно затягивали составление отчетности, чтобы спасти граждан волости от угона в Германию. Начальник района потребовал немедленно (в третий раз!) предоставить сведения о количестве хозяйств, жителей и фамилий старост с указанием их возраста по населенным пунктам, угрожая волостному штрафом. Возможно, именно такая нерасторопность старшин, затягивавших подачу сведений, привела к тому, что с территории Боброводворского района угону в Германию подверглось всего лишь 4 человека³.

В других случаях старшина являлся и судебной инстанцией, председательствовал в волостном суде и осуществлял свои полномочия при помощи двух заместителей⁴. Такой суд рассматривал только гражданские и уголовные дела, не связанные с нанесением ущерба германской армии. Так, 4

---

¹ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 299. Л. 45.

² Выстояли и победили! С. 28, 31, 32.

³ Ковалев В. А. Особенности проявления коллаборационизма в период оккупации Боброводворского района Курской области // Вестник архивиста. 2016. № 1. С. 197.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 32. Л. 17.

сентября 1942 г. Боброводворское волостное управление подвергло штрафу писаря за халатное отношение к служебным обязанностям и пьянство¹.

В источниках имеются указания и на случаи произвола начальников волостей по отношению к населению. Старшина Выдумской волостной управы Калининской области оказался более лоялен к немецкой власти и способствовал отправлению в Германию на принудительные работы гражданки Федоровой, систематически не выходявшей на работу². Старшина Иванов, в прошлом осужденный за контрреволюционную агитацию, потребовал открыть в волости бордель, заставляя привозить туда девушек из округа³.

В районах вблизи партизанских зон старшины нередко являлись активными участниками борьбы с партизанами. Старшина волости Баранов являлся фактическим руководителем действующего в Котельнической волости карательного отряда численностью до 50 человек. Отряд неоднократно выезжал для поимки партизан, выявления советского актива и грабежа населения. Прибыв в декабре месяце в деревню Рятель, отряд выгнал все население на мороз и потребовал назвать фамилии и местонахождение партизан. Никто из жителей деревни ничего не сказал, хотя Баранов и продержал их около 4 часов на морозе. Убедившись в том, что никто из жителей говорить не намерен, Баранов приказал избить их нагайками. В другой раз каратели Баранова явились в деревню и объявили, что желающие получить хлеб должны явиться в волостное управление. Прибывшим к назначенному времени жителям Баранов приказал отправиться на работу по очистке дорог от снега. Хлеба, конечно, никто не получил⁴. Имеются свидетельства об использовании немцами старшин

---

¹ Ковалев В. А. Особенности проявления коллаборационизма в период оккупации Боброводворского района Курской области. С. 197.

² Цветков А. В. Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны. С. 90–91.

³ ГАБО. Ф. 1650. Оп.1. Д. 237. Д. 17.

⁴ Кулик С. В. Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 36.

и старост в качестве проводников и информаторов в борьбе с партизанами, что, естественно, не прибавляло им симпатий населения.

Высшим звеном колаборационной администрации, в той или иной мере взаимодействующим с населением, были районные управители или бургомистры. Районный начальник мог принять жалобы-донесения от волостных старшин. В отличие от старосты фигура бургомистра для простого обывателя была практически недостижимой, поскольку любое перемещение людей по территории было ограничено. Источники в минимальной степени отмечают случаи контактов жителей сельской местности с начальниками районных управ. Как правило, они носили заочный характер и происходили только самых крайних случаях. Зачастую это касалось просьб выдать материальное пособие или обеспечить работой¹. Многие из подававших заявления были готовы работать и при новой власти, а некоторые пытались скрыть членство в ВКП(б) ради заработка, ссылаясь на трудные условия жизни². Как вспоминал П. Боровичев, «для обывателя того времени, конечно, большей радостью было попасть на прием к немецкому коменданту, но на пути к нему необходимо было пройти других начальников, которые также хотели с тебя урвать кусок. Взятки становились многоступенчатыми, солидными, и человек, напрягая все силы, собирая последнее, шел все выше и выше...»³.

В целом, анализируя отношение населения к административным коллаборантам, особенно в 1941–1942 гг., стоит оценить его как нейтральное, источники не содержат массовых критических высказываний в адрес, как представителей советской власти, так и оккупантов⁴. Стремление выказать свою лояльность оккупантам наблюдалась у немногочисленной категории граждан. Надеявшийся на земельную реформу гитлеровцев В. Паденков, чтобы быть

---

¹ ГАКО. Ф. Р-992. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–7; ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 40. Л. 45–46, 78.

² ГАСО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–35.

³ Боровичев П. И. За линией фронта. Кн. 1. Военно-историческая повесть, 1941–1943 гг.: воспоминания организатора и командира партизанского отряда «За Родину». Смоленск, 1998. С. 19.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 40. Л. 46–216; Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–35.

принятым в общину и получить увеличенный надел земли, добровольно признал свою партийную принадлежность¹. Похожее поведение обнаруживается и у жителя д. Беседное Смоленской области М. Василенкова, который в заявлении о трудоустройстве пояснил, что «никогда не был связан с коммунистической партией, что могли бы подтвердить его родственники». Некто Киргизов в заявлении о приеме на работу объяснял свое тяжелое положение отдаленностью от родных мест и отсутствием средств к жизни, ввиду чего настоятельно просил бургомистра Ершичского района предоставить любую работу, обязуясь «добросовестно работать в немецких предприятиях». Бывший военнопленный И. Василий получил работу, поскольку в документе указал, что «от вступления в ряды партизан отказался»².

Примеры такого поведения были распространены в районных центрах и городах, где население жило очень бедно, а фигура бургомистра была более доступна. Таким образом, утверждение В. М. Гриднева о массовом и систематичном саботаже населением политики врага применительно к начальному периоду оккупации Запада РСФСР не подтверждается³. В самое тяжелое время оккупации многие жители старались найти у «русской администрации» защиту, не гнушаясь обращаться к ней.

Как и старшина, районный бургомистр выполнял и судебные функции. Так, с 1 января 1943 года приказом командования германской армии был утвержден закон о местном судопроизводстве. Мировые суды (районные, городские, волостные) должны были разбирать «все гражданские тяжбы и мелкие уголовные правонарушения жителей, которыми не занималась германская армия». По г. Орлу и Орловскому району за март 1943 года в списке осужденных оказался 51 чел. Большинство из них были осуждены за кражу

---

¹ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Л. 200.

² ГАСО. Ф.Р-2740. Оп. 1. Д. 40. Л. 76.

³ Гриднев В. М. Указ соч. С. 124.

общинной продукции, незаконные порубки в лесах. За дискредитацию и сопротивление власти под арест попало всего 3 человека. Похожие данные отмечаются и по Нарышкинскому району, где за май 1943 г. за невыход на работу было осуждено 4 человека¹.

При изучении деятельности районного бургомистерства может сложиться впечатление, что начальник управы последовательно олицетворял собой оккупационную политику врага и следовал пронемецкой линии поведения. Архивные документы содержат большое количество информации, в которых районный старшина постоянно что-то требует, приказывает, угрожает. Так, профессор С. Базилевский вспоминал: «В деятельности управы было меньше всего заботы о населении и об облегчении ему гнетущих условий немецкой оккупации и больше всего заботы о себе со стороны...»² Например, бургомистр Ершичского района Смоленской области в декабре 1941 г. приказывал при установлении налогов не давать никаких льгот семьям коммунистов и евреев, для которых налоговая ставка увеличивалась в десятикратном размере – до 100 рублей против 10, как со двора простого крестьянина³.

Однако присутствуют и отдельные эпизоды личного участия бургомистра в осуществлении нужных для населения мероприятий. Ценность бургомистра для населения определялась, прежде всего, тем, что именно через него оно могло пожаловаться немцам по поводу беспокоивших их вопросов: погибшего урожая, нехватки продовольствия, отсрочки уплаты повинностей или выделения ссуды⁴.

Ходатайство удовлетворялось в тех случаях, когда не шло в разрез с требованиями оккупантов и могло быть поддержано бюджетным отделом

---

¹ Выстояли и победили! С. 42.

² Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. С. 21.

³ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область. М., 2020. С. 301.

⁴ ГАОО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 4. Л. 37.

района. Как правило, удовлетворялись запросы о получении работы, выдачи продовольственного пайка, предоставлении жилища погорельцам, семенного зерна общине. Трудно отрицательно оценить роль бургомистра, который ходатайствовал перед немецкой комендатурой об открытии в волости больницы или фельдшерского пункта¹. Бургомистр гор. Ельня справедливо наложил на директора городской хлебопекарни Н. Харитонова штраф за халатное отношение к своим обязанностям. Проверка установила, что пекарня находилась в антисанитарном состоянии: в помещении была обнаружена грязь, сырость, летали мухи, а выпускаемый хлеб был крайне низкого качества².

Но, как правило, случаи позитивных социальных действий административных коллаборантов на этом быстро заканчивались. Распространены были резолюции германского коменданта для начальников ряда райуправ о категорическом запрете самовольно распределять средства территории в пользу местных жителей без согласования с сельскохозяйственными армейскими командами³. Так, в докладной записке от 1942 года начальника Ершицкого района на имя коменданта сельскохозяйственного штаба отмечалась недостаточность средств территории, отводимых на социальное развитие по причине направления ресурсов на содержание административного аппарата⁴. Подобную проблему упоминал и один из коллаборантов-начальников, позднее допрошенный советскими органами безопасности: «На местах творился полный произвол, грабеж, как со стороны комендатур, так и со стороны проходящих немецких солдат. Наши распоряжения для них (немцев) никакой роли не играли. Личных средств района для людей не хватало, население жило бедно...»⁵. Характерное распределение бюджета можно было наблюдать в Руханьской волости

---

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1147. Л. 18; ГАСО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–45.

² ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 25, 30.

³ ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 100. Л. 42.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 101. Л. 23.

Ершичского района, где вся доходная часть в размере 21 600 руб. ушла на финансирование «русской администрации», причем денег на другие сферы просто не хватило¹. Похожая ситуация отмечалась и в Боловской волости Спас-Деменского района Смоленской области².

Начальники управ пытались организовывать работу образовательных учреждений, больниц, столовых, занимались перераспределением ресурсов³. Но всякие попытки самовольных решений пресекались немецкой комендатурой или экономическими отделами. На запрос бургомистра гор. Юхнова что-то скорректировать в законодательстве немецкий комендант в резкой форме ответил: «Я запрещаю издавать распоряжения, вносить какие-либо изменения в действующие законы и постановления. Вся власть и права принадлежат командующему армией. Только когда приступит к работе гражданское управление, возможно, повторяю, возможно, будут проведены необходимые изменения...»⁴.

Бессилие местной власти отразилось и в распределении бюджетных средств органов самоуправления. Расходы Ершичской райуправы Смоленской области выглядели таким образом: на содержание начальников управления выделялось 3 250 руб., финансовому отделу – 2 725 руб., полиции – 450 руб. (на троих сотрудников), на содержание дорог – 800 руб., на образование – 600 руб.; – здравоохранение – 650 руб.⁵ Похожая ситуация сложилась и в Торопецком районе Калининской области, бюджет которого за первый квартал 1942 г. составил 1 686 000 руб. и содержал шесть статей расходов. Из этой суммы на нужды здравоохранения выделялось 24 600 руб., тогда как на другие отрасли – в десятки раз больше: лесное хозяйство – 823 000 руб., финансовое управление –

---

¹ Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. С. 503–504.

² ГАКО. Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

³ ГАСО.Ф. Р-2740. Оп.1. Д. 27. Л. 10; ГАКО. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 113, 125; Ковалев Б. Н. «Новая русская администрация». С. 70.

⁴ ГАКО. Ф. Р-997. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

⁵ ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 39. Л. 85, 87.

385 500 руб., культуру – 234 300 руб., дороги – 91 400 руб.¹ В некоторых районах Калининской области на 1 августа 1943 года не хватало врачей. В частности, при штате в 4 врача работало 2–3 человека. Подобный дефицит был и в Локотском округе, где в Навлинском районе насчитывалось 2 врача и 6 медсестер². Слабость медицинского обеспечения населения подтверждает и тот факт, что начальник Стодолиценского района приказывал старшинам Новоруднянской волости организовать сбор лекарственных растений на нужды районной больницы³.

Помимо нехватки доходов, большая часть которых выкачивалась гитлеровцами, ситуацию усложняло и то, что немецкие власти не всегда давали разрешение на перемещение медицинских работников по районам⁴. Это вело к низкому уровню медицинского обслуживания, высокой смертности населения от болезней. И. Г. Ермолов приводит следующие данные: в Погорельском районе Калининской области с 11 октября по 6 августа 1942 г. от болезней умерло 239 чел., в Тургиновском районе в течении 2,5 месяцев – 72 чел., в Емельяновском районе – 85 чел. За 68 дней оккупации 91% населения Себежского района было лишено возможности получить медицинскую помощь, так как поездка в город населения из деревень дальше 5–7 км от райцентра влекла за собой опасность ареста по подозрению в связях с партизанами⁵. Некоторые главы управ подавали просьбы в комендатуру о разрешении врачам свободного перемещения по округе для оказания помощи больным. Однако такие просьбы удовлетворялись нечасто⁶.

В отличие от властей захолустных центров, у которых действительно было мало средств на социальные нужды, руководители Орловского уездного

---

¹ Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. С. 92.

² Там же. С. 86.

³ ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Л. 114.

⁴ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62.

⁵ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 47; Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. С. 92.

⁶ Ермолов И. Т. Под знаменами Гитлера. С. 90.

самоуправления, имея возможности, потратили на медицину малую часть собранных с населения средств. Так, в отчете о расходах из бюджета с 5 ноября 1941 по 1 января 1942 г. было указано, что на медицинское обслуживание было выделено всего 3 559 руб., хотя доход за этот срок составил 678 751 руб.¹ Трудно объяснить подобное решение. Возможно, руководители уездного самоуправления откладывали деньги в связи с близкой дислокацией германских оккупационных институтов и их постоянными поборами.

Немецкая власть прислушивалась к донесениям бургомистров только в самых крайних ситуациях. Из материалов Торпецкой горуправы видно, что публичные повешения, осуществляемые здесь немцами, вызвали сильное недовольство не только у простых граждан, но и у представителей оккупационной администрации, что едва не привело к волнениям среди местного населения. Немцам пришлось убрать виселицы².

Среди бургомистров встречались как порядочные, так и авантюрные люди. Например, первый бургомистр г. Стародуба Филимонов пытался вести переговоры с немцами о предоставлении голодающему населению пайков. Подобную озабоченность выражала и смоленская интеллигенция, которая в кратчайшие сроки смогла добиться открытия больницы, школы, церквей. По ее инициативе в городе начали выдавать патенты на индивидуальную предпринимательскую деятельность, были открыты восемь бесплатных столовых для малоимущих. Когда в начале 1942 года был открыт отдел социального обеспечения, то он также включился в организацию помощи нуждающимся³. Подобная позитивная для населения работа управ отмечается в

---

¹ ГАОО. Ф. Р-292. Оп.1. Д. 3. Л. 1–1об.

² ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

³ Оккупационный режим Смоленской области в 1941–1943 гг. [Электронный ресурс].

<https://www.sites.google.com/site/ocerkipoistoriiodnyhmest/okkupacionnyj-rezim-v-smolenskoj-oblasti-1941-1943g-g>
дата (дата обращения: 13.01.2019).

гор. Орле, Навле, Севске, Спас-Деменске, Узловой, Кирове, Спас-Деменске, Козельске¹.

Говоря об отношениях бургомистра и населения, необходимо затронуть и такую проблему, как коррупция. Некоторая часть бургомистров использовала свое положение для личного обогащения. Летом 1942 года в Смоленске группа эмигрантов наладила обмен рублей на рейхсмарки, которыми немцы оплачивали труд чиновников. Работники коллаборационного аппарата получали зарплату в рублях по курсу 1 марка за 10 руб. Сэкономленные марки родственники высших администраторов пускали в оборот – закупали в Германии дефицитные товары (лекарства, одежду) и перепродавали их в Смоленске, неплохо на этом зарабатывая². В районном центре Сухиничи население местные коллаборационисты грабили. Один из них, украинец Тотомер, бывший осужденный, устроился в финансовый отдел и стал расхищать средства. Однажды он притащил домой два мешка сторублевых банкнот, за что был избит, а позднее снят с работы своим шефов Корендовским. Сам шеф также не отличался порядочностью и при бегстве из Сухиничей с немцами, боясь попасть в плен к партизанам, бросил мешок с награбленными деньгами³.

Таким образом, случаи проявления протестных настроений со стороны высших управителей в отношении немцев были довольно редки. Вызывалось это не только их ограниченными полномочиями, но и личными качествами. Как мы помним, на должности бургомистров ставились люди, привыкшие с советских времен беспрекословно подчиняться вышестоящей власти или же принадлежавшие к образованной, но социально пассивной части населения – интеллигенции.

---

¹ Бауэр А. А. Кировский подпольный госпиталь. С. 200–207; ГАКО. Ф. Р-992. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–41; Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 1. Л. 16; ГАБО. Ф. Р-2594. Оп. 1. Д. 17. Л. 23; Ф. Р-2593. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.

² Оккупационный режим Смоленской области в 1941–1943 гг.

³ Писаренко И. С. Немецкая оккупация Брятинского, Думиничского и Сухиничского районов. С. 188–191.

Новый виток социальных противоречий в отношениях бывших представителей «русской администрации» и населения стал проявляться в послеоккупационное время. Часто отношения между избежавшими ответственности бывшими пособниками и населением зависели от того, насколько и как бывший управитель пользовался своей властью при немцах. Так, жительница Велижского района Смоленской области, узнав, что бывший волостной старшина возвращается в родные места, начала сильно возмущаться и говорила: «Никто его не арестовывает, а наши мужья погибли. Если его не арестуют, значит, советская власть не ведет борьбу с изменниками. И я буду жаловаться в райком»¹. В д. Марково Пригородного района Орловской области жители хотели сжечь дом досаждавшего им бывшего старосты, которого органы госбезопасности почему-то не привлекли к ответственности².

После освобождения территории Красной армией многие из пособников, боясь ответственности, пытались уйти в тень или заняться довоенной деятельностью. Иногда из-за невнимательности, занятости госбезопасности и партаппарата они не только не смещались со своих постов, но и занимали ответственные должности, не скрывая своей биографии³. Из рассмотренных Орловским обкомом ВКП(б) справок выяснилось, что в ряде районов совершенно не осуществлялась проверка бригадиров и председателей колхозов, вновь после изгнания немцев занявших руководящие посты. На запросы Орловского обкома ВКП(б) о принятии соответствующих мер один из местных районных комитетов ВКП(б) послал резолюцию с удивительной формулировкой: «Другой кандидатуры на эту должность у себя в районе подобрать не имеем возможности»⁴.

---

¹ Горбачев О. В., Кометчиков И. В., Филимонов В. Я. История крестьянства Западного региона России: 1941 – середина 1980-х годов. Калуга, 2017. С. 57.

² ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 291. Л. 19.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1493. Л. 13.

⁴ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 368. Л. 25.

Подобные явления вызывали резкие протестные настроения населения. В рапорте председателя Губинского сельсовета в обком ВКП(б) указывалось, что «после освобождения района в срочном порядке проходил процесс смещения председателей колхозов и их переизбрание, так как многие из них работали старостами, а население очень недоверчиво относится к лицам, работающим при немцах. Две кандидатуры на пост председателя уже были отвергнуты»¹. В ряде деревень Калининской области население настаивало на срочной высылке из деревни досаждавших им пособников и их семей. Стоит упомянуть, что в ходе проверок имелись неоднократные случаи превышения представителями местных партийных органов своих полномочий. Кто-то сводил счеты, кто-то наживался на уязвимом положении семей пособников. В справке прокуратуры о незаконных действиях председателя Кировского горсовета Семенова говорилось: «Имелись случаи, когда номенклатурные представители районного руководства без решения военного трибунала и прокуратуры изымали скот у «врагов народа». Армия может это сделать, в других же случаях без решения прокуратуры и военных трибуналов подобные меры запрещены»². В других случаях органы прокуратуры не замечали таких нарушителей³.

Напряженность отношений в деревне проявлялась и на бытовом уровне. Органами милиции и прокуратуры фиксировались отдельные случаи самосудов, других противозаконных мер со стороны бывших партизан или лиц, стремящихся свести счеты с теперь уже бывшими гитлеровскими прислужниками. Бывший партизан Е., применив огнестрельное оружие, лично расстрелял 8 человек, подозреваемых им в пособничестве врагу, за что был арестован, а дело передано в военный трибунал⁴. Заместитель районного уполномоченного наркомзага С. хладнокровно застрелил крестьянина Т. по

---

¹ Писаренко И. С. Фашистская оккупация Калуги и оккупационный режим. С. 104; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 951. Л. 7.

² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 873. Л. 109.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 944. Л. 120.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 85. Л. 15–32.

подозрению в предательстве партизан. С. также был арестован. Проверка фактов предательства со стороны Т. не подтвердила¹.

С другой стороны, агрессия проявлялась и со стороны самих прислужников, боявшихся разоблачения. Бывший коммунист Митлашков, защищая дядю-пособника, угрожал местными жителям своей деревни, пытался убить из винтовки колхозника, готового дать показания против его родственника. Митлашков был арестован². Бывший староста Ново-Дугинского района И. И. Поярков поджег колхозный сарай. В результате пожара сгорело несколько домов. Следствие выяснило, что этот человек запугивал колхозников, которые могли дать на него показания. В итоге сгорело 70 построек, а дом Пояркова не пострадал. Поярков был арестован³.

Некоторые пособники, уверенные в своей безнаказанности, не пытались скрываться и своими действиями продолжали выражать свои антисоветские настроения, чем только привлекали к себе внимание власти. В таких случаях правоохранительные органы проверяли их биографию на предмет их поведения в период оккупации. Так, колхозница Издешковского района Кузьмина избивала председателя колхоза за то, что та понуждала её работать. При проверке выяснилось, что обидчица – дочь старосты, расстрелянного частями Красной армии. К тому же, по мнению свидетелей, Кузьмина многократно делала антисоветские выпады. Кузьмину привлекли к ответственности по статье 58-10 п. 2⁴. Колхоз председателя Шудзейко не выполнил план весеннего сева семян, а сам председатель применял физическую силу по отношению к колхозникам. Шудзейко поначалу задержали по ст. 110 УК РСФСР (превышение полномочий). При проверке выяснилось, что во время оккупации он активно помогал немцам, работал переводчиком у старосты и в волостной управе, за что

---

¹ Там же. Л. 34.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1481. Л. 299–300.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1159. Л. 167.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 143.

он был арестован¹. В д. Горбыли Холм-Жирковского района не привлеченные к уголовной ответственности бывшие управители не стеснялись в выражении своих надежд. Так, вернувшийся по репатриации бывший старшина волости рассуждал среди знакомых: «У нас после окончания войны будет внутренняя война». Жена другого бывшего управителя в одной из деревень Понизовского района прямо заявляла: «Раньше была война, и царя свергали, а сейчас Сталина свергнут»².

Для недопущения подобных ситуаций обкомы ВКП(б) старался брать проблемные местности под особый контроль. Как правило, случаев массовых самосудов не наблюдалось. Попытки расправ строго пресекались, а виновные наказывались. Стоит отметить и такой факт, что не привлеченные к ответственности по освобождению территории бывшие пособники не лишались гражданских прав. Любой конфликт, связанный с их участием, рассматривался по нормам советского права³.

В целом же, можно согласиться с утверждением П. М. Поляна о том, что деревенское население более спокойно, нежели городское переносило существование рядом с собой «подозрительных» элементов. Видимо, это было связано не только с размеренным образом жизни на селе, малой социальной мобильностью, что не позволяло «подозрительным» людям выделяться, но и с пониманием людьми вынужденности службы на немцев многих административных коллаборантов⁴. Однако, если местному населению было известно о том, что у их односельчанина руки были «по локоть в крови», деревня информировала органы госбезопасности о привлечении его к ответственности. В памяти людей даже спустя долгое время всплывали

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 121.

² Горбачев О. В., Кометчиков И. В. История крестьянства Западного региона России. С. 61.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1493. Л. 22–23, 56.

⁴ Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 559.

мельчайшие подробности их преступлений¹. Если же управленец проявлял себя как порядочный человек, население нередко выступало на его защиту, что оказывало влияние на следствие, во многих случаях заканчивавшееся относительно мягким приговором или оправданием².

Таким образом, русский коллаборационный аппарат, несомненно, являлся придатком нацистской оккупационной системы, проводником политики гитлеровцев, выполняя самые различные, в том числе и крайне непопулярные в глазах населения, функции. Имевшие серьезную власть на местах и одновременно скованные различными гитлеровскими структурами, эти организации никак не влияли на самих немцев. На всем протяжении оккупации «русские органы» не могли удовлетворить наиболее насущные запросы общества, лишь поддерживая видимость хрупкой стабильности, что, конечно же, не наделяло их высоким авторитетом среди граждан. Однако и среди административных коллаборантов встречались люди, кто, сохранив высокие моральные качества, старался использовать свое положение в интересах сограждан. Такие поступки запоминались жителями, становясь для коллаборанта шансом на спасение.

---

¹ Бирюкова М.И. Воспоминания об оккупации // Думиничские вести. 1994. 2 апреля.

² Калинин И. Жили мы на острове отчуждения // Калужские губернские ведомости. 2004. 25–30 июня.

Глава 3. Политика возмездия советского государства в отношении коллаборантов западнорусской деревни

3.1. Политика возмездия советской власти в отношении коллаборантов в начальный период войны

В настоящее время среди ряда западных и отечественных историков распространена точка зрения о широком преследовании тех, кто по каким-либо причинам оказался в гитлеровском плену или пережил оккупацию, был в услужении врага¹. И. Ю. Молодова исследовала механизм работы фильтрационного аппарата на материалах истории Калужского края². Е. Соломатина исследовала вопрос правомерности применения юридических санкций к репатриантам. Она считает процесс фильтрации составной частью политических репрессий и ставит вопрос о принятия закона «О реабилитации»³. П. М. Полян подробно рассмотрел систему проверки репатриантов, отметив наличие в ней серьезных недостатков⁴. Е. И. Журавлев характеризует политику советского государства по ликвидации последствий коллаборационизма как имевшую дифференцированный характер и определявшуюся различными факторами: ходом войны, мотивацией пособников, тяжестью вины конкретных коллаборантов, различными смягчающими обстоятельствами и человеческим фактором в деятельности органов госбезопасности. Автор полагает, что, политика возмездия коллаборантам не была направлена на их тотальное

---

¹ Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 119–120; Полян П. М. Жертвы двух диктатур. С. 526; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 468–469.

² Молодова И. Ю. Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 49–56.

³ Соломатина Е. Фильтрационные дела как исторический источник: Тезисы докладов весенней школы стипендиатов фонда им. Генриха Бёлля. Москва, 16–22 марта 2003 г. М., 2003. С. 66–67.

⁴ Полян П. М. Жертвы двух диктатур. С. 526. Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. С. 468–469.

наказание, хотя и имела серьезные изъяны¹. На несовершенство деятельности советских правоохранительных органов по борьбе с коллаборационизмом указывает С. В. Кудряшов. По его мнению, советская система, приспособленная к борьбе с «внутренними врагами» в мирное время, в годы войны оказалась неготовой к борьбе с таким сложным явлением, как коллаборационизм². А. Р. Дюков осуждает стереотипные взгляды прозападных и антисоветских историков на политику возмездия коллаборантам, показывает ее гибкий и учитывавший степень тяжести совершенных коллаборантами преступлений³.

Большая работа проделана по определению численности репатриантов, в числе которых были и коллаборанты. О. Б. Мозохин, А. А. Шевяков и В. Н. Земсков признают отсутствие установки на максимизацию репрессий в отношении репатриантов⁴, считают, что процент осужденных и насильно переселенных в ходе фильтрации лиц не являлся существенным, каким его пытаются показать некоторые историки. Итак, было ли преследование административных коллаборантов в деревне Запада РСФСР тотальным и постоянным? Рассмотреть этот вопрос позволяют источники, недавно ставшие доступными историкам – материалы проверочно-фильтрационных дел, документы советских правоохранительных структур.

Еще в довоенный период в стране сложился мощный аппарат органов внутренних дел и государственной безопасности. Однако можно согласиться со С. В. Кудряшовым в том, что к таким явлениям, как массовый коллаборационизм, советская власть все же оказалась не готова. Война показала, что не все советские граждане готовы сражаться с гитлеризмом.

---

¹ Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1943 гг.): на материалах Юга России. С. 154–157.

² Кудряшов С. В. Предатели, «освободители» или жертвы войны?: Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 83–88.

³ Дюков А. Р. Милость к падшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009.

⁴ Шевяков А. А. Тайны послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3–12; Мозохин О. Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953 гг.). М., 2018; Земсков В. Н. К вопросу о судьбе советских репатриантов // Политическое просвещение. 2011. № 1 (60). С. 12–17.

С первых дней войны руководство страной предприняло ряд превентивных мер по предупреждению государственных преступлений. Уже 22 июня 1941 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о военном положении, по которому военным властям областей, находящихся на военном положении, предоставлялось право выселять в административном порядке лиц, признанных социально-опасными по своей преступной деятельности, а органам госбезопасности применять к ним репрессивные меры¹. Для борьбы с саботажем, вредительством и предательством на базе областных судов создавались особые институты – военные трибуналы, которые рассматривали дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. Их приговоры кассационному обжалованию не подлежали, исполнение их решений о высшей мере наказания мог приостановить Военный совет фронта или командующий армией с сообщением об этом Военному прокурору и получением его разрешения в течение 72 часов². Поскольку все дела о государственных преступлениях такие трибуналы рассмотреть не могли, то дела о воинских и контрреволюционных преступлениях передавались особым трибуналам НКВД, в состав каждого из которых входили представитель управления юстиции, сотрудники аппарата НКВД и секретарь³. Менее тяжкие политические преступления рассматривало Особое совещание при НКВД СССР. К ноябрю 1941 года ввиду сложной военной обстановки при участии военных прокуроров Особому совещанию было передано право вынесения расстрельных приговоров в отношении лиц, осужденным по спецделам⁴.

6 июля 1941 г. было принято решение об ужесточении ответственности за панические и провокационные слухи в виде тюремного заключения на срок от 2

---

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 5.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. С. 8–9.

³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 264. Л. 1–2.

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 67.

до 5 лет (при отсутствииотягчающих обстоятельств)¹. 27 декабря 1941 г. вышло постановление ГКО, согласно которому НКВД предписывалось выселять в отдаленные области страны семьи лиц, служивших в административно-карательных органах немецких властей, а также добровольно отступивших вместе с фашистами². Документ содержал в себе неясности. Так, было непонятно, кого конкретно из родственников коллаборанта и на какой срок необходимо привлекать к ответственности. 24 июня 1942 года последовало уточнение, по которому совершеннолетние члены семей изменников, осужденных по ст. 58–1а и приговоренных к высшей мере за службу в карательных, административных учреждениях, шпионаж, подлежали аресту и ссылке в отдаленные места СССР сроком на 5 лет. К такому же наказанию привлекались и семьи лиц, заочно осужденных к высшей мере за добровольный уход с оккупантами. Документ пояснял, что к категории «член семьи изменника» относились отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья, сестры, если последние жили совместно с изменником¹.

Наиболее обширными и точными по своему содержанию являлись директивные документы советских правоохранительных структур. Однако и в них видна неготовность справиться с вызовом в виде разных форм коллаборационизма советских граждан. Сохранялась потребность в дальнейшем совершенствовании правовой базы борьбы с коллаборационизмом. Директива НКГБ СССР № 136 от 24 июня 1941 года «О задачах органов безопасности в условиях военного времени» поясняла, что сотрудники органов обязаны пресекать всякого рода антисоветские проявления, арестовывать паникеров и трусов, организовывать решительную борьбу с бандитско-повстанческими группами, контрреволюционными элементами. В совместном приказе НКГБ,

---

¹ Там же. С. 204.

² Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006. С. 324.

НКВД и прокуратуры от 28 июня 1941 г. пояснялось, что даже в случае смерти лица, подозревавшегося в изменнических действиях, следовало проводить расследование, привлекать к ответственности членов семей лиц, осужденных по статье 58 УК. Роль этой директивы видится весьма противоречивой. С одной стороны, в ней присутствовал принцип коллективной ответственности. С другой стороны, налицо стремление государства как можно более точно определить круг виновных в сотрудничестве с врагом и меру наказания².

Начало работы органов НКВД, НКГБ и прокуратуры по преодолению последствий административного и иных форм коллаборационизма на освобожденной территории не обходилось без трудностей. Так, частые процессуальные нарушения органами НКВД Курской и Орловской области при производстве дел в отношении коллаборантов заставили местную прокуратуру выпустить указание о производстве арестов только с санкции прокурора области³. Подобные решения выпускались и в других областях. Органы прокуратуры не раз указывали на приведение в исполнения приговоров в отношении осужденных коллаборантов без утверждения их Военными советами армий. По инструкции такие действия необходимо было немедленно предотвращать во избежание нарушения законности⁴.

12 декабря 1941 г. вышел приказ НКВД СССР об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника, который еще более конкретизировал работу органов НКВД и детализировал характеристику подозреваемых по таким преступлениям, как измена Родине, провокации, пособничество врагу. Приказ не давал права сотрудникам государственной безопасности расстреливать подозреваемого, а, наоборот, шире и тщательнее

---

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. С. 557.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. С. 114.

³ Там же. С. 138.

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2000. С. 176.

вести следственную работу по определению преступных действий подозреваемых. Лиц, причастных к антисоветской работе, требовалось немедленно арестовывать¹.

Суровый характер многих нормативно-правовых актов начального периода обуславливался тяжелой ситуацией, в которых находился Советский Союз, непониманием руководством страны многих обстоятельств, толкающих людей на путь пособничества врагу. Однако даже в это время советская власть старалась учесть смягчающие вину коллаборанта факторы. Директива НКГБ СССР № 177 от 2 июля 1941 г. поясняла, что, если такой человек оказывал поддержку и содействие структурам советской власти и тому есть подтверждение, его не следует арестовывать². При осуществлении политики переселения учитывался возраст и состояние здоровья переселяемого. По инструкции, выселению не подлежали: нетрудоспособные мужчины, женщины старше 60 лет, больные, пока они не пойдут на поправку³. В упомянутом ранее дополнении к постановлению ГКО «О семьях лиц, сотрудничавших с германскими властями» от 24 июня 1942 года не подлежали аресту и ссылке семьи тех изменников, в составе которых после должной проверки было установлено наличие военнослужащих Красной армии, геройски сражающихся с врагом, партизан, а также лиц, оказывавших содействие советской власти и партизанам⁴. 31 января 1942 г. прокурор СССР В. М. Бочков издал новый приказ, согласно которому прокуроры должны были лично следить за ведением расследования контрреволюционных дел.

А. Дюков упоминает о наличии еще одного значимого разъяснения к инструкциям о привлечении пособников к ответственности. Имеется ввиду,

---

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 413.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 175.

³ Там же. С. 175.

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2000. С. 557.

выпущенное 18 февраля 1942 года, указание НКВД СССР, которое приписывало различать формы коллаборационизма и применять дифференцированный подход при осуществлении политики возмездия. Инструкция указывала брать на немедленный учет всех лиц, которые прямо или косвенно помогали оккупантам – от крупных представителей администрации, шпионов и карателей до кучеров, прачек и истопников. Причем мелкие пособники ответственности вовсе не подлежали. Прочих, в том числе старост, старшин, бургомистров, полицейских, приписывалось задерживать и вести следствие¹.

Параллельно с органами НКВД и НКГБ очищением от коллаборантов занимался и партийный аппарат. Так, в директиве секретаря Смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попова секретарю Дзержинского РК ВКП(б) в обязательном порядке предписывалось проверить после освобождения района на районных партсобраниях каждого коммуниста. Регистрировавшихся у немцев и работавших на них предписывалось немедленно исключать из партии и передавать дела на них в НКВД, занимавших в период оккупации пассивную позицию – исключать из партии и предложить РО НКВД взять на учет для последующей с ними работы. Коммунистов, которые прошли регистрацию у немцев по причине доносов на них других лиц, из партии не исключать. Проверке подлежали и те, кто не регистрировался и скрывался от немцев².

Численность коммунистов и комсомольцев, остававшихся без спецзадания на оккупированной территории, различалась в зависимости от места и времени. На освобожденных территориях Плоскошского сельсовета Калининской области к 1943 г. из 573 комсомольцев отказалось от перерегистрации 276 чел. Из них 108 человек заявили о потере своих комсомольских билетов. Проверка показала, что часть из них была изменниками. Некоторые задержанные были

---

¹ Дюков А. Р. Милость к падшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009. С. 14.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 51.

приговорены к высшей мере наказания. Отмечалось, что среди пособников было много учителей-коммунистов¹.

С мест в обкомы ВКП(б) постоянно поступала информация о присутствии бывших пособников в аппарате и на председательских должностях, на что обкомы реагировали довольно решительно. Обком ВКП(б) требовал немедленного снятия таких людей с должностей и привлечения их к уголовной ответственности. Из 77 председателей Высоковского сельсовета Калининской области на должности не утвердили 40 человек. Примерно 20 из них являлись активными пособниками и были немедленно арестованы². Из 135 председателей Куркинского района Тульской области проверку не прошли 105 чел.³ Из 266 коммунистов Дзержинского района Смоленской области, освобожденного в 1942 году, партбилеты на руках имели 121 чел. Документов не оказалось у 145 чел., 237 чел. работали на немцев и прошли регистрацию. Все они были немедленно взяты на учет⁴. В последние годы войны и первые послевоенные годы партийная коллегия Калужского обкома ВКП(б) и бюро райкомов ВКП(б) были заняты разбором партийных дел коммунистов, остававшихся на оккупированной территории⁵. Разумеется, далеко не все они сотрудничали с врагом. Однако даже проявление пассивности в тяжелые для страны годы рассматривалось как повод для возбуждения вопроса о нахождении в партии⁶.

По целому ряду причин не все коммунисты смогли эвакуироваться или уйти в подполье. Многие из них перед войной вступили в партию, часть из них в критический для страны момент заколебались, потеряли веру в победу. В Бабынинском районе 17% состава районной парторганизации оставалось на

---

¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 479. Л. 18.

² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 989. Л. 43.

³ ГАТО. П-177. Оп. 8. Д. 34. Л. 79.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-51, 106.

⁵ ГАДНИКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 215. Л. 7.

⁶ Кометчиков И. В. "Обком ВКП(б) располагает информацией о засоренности руководящих колхозных кадров...": чистки коллаборантов и отношение к ним в западнорусской деревне 1942 – второй половины 1940-х гг. // Материалы V международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.». Брянск, 2016. С. 242–249.

оккупированной территории (62 чел. из 350), в Детчинском районе – 60% (77 чел. из 128), в Жиздринском – 25% (107 человек из 428), в Калуге – 684 чел.¹

Власть судила их гораздо более строго, чем беспартийных: в среднем каждый второй, остававшийся на оккупированной территории, был исключен из партии, значительная часть получила партийные взыскания². Те же, кто был оставлен в партии, рассматривался центром как политический резерв. Только во II-м полугодии 1944 года в пределах Калужской области в партию приняли дополнительно 378 человек. На 1945 год областная парторганизация состояла уже из 5 750 членов и 2 549 кандидатов в члены ВКП(б)³.

К чистке своих рядов региональные парторганизации подходили ответственно. На любого кандидата или члена партии, взятого на учет, заводилась анкета, содержащая в себе графы: 1) «Был ли в партизанах?» 2) «Участвовал ли в боях против немецких оккупантов?» 3) «Был ли в плену?» 4) «Проживал ли на оккупированной территории?»⁴. Бывший секретарь подпольного РК ВКП(б) Слободского района Смоленской области Шульц вспоминал: «Стали собирать коммунистов, восстановили советскую власть, начали работать и заодно проверять их. Тех, кто регистрировался у немцев, таких мы немедленно исключили, как и тех, кто вызывал сомнения...»⁵ Фактически процедура проверки сводилась к тому, что коммунистами занимался партийный аппарат нижнего уровня. При выявлении компромата выносилось партийное решение, а в особых случаях дела передавались в органы НКВД.

Неудивительно, что в ходе проверки сельских коммунистов бывали случаи конфронтации партийных ведомств и правоохранительных структур. На вышедшую 18 февраля 1942 года директиву В. Меркулова за № 64, в которой

---

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 118. Л. 4, 8, 13, 36.

² ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 118. Л. 4–36.

³ Очерки истории Калужской организации КПСС. Тула, 1967. С. 282.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 290. Л. 20.

⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 281. Л. 15.

содержалось предписание начальникам областных и районных отделений НКВД «организовать допрос всех, прошедших у немцев регистрацию, членов, кандидатов партии, комсомольцев, на предмет причин их оставления на оккупированной территории, а также побудительных к предательству факторов», Орловский обком ВКП(б) отреагировал крайне резко, посчитав ее неправильной, поскольку такие вопросы партия решала сама, без вмешательства со стороны. В других случаях, наоборот, партийные функционеры вмешивались в работу органов госбезопасности. Сотрудников органов безопасности отвлекали от работы, заставляли переключать внимание на другие дела¹. Однако компромисс был найден быстро: в обязательном порядке устанавливалось присутствие сотрудников НКВД при рассмотрении персональных партийных дел².

Разногласия по решению вопроса о дальнейших судьбах коммунистов, остававшихся без спецзадания на оккупированной территории, отмечались и в самом партаппарате. Так, Никольский райком ВКП(б) Орловской области не согласился с решением обкома ВКП(б) о недопущении ряда коммунистов, находившихся на оккупированной территории, к работе, что объяснялось отсутствием подготовленных кадров на местах³. В письме секретаря Смоленского обкома ВКП(б) в райком ВКП(б) отмечалось, что участковые Велижской милиции прошли регистрацию у немцев и сдали оружие. Сейчас многие из них работают по приказу районного управления ввиду «неимения кадров», поэтому необходимо срочно исправить ситуацию⁴.

Стоит отметить, что проблема некомплекта кадров для низовых структур власти оставалась актуальной на протяжении всего периода восстановления советской власти на бывшей оккупированной территории. Но, несмотря на это,

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1159. Л. 483.

² ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 285. Л. 105.

³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 368. Л. 25.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 198.

решения обкомов ВКП(б) о партийности многих подозреваемых в лояльности к оккупантам коммунистов были отрицательными. Лицо, которое имело родственников, сотрудничавших с врагом, в обязательном порядке вносилось в компрометирующий список, хранящийся в отделе кадров, и бралось на учет, как «неблагонадежное»¹.

Суровость подхода к бывшим однопартийцам объяснялась, прежде всего, политической целесообразностью. Когда на совещании секретарей отдела кадров районных комитетов ВКП(б) Тульской области один из них попытался объяснить, что не хватает опытных людей, что многие исключенные ничего серьезного для врага не делали, то секретарь Тульского обкома ВКП(б) Жаворонков в резкой форме разъяснил суть чисток: «А вы думаете, что те люди, завербованные немцами, придут к вам в гости и будут морду бить? Может быть, они начнут действовать через 2–3 года? Вы знаете, что сейчас в Орле, Смоленске организованы школы, в которых таких вот обучают, а потом перебрасывают сюда, к нам. Мы не подозреваем всех в шпионаже, но речь сейчас идет о партийном аппарате, о нашем доме. Политическая расслабленность и слепота приведут к провалу. И вы должны это понимать...»².

Осознавая серьезность проблемы нехватки кадров, обком ВКП(б) рекомендовал организовать курсы переподготовки молодежи и не стесняться привлекать на руководящие посты женщин. В области в срочном порядке организовывались стахановские курсы, курсы жатчиков, трактористов, комбайнеров; партаппарат делал ставку на пропаганду, советовал местным ячейкам эффективно распределять человеческий ресурс. Только по Калужской области в послевоенный период 1947–1948 гг. трехмесячные курсы закончили 96 председателей колхозов и 1 158 бригадиров³. В Смоленской области за 1945–1946 год количество прошедших переподготовку советских руководителей

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 942. Л. 35–40.

² ГАТО. П-177. Оп. 8. Д. 34. Л. 59, 95.

³ Очерки истории Калужской организации КПСС. С. 307.

составляло 978 человек¹. К лету 1942 года Тульский обком ВКП(б) все-таки нашел компромисс с райкомами ВКП(б) по поводу нехватки кадров, предложив при исключении из партии «пассивных» коммунистов направлять их на черновую работу или в армию, а их должности распределить между молодыми специалистами².

Не церемонились и с бывшими сотрудниками правоохранных органов. Дисциплинарные взыскания при обнаружении компрометирующих данных являлись наименьшей карой. Обладающего чистой биографией лейтенанта госбезопасности С. уволили с формулировкой «за невозможностью дальнейшего использования» из-за компрометирующих данных на жену, контактировавшую в годы оккупации с немцами, а также родственников жены, являющихся активными пособниками. Стоит учесть, что С. не помогло и партизанское прошлое³.

В начальный период войны основным видом наказания для струсившего сотрудника органов являлось тюремное заключение на срок 10 лет. Зачастую подозреваемый приговаривался к тюремному сроку при отсутствии активного пособнического начала в составе преступления. В справке прокуратуры Калининской области за февраль 1942 года отмечалось, что многие сотрудники милиции области, оказавшись в немецком тылу, не воевали, а отсиживались у родни, регистрировались у врага, поэтому к ним применялись суровые меры. Сотрудник районного отдела милиции Старицкого района Ж. скрывался до освобождения района Красной армией, за что получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Участковый из Великолукского района М. был осужден за бездействие во время оккупации, сдачу врагу своего табельного оружия, за что также получил 10 лет⁴.

---

¹ Очерки истории Смоленской организации КПСС. М., 1970. С. 318.

² ГАТО. П-177. Оп. 8. Д. 34. Л. 41, 61, 81.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1854а. Л. 98.

⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 989. Л. 61.

В случае же обнаружения активного пособнического начала наказание было куда более суровым. Работник НКВД К. добровольно сдался врагу, отдал свое оружие, к тому же по просьбе отца старшины был выпущен из лагеря, работал денщиком у немецкого офицера. Военный трибунал приговорил его к расстрелу. Сотрудник НКВД К. сдал оружие, устроился в заготовительный отдел, где вместе с немцами проводил обыски у граждан. Решение военного трибунала было аналогичным. Бывший участковый Г. сбежал из партизанского отряда и проживал у родителей, выдавал партизан, за что также был приговорен к расстрелу¹. В отчете прокуратуры Калининской области упоминалось, что 58% бывших сотрудников органов, привлеченных к ответственности за пребывание на оккупированной территории без спецзадания, были комсомольцами и коммунистами².

В ходе выявления и наказания коллаборантов сотрудники РО и УНКВД, органов прокуратуры столкнулись с рядом серьезных проблем. Прежде всего, это было связано с достаточно низким уровнем их профессиональной подготовки, что было вполне понятно, так как многие сотрудники органов были мобилизованы в армию. Это влекло за собой подчас неверное определение состава преступления и ошибки в производстве дел³. На 1942 год по Смоленской области из 92 сотрудников прокуратуры высшее образование имело всего 14 человек; среднее и низшее – 55 работников. Общий стаж работы следователя составлял 5–6 лет, что, учитывая сложность дел коллаборантов, следует признать весьма небольшим⁴. В воспоминаниях начальника контрразведывательного отдела УНКВД г. Москвы и Московской области С. М. Федосеева отмечалось, что коллектив УНКВД был ослаблен репрессиями, состоял преимущественно из молодых людей, пришедших в органы

---

¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 989. Л. 61–63.

² Там же. Л. 63.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 944. Л. 86–116.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 944. Л. 142.

госбезопасности в 1938–1939 гг. после годичной учебы в Московской межкраевой школе ГУГБ НКВД. Средний возраст оперативных сотрудников к началу войны не превышал 25–26 лет. Даже начальнику управления М. И. Журавлеву не было к этому времени и 30 лет. Большинство из работников имело начальное и среднее образование, сотрудников с высшим образованием было очень мало. Практически ни у кого не было опыта работы в условиях войны. Вместе с Красной армией врага учились побеждать и работники следственных структур¹.

Однако стоит заметить, что проблема низкого уровня подготовки работников аппарата НКВД и прокуратуры отмечалась и в довоенный период. В докладной записке прокурора Орловской области секретарю Орловского обкома ВКП(б) говорилось, что еще в мае 1941 года проверка установила низкий теоретический уровень работников прокуратуры, не позволяющий решать ряд вставших перед ней в связи с войной задач. Юридического образования не имело 142 человека. Высшим образованием обладал только один прокурор, прочие – средним или низшим. В период с 1940 по 1941 год было снято с должностей 15 райпрокуроров, а 48 сотрудников получили взыскания за грубость, нетактичность, халатность. В докладе предписывалось охватить кадры заочным обучением и постоянно проверять качество работы². В условиях войны многочисленные проверки устанавливали, что со спецделами некоторые сотрудники сталкивались впервые, расследовать их не умели. К октябрю 1942 г. из 18 сотрудников военной прокуратуры Орловской области высшее образование имели только 3 человека. Схожие проблемы были и в Смоленской области, где также отмечалась нехватка сотрудников и невозможность отправить имеющихся на курсы переподготовки.

---

¹ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 226.

² ГАОО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–26.

Похожие проблемы наблюдались и в аппарате НКВД. Уже 14 декабря 1941 г. вышла директива НКВД «О мерах по подготовке кадров для работы в особых отделах НКВД». Требовалось немедленно организовать двухмесячную практику для сотрудников, привлекаемых к расследованию таких дел. Нехватка опыта, непонимание самого явления коллаборационизма вели к тому, что следствие не укладывалось в двухмесячный установленный срок, что приводило к нарушению процессуальных сроков прокурорского надзора, задержке сроков расследования и нарушению закона. Так, из переданных в мае 1942 года в военный трибунал 72 дел в срок до 2 месяцев рассмотрели 44 дела¹. С октября по ноябрь 1942 г. прокуратура Ильинского района Смоленской области из-за процессуальных нарушений освободила из-под следствия 57 чел. Позднее, еще 6 человек были оправданы решениями военных трибуналов, а 13 дел военный трибунал вернул на доследование. Отмечались случаи незаконного содержания под стражей².

Далеко не облегчало борьбу с феноменом коллаборационизма распространенная в СССР практика соревнования среди структур и подразделений следственных органов. В докладной записке начальника УНКВД по Тульской области о деятельности органов по очистке освобожденной территории от контрреволюционных элементов была отмечена деятельность Донского, Ефремовского, Узловского, Щекинского, Алексинского, Чернского, Черепетского, Крапивенского райотделений УНКВД. Неудовлетворительную оценку получили сотрудники Детчинского, Перемышльского, Бабынинского, Тепло-огаревского, Плавского, Тульского, Епифанского райотделений. Мало того, начальство негодовало на работников Бабынинского и Белевского отделений за отсутствие в их списках разоблаченных пособников, хотя они в

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1158. Л. 9.

² Там же. Л. 116

этих районах обязательно «должны были быть»¹ Порой, чтобы показать значимость проделанной работы, сотрудники НКВД предъявляли задержанным абсурдные обвинения. Так, в донесении УНКВД по Тульской области говорилось, что за все время войны органам удалось разоблачить 136 чел. агентов иностранных разведок, среди которых были немецкие, японские и даже французские. Сомнительным выглядит заключение по делу бургомистра северной части г. Сталиногорска (Новомосковска), которого сами гитлеровцы расстреляли вскоре после назначения на должность из-за его нелояльности². Некоторым задержанным инкриминировалась политическая статья с распространенной в 1930-е годы формулировкой «организация троцкистско-националистического заговора при руководстве с германской разведкой с целью свержения советской власти», что также вызывает сомнения ввиду незначительного числа задержанных³.

Серьезно осложняла расследование и нехватка кадров оперативных сотрудников в районах⁴. Пересылка опытных сотрудников с фронтов вызывала трудности и была практически невозможна⁵. Приходилось готовить необходимые кадры на местах. В тяжелейших условиях войны хромала и материальная часть. Речь, прежде всего, идет о транспорте, связи, помещениях и даже юридической литературе⁶. Постоянные проверки прокуратурой мест содержания задержанных обнаруживали несоответствие тюремных помещений элементарным требованиям. Бывали случаи, когда в одну камеру заталкивали мужчин и женщин одновременно, имелись эпизоды смертей подозреваемых от болезней, не всегда составлялся рацион питания, не хватало постельного белья. Но, несмотря на господство в наше время антисоветских штампов, касавшихся

---

¹ ГАТО. Ф. Р-3484. Оп. 1. Д. 7. Л. 229; Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. 1942 год: Сборник документов и материалов. Тула, 2012. С. 227–228.

² Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 231.

³ Там же. С. 227.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–51, 75.

⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 944. Л. 86–116.

⁶ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1158. Л. 12.

работы органов безопасности в сталинские времена, подобные нарушения властью не приветствовались. При обнаружении таких случаев их стремились исправить. В. С. Филоненко отмечала, что в ряде случаев лиц, не заподозренных в пособничестве с отягчающими обстоятельствами, прокуратура распоряжалась освобождать, перепроверив материалы следствия¹. Однако такой подход был выработан в период 1942–1943 гг., когда политика возмездия по отношению к коллаборантам стала меняться, а ситуация на фронтах стабилизировалась.

Актуальной является и проблема обоснованности выносимых решений по делам административных коллаборантов. По инструкции, следствие должно было продолжаться в пределах двух месяцев. Проверка дела прокуратурой материалов ограничивалась несколькими суткам. Военный трибунал должен был вынести окончательное решение за пару дней. Таким образом, на полное расследование дела уходило чуть меньше 3 месяцев при условии соблюдения всех процессуальных сроков², что в условиях войны подчас было недостаточно. Не понимая сложности феномена коллаборационизма и поначалу не всегда пытаясь детально разобраться в нем, советская власть использовала силу закона в духе довоенного времени, считая, что так можно предотвратить предательство. Поэтому на первых порах наказания административных коллаборантов были достаточно суровыми. Позднее это признавали и сами сотрудники органов. В число арестованных часто попадали лица, которые согласились по принуждению сотрудничать с оккупационными властями, но в то же время оказывали помощь партизанам. Следствием порой не принималось во внимание нахождение близких родственников арестованных в действующей армии³. Некоторые работники пытались зависить процент задержанных, отчитаться перед вышестоящим начальством, которое не поддерживало

---

¹ Филоненко В. С. Деятельность прокуратуры Воронежской области по расследованию дел о воинских преступлениях в 1941–1942 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 13. 2010. № 1 (72). С. 17.

² ГАНИСО. Ф.6. Оп. 1. Д. 1158. Л. 31, 69.

³ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 246–247.

большого процента оправдательных приговоров¹. По данным на февраль 1942 г. по ряду освобожденных районов Смоленской области органами УНКВД было задержано 1 136 чел. за предательство и пособничество врагу. Военный трибунал рассмотрел 421 дело. К высшей мере приговорили 246 чел. (59%), заключению на срок от 5 до 10 лет – 146 чел. (34 %). Оправдано было всего 12 чел. (3%)² После освобождения г. Кирова Смоленской области Красной армией были арестованы 26 ответственных работников Кировской горуправы, 13 полицейских из 17, 12 волостных старшин в 13 сельсоветах из 26, 26 старост. Всего с 20 января по 20 августа 1942 г. УНКВД РО Кировского района было арестовано 296 человек: 15 полицейских, 11 волостных старшин, 37 старост, 67 изменников, 27 сотрудников аппарата. Из 296 человек к высшей мере наказания приговорили 64 человека, а 71 чел. к различным срокам тюремного заключения³. В освобожденном от врага Боровском районе Московской области за пособничество врагу было осуждено 266 чел., из которых 25 были расстреляны (впоследствии реабилитированы). За принадлежность к семьям изменников Родины 42 жительницы района с детьми были сосланы в Красноярский край на 5 лет⁴. Похожая ситуация наблюдалась и в освобожденных в ходе контрнаступления под Москвой районах Тульской области. Так, органами УНКВД Тульской области только за декабрь 1941 года было выявлено 143 предателя и пособника, из которых к расстрелу было приговорено 52 чел.⁵

Не последнюю роль в расследовании дел административных коллаборантов играли личность следователя, наличие в действиях пособника активного начала, отношение к нему населения. Член военного трибунала Мельниченко

---

¹ Там же. С. 246–247.

² Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной, 2015. С. 119–120.

³ Писаренко И. С. Кировский район в Великой Отечественной войне // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 2. Киров, 1997. С. 58.

⁴ По ком звонят Боровские колокола [Электронный ресурс]. URL: <http://www.borovsk-repression.ru/> (дата обращения: 13.12.2018).

⁵ ГАТО. П-5702. Оп. 1. Д. 5. Л. 25, 39, 43, 60, 62.

вспоминал: «Не успеем войти в город или село, как начинают поступать от граждан заявления. Адресуют кому угодно: и комиссару, и начальнику, что у нас есть что-то, кто-то. Списки у нас еще имелись прямо на передовой. Но как только придем в село, сразу особый отдел интересуется: «какая у вас местная власть, старосты? Если население говорит, что все было хорошо, то такого мы не трогали, ну, а если старосты являлся прихвостнем, то на такого десятки заявлений лежали...»¹ Часто пособников разыскивали с помощью пострадавших от них. Как отмечал старший лейтенант органов безопасности Н. И. Борисов: «желающих поквитаться было немало»².

В первый год войны органы госбезопасности и внутренних дел стремились одновременно выявить все категории пособников: крупных чиновников, бургомистров, старшин, представителей нижнего звена оккупационных органов «русской администрации»: старост, переводчиков, писарей. 24 марта 1942 г. особым отделом УНКВД Ярцевского района Смоленской области был арестован А. Царьков, бывший волостной старшина Понизовской волости Духовщинского района. Он дезертировал из рядов РККА и, оставшись на территории, стал старшиной, активно работал на немцев, отбирал у населения продукты. Пытался спрятаться в партизанском отряде, но был разоблачен. В итоге Особое совещание приговорило его к расстрелу³. Похожая ситуация сложилась и со старостой Семыхиным, происходившим из кулаков. Он обвинялся в выдаче коммунистов и в итоге был приговорен военным трибуналом к высшей мере наказания⁴. Е. Никитина, жена полицейского, жившая в д. Проявино Велижского района, восхваляла немецкую армию, хранила немецкие листовки, за что была осуждена и приговорена к расстрелу с

---

¹ Сталиногорское направление. С. 253.

² Коннов Ю. Солдаты «революционного порядка» // Полиция России. 2015. № 5. С. 31.

³ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 366. Л. 4.

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 285–287.

конфискацией имущества¹. В рамках похожего дела к ответственности была привлечена колхозница А. Гражданка критически высказывалась в адрес советской власти, в чем была уличена свидетелями. За неосторожно высказанную критику крестьянка получила срок в 7 лет исправительно-трудовых лагерей². Родственников в полиции и других фактов антисоветского поведения следствие не обнаружило, что, возможно, и спасло ей жизнь. Если же коллаборант не проявлял серьезной пособнической активности, то в 1941–1942 гг. он часто отделялся сроком до 10 лет заключения за факт службы на врага³.

Встречались случаи, когда подозреваемому откровенно везло. Дело могло быть прекращено по причине малого срока его службы в органах «русской администрации», как это случилось с бывшим старостой д. Земки Коляпиным. Ввиду того, что он был старостой один месяц и ничего компрометирующего против него не было обнаружено, он был отпущен⁴. В некоторых случаях слабо прорабатывалась доказательная база, как это случилось со старостой Власовым из д. Косякино Дзержинского района. В санкции на его арест было отказано, так как не было выяснено, при каких обстоятельствах он стал работать на врага и в чем конкретно состояли его пособнические действия⁵. Подобные разбирательства были распространены до конца 1942 года, когда стала вырисовываться общая сложная картина коллаборационизма на освобожденных территориях Запада РСФСР. В целом же процент оправдательных приговоров в подаваемых органами отчетах за 1942 г. составлял всего около 5–15%⁶.

Рассмотрение дела начиналось с допроса подозреваемого и свидетелей. В некоторых случаях опрашивали также свидетелей со стороны обвиняемого, но, как свидетельствуют документы, из-за нехватки времени это делалось не всегда.

---

¹ АУФСБ СО. № 26001с. Л. 1–51.

² АУФСБ КО. Ф. 2. П-15566.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 944. Л. 86–116. Бурцев Ю. Немецкий староста // Организатор (Сухиничи). 2001. 16, 18 января.

⁴ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 24. Л. 110–112.

⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 944. Л. 205.

⁶ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 291, 300; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1159. Л. 292.

Так, при расследовании дела старосты д. Канушкино Издешковского района Смоленской области свидетели не допрашивались вообще¹. Некто В. работал агрономом при земельном управлении, отбирал у населения скот, восхвалял немцев, получил от горуправы премию в размере 50 кг муки. На очной ставке все предъявленные ему обвинения отрицал. Свидетели обвиняемого следствием не заслушивались, в их вызове на судебное заседание было отказано. В ходе расследования опросили всего двух свидетелей, что с процессуальной точки зрения можно считать недостаточным. Следователь прокуратуры не придавал этому значения и бывший агроном был расстрелян².

Однако не будет соответствовать действительности и утверждение о применении военными трибуналами высшей меры наказания как массового явления. По данным О. Б. Мозохина, за июль–октябрь 1941 г. органами госбезопасности было арестовано 89 784 чел., к высшей мере наказания приговорили 22 183 чел. Остальные арестованные отделались различными сроками или отправкой на фронт³. В 1942 году меры были более жесткими, Было арестовано 190 957 чел., из которых к высшей мере наказания приговорили 55 790 чел., освобождено из-под стражи 6 327 чел., остальные были осуждены на различные сроки. В Подмосковье (вместе с частью территории будущей Калужской области) было выявлено 9 017 чел. коллаборантов, в Калининской области (вместе с частью Псковской) – 7 267, в Тульской (вместе частью будущей Калужской) – 4 667, в Смоленской – 4 510, в Орловской – 2 859 чел. Однако не стоит забывать, что эти цифры не являются сколько-нибудь полными ввиду того, что все упомянутые области (за исключением Московской) были освобождены лишь частично, а часть пособников привлекалась к ответственности позднее⁴. Самой распространенной

---

¹ АУФСБ СО. № 27256с. Л. 1–24.

² АУФСБ СО. № 25754с. Л. 28–40.

³ Мозохин О. Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953 гг.) М., 2018. С. 219–224.

⁴ Мозохин О. Б. Репрессии в цифрах и документах. С. 219–224.

категорией преступлений являлась измена Родине, за которую осудили 29 544 чел., и контрреволюционная агитация – 56 718. По социальному составу 30 842 чел. являлись колхозниками, 70 359 – военнослужащими. Таким образом, вопреки распространенному в советской литературе утверждению, бывшие кулаки и уголовники не являлись основным источником коллаборантов¹.

Суровость приговоров начального периода войны была связана не только с нарушением процессуальных норм, небрежностью следователей и недостаточным надзором прокуратуры, но и обуславливалась пониманием властью феномена коллаборационизма как абсолютного, несмываемого ничем преступления перед Родиной. Член военного трибунала Мельниченко вспоминал: «Полицейских, старост из местных жителей тоже судили. Они говорили, что им давали работу, на самом же деле все они являлись продажными шкурами: выдавали, предавали, вешали. Один процесс хотели даже на пленку заснять, но полицейских расстреляли. А кто пойдет на эту роль...?»². С другой стороны, автор воспоминаний также указывает и на существенные обстоятельства, которые могли повлиять на ход дела: «Мы привлекали к ответственности не всех старост. У нас был один староста, который ссылался на то, что его выбрали люди, но, как выяснилось, этот человек не только был назначен, но и служим им с усердием. Были и хорошие старосты. У одного даже сохранилась печать колхоза, подтверждающая, что тот до прихода немцев являлся председателем. Этот человек ждал нас и выдал все изъятое ранее у людей имущество. Таких мы старались не трогать...»³.

Особенно сурово советские власти наказывали бывших работников органов НКВД и партийного аппарата, пошедших в услужение врагу, особенно занимающих должности в административных и силовых ведомствах: следователей, бургомистров, начальников управ, что вело к бегству

---

¹ Мозохин О. Б. Там же. С. 225–228.

² Сталиногорское направление. С. 250–254.

³ Там же.

большинства таких людей с немцами во избежание попадания в руки советского правосудия. Председатель военного трибунала Мельниченко, давший интервью военному корреспонденту в январе 1943 г., заявил, что за все время его работы в военном трибунале сосудить бургомистров районных и городских управ приходилось очень редко¹.

Анализируя политику возмездия по отношению к коллаборантам в начальный период войны, стоит упомянуть и о внесудебных расправах над пособниками - следствии упомянутой абсолютизации тяжести коллаборационизма как преступления властью и патриотически настроенным большинством советского общества. По воспоминаниям очевидцев, сначала командир соединения посылал в населенный пункт разведку с целью обнаружения немцев и их пособников. В. В. Коровин и В. А. Коровин описывают несколько случаев, когда в 1943 г. вышестоящее руководство приказывало задерживать, но не убивать найденных пособников немцев. Иногда им помогали местные жители, а иногда и сами пособники, готовые искупить вину, выдав своих помощников и вышестоящее руководство². При освобождении Орловской области в 1943 г. в ходе беседы с местными жителями из с. Арбузово командиру разведывательной группы удалось установить, что в с. Гуторово скрывается бургомистр. Спустя некоторое время задержанный красноармейцами пособник выдал еще шестерых своих подчиненных. В итоге за четверо суток разведывательно-поисковой группой было задержано 14 пособников врага³.

Но бывали и иные случаи. Как правило, лицо, попадавшее в руки солдат, зачастую не могло надеяться на расследование по закону. 17 апреля 1942 г. партизанским судом был приговорен к расстрелу Б. из д. Луги Знаменского

---

¹ Сталиногорское направление. С. 250–254.

² Коровин В. В., Коровин В. А. Охрана тыла Центрального фронта накануне и в период Курской битвы // Армия и общество. 2013. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-tyla-tsentralnogo-fronta-nakanune-i-v-period-kurskoy-bitvy/viewer> (дата обращения: 30.04.2020).

³ Там же.

района, переводчик при земельном отделе волости. Позднее, в материалах реабилитации указывалось, что свидетельства помощи партизанам, выразившейся в сборе для них патронов, народными мстителями не рассматривалась, не были заслушаны и свидетели защиты¹. По освобождению одной из деревень Шумячского района солдат, выслушавший жалобу крестьян на своего старосту, прочертил на земле крест, взял автомат и пошел за ним. Больше этого старосту никто не видел. Трагично закончилось «освобождение» и для бургомистра гор. Севска Баранова. В приказе № 109 по Локотскому окружному самоуправлению от 9 апреля 1943 г. обер-бургомистр Каминский приказывал выдать семье расстрелянного красноармейцами бургомистра Баранова пособие в 10 000 рублей и постоянный ежемесячный паек до обретения его детьми полного совершеннолетия². Аналогично закончились жизни работников городской управы г. Мосальска Смоленской области. Захватив чиновников, красноармейцы совершили над ними самосуд, расстреляв бургомистра, начальника полиции и начальника сельскохозяйственного отдела. Прокуратура негодовала о том, что необходимо было сначала, как минимум допросить пособников, а потом решать их судьбу в рамках закона³.

Трагично складывалась судьба тех коллаборантов, кто находился в заключении, когда району угрожала повторная оккупация. Часто в отношении таких лиц органы госбезопасности приводили приговор в исполнение досрочно. Известны случаи внесудебного расстрела заключенных при угрозе повторной оккупации города Людиново в начале 1942 года⁴. Житель д. Макутино Ярцевского района Ш. за знание немецкого языка был избран старостой, так как был в немецком плену в годы Первой мировой войны. Не спасло его и признание своей вины, и положительные мнения о нем односельчан. Он был

---

¹ АУФСБ СО. Д. № 26926с. Л. 1–24.

² Крашениников В. В. История Севска и окрестных мест. Т. I. Брянск, 2011. С. 792; Макухин В. С. Темные страницы оккупации // Севская правда. 2006. 26 декабря.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 951. Л. 55.

⁴ ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 2. Д. 8. Л. 21.

расстрелян 12 июня 1942 года по решению УНКВД вследствие угрозы повторной оккупации района. Свидетелей в его защиту допросить не успели. В 1993 г. расстрелянный был реабилитирован¹.

Подводя итог, можно отметить, что политику возмездия советской власти по отношению к коллаборантам в начальный период войны нельзя оценить однозначно. С одной стороны, в ней присутствовали аналогии с репрессиями конца 1930-х гг.: как и раньше, органы ориентировались на решение поставленных перед ними сложных задач в кратчайшие сроки, не вникая в сопутствующие противоречивые обстоятельства. Это усугублялось нехваткой подготовленных кадров, частым отсутствием опыта расследования обстоятельств пособничества врагу, слабой материально-технической базой следственных органов. В чрезвычайных обстоятельствах начала войны коллаборационизм как вид государственного преступления зачастую абсолютизировался. Все это вело к тому, что значительное количество административных коллаборантов на Западе РСФСР несло наказание за сам факт службы у врага в виде тюремного срока или даже высшей меры. С другой стороны, власть, столкнувшись со значительным количеством случаев пособничества, особенно в административной сфере, осознала проблему и стала методом проб и ошибок искать более адекватную в тогдашних условиях политику возмездия.

3.2. Выявление и наказание коллаборантов в период окончательного освобождения западнорусской деревни

Советская власть на протяжении всего периода войны продолжала корректировать нормативные акты, направленные на выявление и наказание

---

¹ АУФСБ СО. Д. № 26185с. Л. 1–26.

коллаборантов. В конце 1942 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. В составленные комиссией списки лиц, совершивших злодеяния по отношению к населению, военнопленным и партизанам, помимо немцев, зачастую попадали и советские граждане¹. Обнаруженные данные использовались для привлечения выявленных лиц к ответственности.

Как и раньше, выявление и поиск коллаборантов являлись приоритетной задачей органов госбезопасности на освобожденной от оккупации территории. Однако с конца 1942 года подход к расследованию их преступлений начал претерпевать изменения. Директива НКВД СССР № 33 об организации оперативной работы в городах и районах, освобожденных частями Красной Армии от войск противника, выпущенная от 26 января 1943 г., предписывала в освобожденные города и районы направлять оперативно-следственные группы, возглавляемые исключительно опытными работниками, снабдив такие группы соответствующими оперативно-розыскными материалами. Аресту в немедленном порядке подлежали руководящие лица немецкого административного аппарата: бургомистры, полицейские, старосты, а также активные немецкие пособники из числа местного населения². Подобную тенденцию подтвердила директива НКВД от 1 июля 1943 г.³.

В последующем, в связи с улучшением ситуации на фронтах, освобождением ряда территорий, более детальным знакомством с таким сложным явлением, как коллаборационизм, корректировка регламентирующих борьбу с ним нормативных документов была продолжена. 19 апреля 1943 года

---

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2003. С. 428.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» 1 января – 3 июня 1943 года. М., 2008. С. 104.

³ Кудряшов С. В. Наказание за сотрудничество с оккупантами. Изучение опыта СССР // Ученые записки Казанского университета. 2012. С. 86.

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников», сыгравший важную роль в формировании взвешенного подхода при рассмотрении дел пособников и предателей¹. Согласно ему, лица, сотрудничавшие с врагом, изменники, участвовавшие в расправах над мирным населением, военнопленными, карались смертной казнью через повешение. Приведение в исполнение приговоров предписывалось производить публично, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней. Указ определял и другую категорию коллаборантов, преступления которых считались менее опасными – тех, кто оказывал содействие в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами. Последние наказывались ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Как видно, указ подразделял коллаборантов на две категории: изменников, то есть лиц, совершающих серьезные преступления, и пособников врага. Если в отношении коллаборантов первой категории санкция в виде высшей меры наказания оставалась неизменной, то в отношении лиц из категории «пособники» предусматривалось более мягкое наказание.

Та же логика просматривается в постановлении за № 22/м/16/у/сс Пленума Верховного Суда СССР от 25 ноября 1943 г. «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками»². Отмечались неоднократные нарушения военными трибуналами Указа от 19 апреля 1943 г., неверная квалификация дел, отсутствие отличия изменников Родины от пособников

---

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» 1 января – 3 июня 1943 года. М., 2008. С. 401–402.

² Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 года. М., 2008. С. 572.

врага. Пленум Верховного суда СССР постановил дать судам следующее указание. Советские граждане, которые в период временной оккупации той или иной местности немецкими захватчиками служили у немцев в органах гестапо или на ответственных должностях (бургомистры, начальники полиции, коменданты и т.п.), доставляли врагу сведения, составляющие военную или государственную тайну, выдавали или преследовали партизан, военнослужащих Красной армии, советских активистов и членов их семей, принимали непосредственное участие в убийствах и насилиях над населением, грабежах и истреблении имущества граждан и имущества, принадлежащего государству, колхозам, кооперативным и общественным организациям, а равно военнослужащие, перешедшие на сторону врага, подлежали ответственности за измену Родине по статьям 58–1-а или 58–1-б УК РСФСР. Лица, выполнявшие задания немецких захватчиков по сбору продовольствия, фуража и вещей для нужд германской армии, по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и сельского хозяйства или оказавшие врагу иное активное содействие, при отсутствии в их действиях отягчающих признаков подлежали ответственности как пособники по ст. 58–3 УК РСФСР. Не подлежали привлечению к уголовной ответственности: а) советские граждане, занимавшие административные должности при немцах, если было установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной армии или саботировали выполнение требований немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества или другими способами содействовали борьбе с оккупантами; б) мелкие служащие административных учреждений, рабочие и специалисты, занимавшиеся своей профессией (врачи, ветеринары, агрономы, инженеры, учителя и т. п.), если они не совершили преступных действий, подпадающих под пункты 1 и 2 настоящего постановления. Добровольная явка с повинной при отсутствии тяжких

последствий преступной деятельности обвиняемого рассматривалась как смягчающее вину обстоятельство¹.

28 декабря 1943 года на стол И. Сталину легло спецсообщение Л. Берии «Об аресте лиц, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями»². Глава НКВД СССР считал необходимым арестовать всех фольксдойче, выявленных на территории, освобожденной от противника, предав суду военного трибунала тех, в отношении кого будет достаточно улик их пособнической деятельности, а прочих вместе с семьями выселить в Алтайский край. Ссылки подлежали также и семьи осужденных фольксдойче. Решение Сталина по этому вопросу было положительным, и указ был принят, что свидетельствовало о продолжении политики дифференцированном подходе к наказанию действительных и возможных коллаборантов.

Важными предпосылками корректировки политики возмездия советского государства коллаборантам стали перемены в деятельности органов госбезопасности и внутренних дел. Увеличилось количество сотрудников, имевших опыт расследования дел в отношении коллаборантов. Нередко сотрудники районных отделений, УНКВД и прокуратуры имели подготовленные списки пособников, добытые партизанами или составленные чрезвычайными комиссиями по установлению злодеяний оккупантов и их пособников, что значительно облегчало работу по поиску коллаборантов. Помогали в этом и местные жители. На освобожденной в ходе мартовского наступления Красной Армии территории Смоленской области органами НКВД по 7 районам было задержано 1 810 чел., из которых 754 чел. были впоследствии отпущены³. За 1943 г. в Калининской и Орловской области аресту

---

¹Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006. С. 405–406.

² Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 года. М., 2008. С. 302.

³ Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной. С. 224.

подверглись 1 571 человек¹. Всего за 1943 г. войсками НКВД по охране тыла действующей армии, органами НКВД в процессе очистки территории, освобожденной от противника, при несении службы по охране тыла фронтов было арестовано и разоблачено 80 296 чел., из которых 14 626 чел. изменников и предателей, 21 022 чел. немецких пособников. С апреля по июнь 1944 года было арестовано еще 1 267 немецких ставленников².

Затрудняло выявление и привлечение к ответственности административных коллаборантов разные модели их поведения. Многие высокопоставленные заправилы стремились уйти с немцами, боясь ответственности. Так, с 10 июля по 1 августа 1943 г. отдел контрразведки «Смерш» Брянского фронта арестовал 555 чел. контрреволюционного невоенного элемента, в числе которого оказался лишь 1 бургомистр, но 153 старосты, 19 переводчиков и 226 прочих ставленников³. Другая группа немецких приспешников старалась приспособиться к новым условиям, затаиться. В докладной записке секретарю Орловского обкома ВКП(б) говорилось, что многие бывшие пособники, понимая свое положение, проявляют недовольство новой властью втайне, лишь в среде родственников⁴, что затрудняло их выявление. Так, в 22 сельских районах Смоленской области в комсомол приняли 17 бывших полицейских, а 13 секретарей ВЛКСМ имели близких родственников, в период оккупации помогавших немцам. В 22 сельских районах в комсомол вступило 38 чел. бывших полицейских, 5 бывших старост, 45 иных пособников и 211 чел., родственники которых имели связи с оккупантами⁵. Многие бывшие немецкие ставленники, продолжая после

---

¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 года. – М.: Русь, 2008. С. 302.

² И. В. Сталину и В. М. Молотову о деятельности войск НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии в 1943 г. [Электронный ресурс]. URL:<https://infopedia.su/24x11e68.html> (дата обращения: 23.03.2019).

³ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 года. М., 2008. С. 183.

⁴ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 1091. Л. 95-100.

⁵ Горбачев О. В., Кометчиков И. В., Филимонов В. Я. История крестьянства Западного региона России. С. 56.

освобождения от оккупации руководить колхозами, саботировали или не выполнившие планы государства. Так, в Холмовском сельсовете Смоленской области из 6 председателей колхозов трое являлись бывшими старостами. Председателем колхоза «День урожая» работал некто Пужикин, в период оккупации несколько месяцев работавший полицейским. В документах политических структур подобные казусы объяснялись тем, что оперативный состав сотрудников НКВД этих районов был малочисленным и не мог быстро проверить все население¹.

Ряд бывших пособников сами обнаруживали себя, проявляя антисоветские убеждения. Колхозница К. из Издешковского района Смоленской области решила на избиение председателя колхоза за то, что та понуждала её работать. При этом она постоянно вела антисоветскую пропаганду, саботировала работу в колхозе. Как позже выяснилось, К. являлась дочерью старосты, расстрелянного красноармейцами. В результате ее привлекли к ответственности по п. 2 статьи 58–10².

Другие пособники использовали наступательную тактику, добиваясь льгот, полагавшихся пострадавшим от оккупации, жалуясь на притеснения со стороны правлений колхозов, и т. д. 23 февраля 1944 г. в Смоленский обком ВКП(б) поступило заявление от тяжелораненого бойца Красной армии З.³ Солдат утверждал, что его семья подвергается гонениям со стороны председателя колхоза. Проверка не подтвердила факты, изложенные в жалобе З. Семья жила неплохо, была обеспечена хлебом, квартирой, практически не работала в колхозе. Сестра З. не имела в колхозе ни одного трудодня, а сам З. до призыва в Красную армию во время оккупации жил дома, занимался сельским хозяйством и помогал немцам, работая у них кладовщиком⁴.

---

¹ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 291. Л. 21–38; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 936. Л. 51–53.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 143.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1697. Л. 14.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1697. Л. 14.

Были среди переживших оккупацию и те, кто не мог смириться с присутствием в своей жизни памяти о контактах с оккупантами, даже если они не носили добровольного характера. Наиболее страшным примером этого являлись убийства матерями своих детей, рожденных от немцев. С 1 января по 1 июля 1944 г. из 63 бытовых убийств Смоленской области 15 или 27% пришлось на этот вид преступлений¹. В Рославльском районе к концу 1943 г. произошло 22 убийства детей, рожденных от немцев. Гражданка Г. утверждала, что в Рославльском лагере, в котором она оказалась за связь с партизанами, её насильовали немцы и власовцы. После родов она решила убить ребенка. В итоге женщина была приговорена к 4 годам лишения свободы. Областной суд отменил этот приговор. Ф. подверглась насилию и забеременела. Родив, утопила ребенка. Нарсуд приговорил ее к 10 годам тюрьмы. Однако и в этой ситуации областной суд отменил приговор и назначил условный срок. Ф. намеревалась убить ребенка. Врач З. посоветовала, как быстрее это сделать. В итоге под следствием оказались обе женщины².

Как и ранее, наказывались коммунисты, пассивно ведшие себя на оккупированной территории или прислуживавшие немцам. В директиве УНКВД по Смоленской области предлагалось немедленно их арестовывать и вести следствие. В отношении тех коммунистов, которые прошли регистрацию, но не принимали никакого участия в работах коллаборационных органов, предписывалось проводить тщательное расследование без арестов, и дела на них готовить в особое совещание НКВД СССР³. Продолжали рассмотрение партдел на оставшихся на оккупированной территории бюро РК И ОК ВКП(б). Так, изучение к началу декабря 1944 г. 2 545 дел коммунистов Калужской области завершилось решениями об исключении из партии 1 656

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1481. Л. 110.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 92.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 936. Л. 10–11.

чел. (65,0%) и оставлениями с взысканиями 889 чел. (35%)¹. За 1945 год из 3 237 председателей колхозов области было отстранено, как скомпрометировавших себя, 132 чел., а 910 чел. были учтены, как проживающие на оккупированной территории². К 1948 г. при окончательном анализе дел выяснилось, что из 2 830 «пассивных» коммунистов, то есть тех, кто находился на оккупированной территории без спецзадания, исключили из партии 2 074 человека, что составило 73% всех рассмотренных дел³. В Хотынецком районе Орловской области из 116 председателей колхозов 99 чел. оставались на оккупированной территории. Из этого количества утвердили только 57 чел.⁴ В Клинецком районе Орловской области рассмотрели 42 персональных дела. Исключению из партии подверглись 24 чел., 18 чел. объявили строгие выговоры⁵. Из 210 кандидатов в председатели колхозов по освобожденному к осени 1943 года Смоленскому району партийные организации утвердили только 7, а остальные проверку не прошли⁶. С апреля 1942 по апрель 1944 г. партийные органы областного и районного уровней Смоленской области рассмотрели 3 234 персональных дела на коммунистов, остававшихся на оккупированной территории. 809 человек было исключено из партии. К тому же было отменено 131 оправдательное решение в отношении лиц, регистрировавшихся у немцев. Было оставлено в партии без взысканий 739 чел.⁷ По данным на 1946 г. на оккупированной территории Смоленской области без заданий оставался 4 761 коммунист, из числа которых было исключено из партии 1 737 чел. (36,4%), 756 чел. получили строгие выговоры⁸.

---

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 118. Л. 4–36.

² Горбачев О. В., Кометчиков И. В., Филимонов В. Я. История крестьянства Западного региона России. С. 55.

³ Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И. В. Кометчиков и др. Калуга, 2015. С. 220.

⁴ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 1091. Л. 25, 37, 50.

⁵ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 715. Л. 3.

⁶ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 169.

⁷ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1229. Л. 26.

⁸ Подсчитано: ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 90. Л. 1–6.

Пребывание на оккупированной территории могло сказаться и на карьерном росте. Наличие в семье человека, стремящегося сделать карьеру, родственников-изменников могло поставить на ней крест. Кандидатура кандидата в состав Чибисовского РК ВКП(б) Демина была снята, так как при рассмотрении дела выяснилось, что его брат являлся в Сосновском районе полицейским¹. Курьезный случай произошел с коммунистом Ф. Шевцовым. В период с октября 1941-го по март 1942 г. он был старостой в д. Марково, но с 1943 г. сложил с себя полномочия. Мало того, было известно, что Шевцов поддерживал связь с партизанами, информировал их. После освобождения в ходе проверки первичная партийная инстанция выступила за оправдание его действий и сохранения в партии, но категорически против был обком ВКП(б)².

Анализируя практику возмездия, нельзя не упомянуть и о факторах, осложнявших работу органов прокуратуры и НКВД этого периода. Нерешенной оставалась давняя проблема правоохранительной системы военного времени – несогласованность, слабое взаимодействие правоохранительных структур. Документы прокуратуры продолжали содержать сведения о превышении отдельными сотрудниками НКВД своих полномочий³. Со своей стороны, аппарат НКВД старался дистанцироваться прокурорских работников. Дело порой доходило до конфликтов. В Издешковском районе Смоленской области имели место случаи невыполнения работниками НКВД указаний прокурора. Так, начальник РО НКВД не захотел выполнить указание прокурора об освобождении задержанных, в действиях которых не имелось серьезного состава преступления. Из 88 чел., находящихся в заключении, 22 содержались незаконно, а начальник РО запретил допуск в КПЗ прокурора. Случай вызвал большой резонанс, начальник РО НКВД понес дисциплинарное взыскание.

---

¹ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 1091. Л. 25.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 90. Л. 43.

³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 381. Л. 19.

Нередки были случаи, когда прокурор района лично занимался выяснением причин несогласованных действий поднадзорных органов¹.

Не до конца была решена проблема недостаточной работы со свидетелями преступлений коллаборантов, частыми были нарушения требований процессуальных норм в виде превышения сроков рассмотрения дел. 19 февраля 1944 г. в УНКВД Смоленской области было возвращено на доследование дело по обвинению Х., которому вменялось в вину то, что, проживая в д. Самсоново Руднянского района, он добровольно поступил к немцам на службу. Работая в 1941–1943 г., он избивал местное население. По делу было заслушано всего два свидетеля, причем не было выяснено, при каких обстоятельствах Х избивал людей². Интересен случай с прекращением дела на Р., который являлся старостой, а позднее был мобилизован в Красную армию. При проверке прокуратурой выяснилось, что допрошенные свидетели имели с ним личные счеты, на что сотрудники органов не обратили внимания. В итоге часть обвинений с подозреваемого была снята³.

Нередко в период массового изъятия подозревавшихся в пособничестве гитлеровцам лиц, существенными недостатками страдали предварительные следственные материалы. Показания свидетелей были нередко очень общими, но они считались достаточными для того, чтобы дать делу ход. Когда же начиналось расследование, то выяснялось, что свидетель не был очевидцем преступного и знает об этом со слов тех, кого невозможно допросить⁴.

Пережившие ужас оккупации советские граждане, были склонны во всех зверствах наряду с немцами винить и их ставленников, не разграничивая степени их вины. По ряду дел несмотря на то, что устанавливалась непричастность обвиняемого по тому или иному эпизоду, свидетели

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1159. Л. 293.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 251.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1481. Л. 281.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 824. Л. 173.

утверждали, что он виновен, называли конкретные обстоятельства и обличали на очной ставке. При тщательном же допросе они утверждали иное и выяснялись противоположные друг другу факты. Проверять показания ввиду загруженности по работе решались немногие сотрудники органов¹.

Продолжала хромать и теоретическая подготовка сотрудников. Из-за нерешенности кадрового вопроса некоторые работники аппарата органов НКВД даже к 1943 году не имели опыта расследования спецдел, а курирование их работы руководством НКВД было очень слабым². Это приводило к процессуальным нарушениям. Так, 29 декабря 1944 года в РО НКВД прокуратурой было возвращено дело по обвинению З. по ст. 58–3 и 58–10. По материалам дела усматривались прямые факты его предательских действий по отношению к партизанам, однако РО УНКВД почему-то квалифицировал действия обвиняемого как пособника. В результате дело было возвращено на доследование³.

Процессуальные нарушения растягивали сроки рассмотрения дел, подследственные находились в КПЗ сверх срока, а в некоторых случаях даже без санкций прокурора, что также вело к нарушению законодательства. В ноябре 1944 года в Ершичском районе Смоленской области 64% дел были рассмотрены с нарушением норм уголовно-процессуального кодекса в срок свыше 2 месяцев⁴. В Издешковском районе из 266 чел. задержанных 153 чел. были впоследствии освобождены⁵.

Были случаи халатного отношения сотрудников к своим обязанностям. Некоторые сотрудники органов прокуратуры открыто обсуждали материалы дел, высказывали пораженческие настроения, небрежно относились к следственным материалам. Доходило до того, что на работу в органы

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 824. Л. 173, 175; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1854а. Л. 157.

² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 984. Л. 154–162.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 251.

⁴ Там же.

⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1159. Л. 292.

принимали людей с сомнительным прошлым. Так, помощником секретаря в кадровый отдел прокуратуры Смоленской области была принята родственница пособника А.¹ В ряде случаев имело место грубое вмешательство первых секретарей райкомов ВКП(б) в дела органов госбезопасности и прокуратуры, сотрудников которых отрывали от работы и заставляли заниматься хозяйственной деятельностью в качестве уполномоченных райкомов, угрожая партвзысканиями². Это снижало качество следствия.

Слабой продолжала оставаться и материальная часть. До 7 сентября 1944 года только что сформированная прокуратура Калужской области не имела даже своего помещения. Отдел облпрокуратуры располагался в здании горпрокуратуры. Штат был укомплектован наполовину, из которого 80% сотрудников было сразу откомандировано в районы, уголовно-судебный отдел состоял только из начальника. Не имела областная прокуратура и транспорта³. Однако даже в таких условиях правоохранные органы провели колоссальный объем работы по поиску и выявлению коллаборантов.

Военная прокуратура Белорусского военного округа, сформированная в ноябре 1943 г., при организации нового округа в связи с освобождением Смоленской области РСФСР, Витебской, Могилевской, Гомельской, Полесской областей БССР и началом очищения освобожденных районов от лиц, совершивших государственные преступления, составила подробный отчет о работе со спецконтингентом. В нем учитывались гражданские лица и военнослужащие, которые по тем или иным причинам оставались на оккупированной территории и оказывали помощь гитлеровцам: агенты разведок, ставленники противника, отличившиеся особой активностью, предатели из лиц, не занимавших крупных постов, но оказывавших оккупантам значительные услуги. С 15 ноября 1943 г. по 1 июля 1944 года в производстве

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 944. Л. 72.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1159. Л. 482–483.

³ Во имя закона и справедливости. История Калужской прокуратуры. Калуга, 2002. С. 26.

следственных отделов УНКГБ, УНКВД, СМЕРШ было 1 226 следственных дел специальной подсудности. Абсолютное большинство дел расследовалось УНКГБ по Смоленской области и его структурами, незначительное количество расследовалось органами НКГБ и лишь отдельные дела – контрразведкой СМЕРШ. Всего по ст. 58–1а расследовалось 947 дел, по ст. 58–1б – 274¹. 77% дел были возбуждены в отношении гражданских лиц, а остальные 23% касались военнослужащих Красной армии. Из общего количества оконченных дел по подсудности направлено всего 626 дел (63%), прекращено 361 дело или (37%). Процент прекращенных из всего производства дел составляет 30%, что является достаточно большим и превосходит процент оправданий в период с 1941–1942 гг.

Военный трибунал вынес приговоры по 454 делам на 579 человек. 27 дел были возвращены на доследование или завершились оправдательными приговорами. По характеру преступлений 615 чел. виды пособничества распределяются таким образом: на старост деревень было заведено 173 дел, на старост общин – 5 дел, на бургомистров волостей – 48 дел, на бургомистров городов – 1 дело, на начальников волостной полиции и полицейских отрядов – 32 дела, на полицейских – 223 дела, на предателей, не занимавших официальных должностей – 57, на агентов врага – 45, на военнослужащих войск противника – 4, на начальников отделов рай- и горуправ – 9². Приведенные данные говорят о многообразии форм пособнической деятельности, однако среди осужденных было очень мало пособников из руководящего состава коллаборационной администрации. В большей степени было представлено среднее и низовое звено ее сельского аппарата, нежели городского. Практически нет представителей областных учреждений.

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 291.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп.1. Д. 1487. Л. 291.

Расследование установило, что значительная часть руководящего звена бежала вместе с немцами, так как пользовалась их особым доверием, отличалась активностью по службе и преступным характером действий по отношению к мирному населению. Другая незначительная часть была расстреляна самими немцами при отходе, и, наконец, отдельные лица, хоть и оставались на освобожденной территории, но не преследовались в связи с помощью партизанам, населению и Красной армии¹.

Наибольшее количество осужденных составили полицейские. Из 615 чел. осужденных в полиции служили 276 чел. или 45%. Должностное положение их было различным: среди них были начальники волостных учреждений, полицейских отрядов, однако преобладал рядовой состав полиции из сельских местностей. Совершенно мало среди привлеченных было работников сыскных отделов.

Большинство рассмотренных в конце 1943 – первой половине 1944 г. дел, завершившихся обвинительными приговорами, отличалось от дел коллаборантов, расследованных в начальный период войны, указанием конкретных составов преступлений, а не простого факта пребывания лица в услужении гитлеровцев. Многочисленными были примеры того, когда лица, занимающие незначительные должности, совершали преступления значительнее по своим последствиям. 11 февраля военный трибунал Белорусского Военного округа признал виновным в измене Родине С. М. П., 1884 г.р., уроженца д. Анастасино Касплянского района Смоленской области, русского, беспартийного, малограмотного и приговорил его к высшей мере наказания. Следствием было установлено, что П., проживая на оккупированной территории, работал старостой, лично предал карательному отряду 7 человек, связанных с партизанами, которых немцы расстреляли. Вместе с карателями П.

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 294.

при аресте избивал советских граждан¹. Районным отделением НКГБ был арестован и привлечен к ответственности за измену Родине секретарь Спас-Деменского районного комитета ВЛКСМ С. Было установлено, что С. перед оккупацией города получил от секретаря РК ВЛКСМ задание – вместе с группой комсомольцев влиться в партизанский отряд и вести подрывную работу в тылу врага. С. в условленное место не пришел, группу распустил и, оставшись легально проживать на данной территории, поступил на службу к немцам в гестапо. Особым совещанием при НКВД СССР С. был осужден к 8 годам ИТЛ². В феврале 1944 г. военным трибуналом Белорусского военного округа был осужден бывший член ВКП(б) и директор Стодолищенского МТС Н., который при отходе наших войск не эвакуировался в тыл страны и остался проживать на оккупированной территории. С приходом немцев поступил на прежнюю должность директора МТС, на которой пробыл до прихода частей Красной армии. В течение 2 лет Н. восстанавливал хозяйство МТС, руководил её деятельностью и, кроме того, занимался предательством. Н. был осужден к ссылке на каторжные работы на срок 20 лет³. Работавший до оккупации председателем колхоза Ц. был осужден к 15 годам каторги за активную службу у немцев в должности старосты деревни и предательство советских патриотов⁴.

Однако общие итоги не выглядят столь пугающими. Из 615 чел., осужденных за 6 месяцев 1944 г. по Смоленской области, военным трибуналом было осуждено 579 чел., Особым совещанием при НКВД – 36 чел. По делам, рассмотренным военным трибуналом, 359 чел. были приговорены к 10 годам ИТЛ, 29 чел. – от 5 до 10 годам, 112 чел. получили различные сроки каторги, на лечение был направлен 1 чел. Особое Совещание было более гуманно: на срок

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 295.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 297.

³ Там же.

⁴ Там же.

10 лет ИТЛ было осуждено 5 чел., на 8 лет ИТЛ – 13 чел., от 5 до 7 лет ИТЛ – 17 чел., 3 года ИТЛ – 1 чел.¹

Как видно, за полгода прекращено производством 361 дело (37%) из оконченных 626 дел, были освобождены из под стражи 391 чел.² Значительная часть прекращенных дел возникла в первые дни после освобождения Смоленска и районов, то есть до того, как последовало указание НКВД и НКГБ СССР от 11 октября 1943 г. о подлежащих аресту лицах, состоявших на службе у немцев. За март – апрель 1943 года из 149, проходящих проверку семей изменников Родины, прокуратура Тульской области предложила Особому совещанию не репрессировать 88 семей по причине наличия в составе этих семей лиц, честно проходивших службу в Красной армии. В апреле 1943 года прокуратура области внесла около 15 представлений об отмене приговоров по их высылке³.

Таким образом, если в начале войны аресты административных коллаборантов зачастую производились в зависимости от нахождения лица на ответственных должностях у оккупантов, а не по тому, что конкретно им было совершено в услужении врагу, то в последующем такой практики на Западе РСФСР не допускалось. Часть арестованных призывного возраста и с незначительными составами преступлений была освобождена в ходе следствия и направлена для дальнейшей фильтрации в спецлагеря НКВД СССР или строевые воинские части для прохождения службы на фронте согласно директиве от 11 октября 1943 г. Таких дел насчиталось 119 в отношении 131 чел. или 33% из общего числа задержанных⁴.

В большинстве случаев по прекращенным делам имелись все основания для ареста и возбуждения уголовного преследования, но в процессе следствия выяснялись новые обстоятельства, устанавливалась невиновность

---

¹ Там же. Л. 298.

² Там же. Л. 300.

³ ГАТО. Ф. Р-3484. Оп. 2. Д. 12. Л. 9 об, 16.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 300.

подозреваемых, что давало основания дела прекращать. Представляется актуальным рассмотреть эти основания. По ряду дел следствие установило, что обвиняемые действительно находились на ответственных должностях в «русской администрации», проводили пособническую деятельность, но в то же время оказывали существенную помощь партизанам, саботировали мероприятия оккупантов, спасали граждан. Например, в конце 1943 г. был арестован и привлечен к уголовной ответственности бывший старшина Леоновской волости Смоленской области Л. Он обвинялся в пособнической деятельности, участии в арестах советских граждан и в операциях против партизан. Он категорически отверг обвинения в предательстве и назвал ряд лиц, могущих это подтвердить¹. Проверка показала, что в 1942 г. Л. укрывал у себя раненого партизана, выдавал документы, позволяющие беспрепятственно проживать на территории волости. По ходатайству Л. было освобождено 15 человек – партизан из Рославльского лагеря. Все освобожденные после прихода частей Красной армии были признаны в армию. В 1941 г. он предоставил ночлег командиру партизанского отряда, передал ему автомат и пистолет. Таким образом, факт службы Лесникова немцам был признан недостаточным для предания его суду².

Среди освобожденных из-под стражи лиц были и такие, кто своим последующим поведением искупил свою вину перед Родиной. Например, по обвинению в измене Родине был арестован и привлечен к ответственности бывший военнослужащий Карпеченков, который служил полицейским и старостой деревни, проводил активную пособническую деятельность и даже участвовал в облаве на партизан. При проверке его последующей деятельности выяснилось, что после изгнания немцев Карпеченков скрыл факты своей биографии, был призван в Красную армию и в бою одним из первых бросился в

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 301.

² Там же. Л. 301.

атаку, в рукопашной схватке лично уничтожил 3 немцев, за что получил медаль «За отвагу». Карпеченков был направлен для дальнейшего прохождения службы¹. Подобным решением закончилось и дело бывшего старосты д. Семеновщина Смоленской области Козлова, которого следствие уличило в контрреволюционной агитации и дезертирстве из рядов РККА². По другим данным только по Суземскому району Брянской области в Красную Армию было отправлено «искупать вину» около 1 000 чел. бывших старост и полицейских³. С 5 июля по 15 августа 1943 года в полосе Центрального фронта оперативными отделами «Смерш» 13-й, 48-й, 70-й армий было задержано 1 850 чел., из которых аресту подверглись всего лишь 131 чел. (114 из них были бывшие полицейские, старосты и служащие управ). Остальных же задержанных отправили на фронт⁴.

Правоохранительные органы старались пресекать любые случаи самосуда в отношении коллаборантов. В ходе служебной проверки подвергся аресту младший лейтенант Велижского РО НКВД, кандидат в члены ВКП(б), за незаконное содержание подозреваемых под стражей и их избивание. Военный трибунал войск НКВД приговорил его к 7 годам лишения свободы без поражения в правах и с лишением звания⁵. Были арестованы бывшие партизаны Е. и С., устроившие расправу с лицами, подозреваемыми ими в предательстве в годы оккупации⁶. Незаконные расправы бывших партизан имели место и в отношении родственников пособников. В соседней Калининской области произошел ряд случаев самосуда, пресеченных органами НКВД и прокуратуры. Несколько человек из числа бывших партизан были арестованы⁷.

---

¹ Там же. Л. 302.

² ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5с. Д. 106. Л. 113.

³ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 285. Л. 46.

⁴ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, В. С. Христофоров. М., 2003. С. 140.

⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1487. Л. 302.

⁶ ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5с. Д. 85. Л. 32; ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5с. Д. 85. Л. 34.

⁷ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 638. Л. 1.

Справедливости ради стоит отметить, что процессуальные ошибки к концу войны постепенно исправлялись, что было связано с улучшением кадрового состава органов, улучшением организации их работы. Уже ко второму кварталу 1945 года сроки рассмотрения дел в УНКВД Запада РСФСР в целом становятся процессуально выдержанными: в Смоленской области 92% спецдел было рассмотрено в срок до 2 месяцев. В другом случае, прокурор Велижского района Смоленской области Кожевников при своем активном участии освободил из-под следствия 58 чел., найдя процессуальные нарушения в ходе расследования¹. К 1949 году задержка не превышала 15–20% всех рассмотренных дел². Работа органов прокуратуры в целом также все реже вызывала нарекания³.

Часть административных коллаборантов выявлялась при прохождении процедуры фильтрации репатриированным населением. К моменту освобождения советской территории в августе 1944 г. было принято постановление ГКО «Об организации сети проверочно-фильтрационных пунктов, расположенных в пограничной зоне», деятельность которых сводилась к проверке лиц, оказавшихся за пределами своей местности и возвращавшихся на Родину. На проверяемого заводилась анкета, содержащая ряд вопросов общего характера, на которые он должен был ответить: а) биографические данные; б) политические (партийность); в) причины, по которым репатриант оказался за границей); г) служил ли он в формированиях немцев, кого из пособников гитлеровцев мог назвать. С помощью этих вопросов было трудно выявить активного коллаборанта, но, если репатриант вызывал подозрения, его биография перепроверялась, привлекались показания о нем других людей. Изучение фильтрационных дел дает возможность представить самые общие черты облика репатриированных: их социальный состав, степень лояльности к

---

¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1854а. Л. 294.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 824. Л. 173–180.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1854. Л. 157–159.

власти, отношение к оккупантам. Так, при ответе на вопрос «Кого знаете из пособников?» почти все проверявшиеся отвечали «Никого не знаю», «сам с врагом не сотрудничал», «в карательных органах не допрашивался». Так, по данным из фондов ГАДНИКО, на работы в Германию с территории Калужского края был вывезено 233 663 чел. На 25 ноября 1945 г. было репатрировано 158 294 человека¹.

Чаще всего опросники репатриантов позволяли выявить только самые известные и открытые формы предательства. В отношении большинства репатриированных долгое разбирательство не велось, и они проходили эту процедуру. Гражданин А. М. Изюмов 1928 г. р., беспартийный, имевший четырехклассное образование, на допросе рассказал, что в августе 1943 г. был насильно угнан в Германию, где работал в строительном батальоне. В Германии, получив ранение в плечо, лечился в военном госпитале. В октябре 1944 г., спустя 2 месяца, был выписан из госпиталя и отправлен на легкие строительные работы в лагерь. Проверочно-фильтрационная комиссия решила направить Изюмова по месту жительства².

Примерно так же закончилось рассмотрение дела другого репатриированного: И. Г. Новиков, 1922 г. р., беспартийный, в 1941 г. попал в плен под Лугой, около 3 лет проработал фельдшером в немецком лагере. На допросе Новиков отметил, что к ним в лагерь приезжали пропагандисты РОА, но он их пропаганде не поддавался. На вопрос дознавателя о своей дальнейшей судьбе Новиков заявил, что отправится туда, куда его направят, так как не знает, где его родные, подчеркнув, что хотел бы служить в армии. Удивительным оказалось решение комиссии: «Направить в Управление военного комиссариата для призыва. Материал сдать в УНКВД»³.

---

¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 266. Л.15.

² ГАДНИКО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 199. Л. 4.

³ Там же. Д. 129. Л. 16.

Подобные решения выносились даже в отношении лиц, родственники которых являлись активными коллаборантами. Так, брат репатрианта В. Д. Проманенкова служил в немецкой полиции, а его отец и средний брат – в Красной армии. Решение комиссии в отношении Проманенкова гласило: «Предательской деятельности не обнаружено. Направить по месту жительства»¹. Муж П. К. Клевцовой, 1915 г. р., беспартийной, работал полицейским в одной из деревень Спас-Деменского района. Ее саму он устроил работать на немецкую кухню. При отступлении семья ушла с немцами. С октября 1944 г. Клевцова работала прачкой в прифронтовых немецких частях. Нашлись свидетели, которые видели, как ее муж конвоировал людей и изымал продукты для немецкой армии. Однако дело самой Клевцовой передали в архив УНКВД, ограничившись взятием ее на оперативный учет².

Были среди коллаборантов, бравшихся на учет властью, и явно незаслуженно репрессированные. Так, один из калужан военного поколения свидетельствовал в послевоенные годы: «У Виктора не было отметки в паспорте. Пошел к одному полицейскому в управу. Он жил недалеко, необразованный мужик. Семья у него 8 человек, которая голодала. Видимо, за этот кусок хлеба он и пошел в полицию. Это был «наш» полицейский. Он нам помогал, скрывал красноармейцев, предупреждал об облавах. Однажды он поставил на домах крестики и эти дома немцы обходили. Этот полицейский помог Виктору с документами. Но судьба, у него, насколько я знаю, трагична. Когда пришли наши солдаты, его расстреляли за измену...»³.

Неоднозначным было отношение населения к пособникам после освобождения от оккупации. С одной стороны, все знали, что эти люди работали на немцев, участвовали в проведении оккупационной политики. С другой, многие помнили, что от лояльного отношения чиновников

---

¹Там же. Д. 77. Л. 7.

² ГАДНИКО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 128. Л. 7–13.

³ ГАДНИКО. Ф. 7698. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.

оккупационной администрации, полицейских могла зависеть их жизнь и жизнь родных и близких. Однако при бесчеловечном отношении к местному населению, партизанам, воинам Красной армии предателя запоминали и часто сурово называли при первой же возможности. Такой, например, была участь полицейских д. Слобода Хвастовичского района, выдавших немцам советского летчика¹. Присутствовало и нейтральное отношение населения к коллаборантам, как к одному из старост из Спас-Деменского района. Свидетели указывают, что этот человек работал на немцев, но о его активной предательской деятельности им было ничего неизвестно².

Стоит отметить, что зачастую проверку не проходили лица, не занимавшие крупные должности в административно-карательных структурах нацистов или активно проявившие себя на службе оккупантам. Согласно директиве НКВД 1944 г. формально они не подлежали привлечению к уголовной ответственности, однако при тщательном разборе дела такой контингент мог быть привлечен к ответственности³. Фамилии же средних и крупных управителей следственным органам были известны заранее, и многие из них задерживались уже на первых этапах выявления коллаборантов при освобождении той или иной местности. Н. П. Засухин в период временной оккупации немецкими войсками Боровского района был назначен заместителем городского головы г. Боровска, активно содействовал оккупантам в установлении своих порядков. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 9 января 1943 г. на основании ст. 58 п. 1 «а» УК он был заочно приговорен к расстрелу. По возвращению Засухина на родину постановление было приведено в исполнение. Уже в постсоветское время было выявлено, что

---

¹ ГАДНИКО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 192. Л. 2.

² ГАДНИКО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

³ Наумов В. Л. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 98.

следствие прошло с нарушением процессуальных норм и в 1991 г. Засухин был посмертно реабилитирован¹.

Те из репатриантов, кто не смог пройти проверку, получали статус спецконтингента и попадали в созданные для них специальные проверочно-фильтрационные лагеря. Всего на 1 января 1946 г. в проверочно-фильтрационных и исправительно-трудовых лагерях насчитывалось 228 018 чел. В Калужской области был организован Тарусский проверочно-фильтрационный лагерь № 328, в котором работало на различных работах 366 чел.² В Тульской области существовало два проверочно-фильтрационных лагеря: № 283, обеспечивающий рабочей силой шахты Подмосковского угольного бассейна (комбинат «Москвауголь»), и спецлагерь № 0308 для обслуживания комбината «Тулауголь». По подсчетам современных исследователей, удельный вес в этих лагерях спецконтингента (пособников и карателей) к 1945 году составлял примерно треть всех заключенных. В лагере № 0308 из 9 726 человек арестованных 3 026 являлись бывшими старостами, старшинами, полициями и другими контрреволюционными элементами. В спецлагере № 283 из 24 263 человек к такой категории относилось 9 874 чел., что составляло 40,7%³.

А. В. Латышев в своей работе описывает случаи неуставных отношений в Тульском ПФЛ, когда проверяемые обменивали выданную им в качестве премии водку на продукты у охраны. Отмечены автором и случаи половых сношений между охраной и обитателями лагеря. В том же Тульском ПФЛ были установлены неоднократные случаи издевательств, вымогательств вещей и продуктов у спецконтингента со стороны охраны. Неоднозначными являлись

---

¹ ГАДНИКО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 176. Л. 9.

² Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/014/251/1217/002Zemskov.pdf> (дата обращения: 16.12.2018).

³ Клочков А. Н. Деятельность специальных лагерей НКВД СССР на территории Тульской области в 1941–1946 годах // Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сборник материалов международного научно-общественного форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в 2 томах. Т. 1. Тула, 2015. С. 166, 167, 169.

отношения и с лагерным начальством. Ряд начальников были замечены в пренебрежительном отношении к проверяемым, неоднократном превышении по отношению к ним своих полномочий. Так, в Сталиногорском лагере спецконтингент поголовно обзывали предателями, бандитами. По воспоминаниям заключенных, начальник одного из лагерных отделений был «похож на садиста»: сокращал пайки, увеличивал нормы выработки, изымал продукты из фондов снабжения спецконтингента¹. С другой стороны, ряд руководящих работников не потеряло человеческое лицо и старалось помочь заключенным лагеря. Начальник санитарного отдела Тульского ПФЛ старалась спасти истощенных людей от непосильного для них труда. Занимавший ту же должность в Подлипкинском лагере, оставлял на легкой работе заключенных, имевших порок сердца².

В отношении прошедших фильтрацию лиц центральная власть предписывала проводить пропагандистскую работу, трудоустраивать, помогать в размещении и строительстве жилья³. Но, как показывает практика, ввиду сложной военной обстановки, бюрократической халатности, да и просто предвзятого отношения местной власти подобные мероприятия исполнялись не всегда. В докладной записке отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову таким образом описывалось положение вещей, связанное с репатриацией: «На приемно-распределительном пункте в г. Сухиничи Смоленской области общежитие для репатриированных совершенно отсутствует; нет также столовой, и репатриированные не получают никакого питания за исключением 500 г хлеба в день. В г. Людиново вернулось 148 репатриированных граждан, в пос. Сукремль Людиновского района – 64 человека. Заводы, расположенные в этих населенных пунктах, нуждаются в

---

¹ Латышев А. В. Отношение сотрудников НКВД и работников промышленности к узникам фильтрационных лагерей (1942–1945 гг.) // Новейшая история России. 2019. № 3. С. 600–602.

² Там же. С. 600.

³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 118. Л. 15. ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 1091. Л. 98, 100.

рабочей силе, но репатриированных на эти работы не берут, ожидая присылки пленных немцев...»¹.

Порой сами местные власти не знали, как отнестись к данному контингенту и как расходовать выделенные на его обустройство средства. Так, из беседы с председателем Сухиничского райисполкома Макаровым выяснилось, что в районе имеется 1,5 тонны семенного картофеля, 10 кг огородных семян, 2 тыс. руб. для оказания материальной помощи особо нуждающимся репатриированным семьям, но все это не использовано, так как руководители районных организаций не знают, кому конкретно надо оказывать помощь. Думиничскому райисполкому была отпущена для оказания помощи сумма в 20 тыс. руб., но израсходовано на прибывших только 1 750 рублей².

П. М. Полян отмечает, что наиболее подозрительно власти относились к репатриированным лицам, обосновавшимся в городах, так как у тех было стремление проявить себя в жизни. Причем, это касалось как и обычных репатриантов, так и отбывших срок коллаборантов³. Дочь осужденного старосты М. Г. Афиногенова рассказывала: «Отца посадили на 5 лет. В лагере под Рыбинском он вязал рыболовные сети. Отпустили по амнистии через два или три года. Обвинение сняли и реабилитировали за отсутствием преступления. Пришел домой еле живой. Но жить было негде. Все от нас отвернулись. Мы просили ссуду на дом. Не давали. Чем, говорили, будете возвращать? Чем? – работой, разумеется. В конце концов, Калуга дала разрешение на 7 тысяч, купили старенький домик на улице Молокова, достраивали его, вернуть пришлось 8...»⁴. В похожем духе описывала тяготы своей послевоенной жизни дочь осужденного Л. Е. Виноградова: «Моя жизнь прошла под знаком «враг народа». В детстве и юности натерпелась

---

¹ Советская жизнь. 1945–1953. С. 370–371.

² Там же. С. 372.

³ Полян П. М. Жертвы двух диктатур. С. 559.

⁴ Воспоминания М. Г. Афиногеновой [Электронный ресурс]. Сайт «По ком звонят боровские колокола». URL: <http://www.borovsk-repression.ru/?article=2&id=42> (дата обращения: 13.12.2018).

издевательств. Впала в истерику, когда на собрании отказали в приёме в комсомол. В институте декан говорил мне: «Что-то не пойму я твою политическую физиономию...»¹. Более спокойно относились к людям в сельской местности. Пожалуй, это могло быть связано с низкой динамикой жизни в деревне. Хотя и здесь могли быть случаи подозрительного отношения, особенно если репатриант или бывший коллаборант смог восстановиться в партии².

Подводя итог, можно отметить, что по завершении войны наказание коллаборантов часто зависело от времени и обстоятельств их выявления как таковых. Самосуды над ними, жесткие меры со стороны органов НКВД и НКГБ, контрразведки «Смерш», подразделений Красной армии часто случались сразу после освобождения той или иной территории от оккупантов, а также в первые годы войны в связи с идеологизированностью политики возмездия, объективными трудностями в работе органов правопорядка, общим озлоблением населения на коллаборантов. Многие зависело и от личности следователя, его моральных и профессиональных качеств. Подобные сигналы заставляли руководство страны совершенствовать практику расследования дел коллаборантов.

Вопреки некоторым альтернативным мнениям³, можно согласиться с точкой зрения В. Н. Земскова о том, что на практике не существовало устоявшейся системы возмездия репатриантам, как не было и расстрельных списков, количество репрессированных среди них было небольшим, да и те привлекались за значительные преступления¹. Наиболее радикальным проявлением настороженности власти по отношению к репатрианту в большинстве из изученных нами случаев более чем трехсот проверочно-фильтрационных дел была формулировка: «Взят на учет НКВД». Довольно

---

¹ Там же.

² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 90. Л. 43.

³ Александров К. М. Репатриация советских граждан после Второй мировой войны: к истории изучения // Вестник российского государственного гуманитарного университета, 2013. С. 231–245.

тщательно проверяли лиц, служивших в военизированных формированиях врага, а в целом, по утверждению И. В. Говорова, для гражданских (преимущественно для детей, женщин, престарелых) лиц фильтрация носила довольно скоротечный характер². А. Р. Дюков отмечает уровень прохождения проверок до 80–92 % к концу войны³. С такими подсчетами согласен и К. Н. Максимов, отмечающий, что из учтенных в августе 1946 года 5,7 млн. репатриантов, успешно прошли процедуру и вернулись домой 5,3 млн. человек⁴. Из общего количества рассмотренных проверочно-фильтрационных дел 58% были завершены возвращением репатрианта по месту жительства, 19% – призывом в армию, 15% – отправкой в трудовые батальоны, лишь 7% – отправкой в распоряжение НКВД⁵. Однако, даже вернувшись домой, репатриированные испытывали недоверие местных властей⁶.

Это касалось и общих итогов задержанных коллаборантов. Так, по 27 районам Калужской области к 31 декабря 1944 года за сотрудничество с оккупантами органами НКГБ было арестовано и предано суду 6 272 чел., в том числе 152 агента немецких разведорганов. В Калуге данный показатель составил 650 чел., в Сухиничском районе – 647 чел., в Дзержинском районе – 457 чел. Из 1 182,3 тыс. чел проживающих до войны в области к концу 1944 года за коллаборационизм и другие подобные преступления было привлечено около 0,53 % довоенной численности населения⁷. Стоит отметить, что

---

¹ Земсков В. Н. К вопросу о судьбе советских репатриантов // Политическое просвещение. 2011. № 1 (60). С. 12–17.

² Говоров И. В. Фильтрация советских репатриантов в 40-е гг. XX вв.: цели, методы, итоги. [Электронный ресурс]. URL: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1287429593&archive=1398261453&start_from=&ucat=& (дата обращения: 20. 11. 2018).

³ Дюков А. Р. Милость к падшим. С. 32–33.

⁴ Максимов К. Н. Репатриация советских граждан, угнанных фашистами в рабство в годы великой отечественной войны // Oriental Studies (Вестник КИГИ РАН). 2018. № 2. С. 74.

⁵ Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/014/251/1217/002Zemskov.pdf> (дата обращения: 16.12.2018).

⁶ Максимов К. Н. Указ. соч. С.76. Говоров И. В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР 1944–1949 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

⁷ Суровые сороковые... С. 243.

относительно низкий показатель учтенных активных коллаборантов отмечается и в соседней Смоленской области, составляющий около 12 тыс. чел. Всего в период с 1942 по 1950 год органами НКГБ Смоленской области было арестовано 11 969 человек, из которых на период 1942 по 1945 приходилась основная масса – 9 347 чел.¹ По мнению Д. Е. Комарова, в момент оккупации Смоленской области лишь 12% населения пошло на активное взаимодействие с оккупантами². Похожие цифры встречаются и на примере Курской области, где органами безопасности на 1 октября 1943 года было привлечено к ответственности 13 552 человек³.

После смерти Сталина началась массовая реабилитация. Под этот процесс попали и бывшие представители «русской администрации». Только в 1956 году в прокуратуру Смоленской области от родственников лиц, репрессированных в годы войны, было отправлено 1 314 заявления о пересмотре уголовных дел. Как правило, в то время дела по этим заявкам рассматривались довольно быстро (в течение 3-х дней) и ходатайства часто удовлетворялись. Из первых 295 дел о реабилитации, переданных в прокуратуру, в ней было отказано лишь в одиннадцати случаях⁴.

Всего же, по данным И. П. Щерова, с 1941 по 1945 гг. в СССР только военными трибуналами было осуждено 994 270 коллаборационистов. Из них к расстрелу было приговорено 157 593 человека⁵. По данным немецких специалистов, к этой цифре необходимо прибавить еще около 200 тыс. чел., потерявших жизнь в ходе внесудебных расправ красноармейцев или партизан.

¹ Кометчиков И. В. «На то я чекист, чтоб обвести райком партии»: как поссорились первый секретарь райкома и начальник райотделения госбезопасности (Смоленская область, 1945–1946 годы) // Новый исторический вестник. 2019. № 2 (60). С. 78.

² Комаров Д. Е. Население оккупированных территорий: между коллаборационизмом и сопротивлением (на материалах Смоленской области) // Приволжский научный вестник (Ижевск). 2012. № 10. С. 36.

³ Богданов С. В., Мартынов Б. С. Психология предательства: мотивация активного коллаборационизма на территории Курской области в 1941–1943 годах (по материалам архивно-следственных дел КГБ СССР) // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 40.

⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 290. Л. 198.

⁵ Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации. Смоленск, 2005. С. 381.

По данным О. Б. Мозохина, количество приговоренных к высшей мере составляет в два раза меньше подсчетов Щерова и насчитывает 97 563 человека¹. К тому же он отмечает важную черту динамики политики возмездия – сокращение численности приговоренных к смертной казни коллаборантов к концу войны. В частности, исходя из сведений, собранных автором в таблице 4 приложения, это касалось старост, рядовых полицейских, которым со стороны государства предоставлялась возможность искупить свою вину работой в тылу или на фронте. Однако также стоит заметить, что по партийной линии никаких послаблений не наблюдалось, и лицо, скомпрометировавшее себя, лишался перспектив членства в партии и карьерного роста.

Относительно мягкие наказания или же оставление фактов мелкого пособничества врагу без последствий для бывшего коллаборанта стало нарастать в ходе более тщательного рассмотрения дел в послевоенное время, а также в завершение войны с появлением дополнительных нормативно-правовых актов разъяснительного характера и накопления сотрудниками органов правопорядка опыта расследования подобных дел. Некоторые пособники гитлеровцев получили шанс на смягчение приговора, некоторые явные предатели и вовсе смогли замести следы или скрыться от ответственности.

К концу войны советское государство осознавало неединичный характер проявления коллаборционизма в сельской местности, различало его прямые и косвенные формы. Это подтверждается материалами таблиц № 4 и 6 приложения. Действительно, можно сказать, что произошла серьезная коррекция подхода к наказанию пособников, он стал отличаться своей дифференцированностью, сочетая в себе как жесткие меры, так и послабления. Как и раньше, под удар попадали самые главные, самые активные и убежденные коллаборанты. Как и раньше, имели место нарушения в ходе

---

¹ Мозохин О. Б.: Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953 гг.). М., 2018. С. 217–259.

привлечении к ответственности отдельных лиц и целых социальных групп. Однако стоит заметить, что государство даже в условиях войны, насколько это было возможно, старалось не допускать произвола, вырабатывало общие принципы расследования дел коллаборантов и выстраивало систему привлечения их к ответственности.

Заключение

В диссертации ставилась цель изучить противоборство патриотических сил и советского государства проявлениям административной формы коллаборационизма в западнорусской деревне в годы Великой Отечественной войны.

Планы по созданию на оккупированной территории административных органов начали осуществляться гитлеровцами с начала их вторжения в СССР. Отдавая оккупированные территории западной РСФСР в подчинение армейского руководства, верхушка Третьего рейха не могла не понимать, что удержать значительную территорию без помощников из числа местного населения не удастся. Поэтому в скорейшем порядке началось сколачивание органов так называемой «русской администрации». Первоначально они создавались на селе бессистемно по ходу продвижения вермахта на восток, прежде всего в крупных населенных пунктах. Вопреки расхожему мнению о скоротечности образования «русской администрации», лишь к концу 1941 года в связи умиротворением оккупированной территории Запада РСФСР, также из-за затяжного характера войны гитлеровцами был сформирован более или менее разветвленный аппарат, подразделявшийся на окружные, районные, волостные и общинные структуры управления. С конца 1941 – начала 1942 г. началось постепенное осуществление ими своих функций по снабжению немецкой армии продовольствием и обеспечению «нового порядка».

Для скорейшего подбора кадров гитлеровцы использовали практически любой, лояльный им контингент, исключая расово «недостойных» евреев и цыган, в виду чего в органах «местного самоуправления» оказались люди с совершенно различной мотивацией. В противовес установкам советской пропаганды, а также принципам нацистской идеологии на работу в оккупационные органы привлекались представители всех категорий населения с

любыми политическими воззрениями за исключением евреев и цыган. Наиболее подходящими для такой работы гитлеровцы считали кандидатов с хорошими организаторскими способностями, профессиональными знаниями, опытом руководящей работы, желательно – убежденных антисоветчиков. Ввиду этого в управленческих структурах оккупационной власти имелось немалое количество лиц из числа советской интеллигенции. Гитлеровцы активно привлекали к сотрудничеству и лиц, обиженных на советскую власть, подвергавшихся репрессиям. В ряде случаев заметно наличие в аппарате органов самоуправления бывших представителей коммунистической партии. Что же касается наличия уголовного или так называемого классово-чуждого элемента в лице бывших кулаков или белоэмигрантов, то их количество в изучаемом регионе не являлось значительным. Одним гитлеровцы не доверяли, других опасались.

Подбор кадров прислужников отличался друг от друга на разных ступенях административной иерархии. Как правило, на должности старост и волостных старшин назначались лица, знакомые с ведением сельского хозяйства – бывшие агрономы, председатели колхозов, а также пользующиеся авторитетом у местного населения крестьяне. Должности средних и высших звеньев аппарата – бургомистры районов и округов – в большинстве занимали люди, тщательно проверенные немцами и, как правило, идеологически мотивированные.

Использование автором ценностного подхода позволило рассмотреть мотивационный и организационный аспект административного коллаборационизма, обусловивший попытки его сопротивление патриотическим силам. Было установлено, что мотивация коллаборантов на всем протяжении оккупации хоть и содержала некоторые общие признаки, все же не являлась устойчивой. Так, на низовых ступенях «русской администрации», у старост, писарей, старшин преобладали ситуативные мотивы: желание приспособиться, страх быть ограбленными или убитыми

оккупантами, стремление обеспечить себя и свои семьи материально. В верхних эшелонах «русской администрации» в существенную играл роль политический фактор – наличие осознанных антисоветских убеждений. На большинстве территорий Запада РСФСР за исключением Локотского округа политическая составляющая мотивации уступала место ситуативным мотивация. В подтверждение этого стоит отметить, что к моменту освобождения оккупированных территорий Запада РСФСР Красной армией эффективность работы органов самоуправления стала резко снижаться.

Другим важным критерием назначения на должность в коллаборационной администрации, учитывавшимся оккупантами, являлось наличие у кандидата организационных навыков и образования. Именно поэтому на должности старшин, управляющих отделами районных и городских управ, полиции часто назначались бывшие учителя, агрономы, низовые партийные и советские работники и др.

Полнота формирования звеньев «русской администрации» оккупантами определялось прежде всего положением на фронтах, а также потребностями организация эксплуатации захваченных территорий. Например, в пределах нынешней Тульской области, на западе Московской, востоке Калининской, севере и востоке нынешней Калужской области, находящихся вблизи линии фронта, гитлеровцы не успели организовать стройный коллаборационный административный аппарат, ограничившись созданием его первичных ступеней на уровне «староста–бургомистр». Волостного, районного и окружного управления до конца периода оккупации здесь организовано не было. В этих районах староста и бургомистр, как правило, работали в тесном взаимодействии с немецкой военной комендатурой, минуя другие оккупационные институты: сельскохозяйственную комендатуру, волостное, окружное правление, районных агрономов. В итоге хозяйство этих местностей относительно несильно пострадало от грабежа оккупантов, враг грабил здесь бессистемно и быстро.

Сформированный к началу 1942 года коллаборационный административный аппарат, оказался на пересечении взаимоотношений с различными силами: оккупантами, населением и советскими партизанами. Во-первых, гитлеровцы переложили на него крайне непопулярные среди населения функции по содействию эксплуатации оккупированной территории. Во-вторых, стараясь проводить социальную политику, сами административные коллаборанты в глазах населения пытались создавать себе ореол «крепкой» власти, расположить к себе людей. Подобные стремления также порождали определенные противоречия для немцев, населения и партизан. В-третьих, обеспечение мер по умиротворению местности, возложенные гитлеровцами на коллаборантов, делали русских управленцев прямыми врагами советской власти, что ставило их жизни под угрозу. В подобных условиях русским чиновникам было крайне невыгодно занимать твердую позицию. У многих из них выработалась гибкая модель поведения, зависящего от положения на фронтах, политики оккупантов, силы партизанского движения в округе, настроения населения и других факторов.

С первых дней оккупации народные мстители занялись поиском и ликвидацией пособников, не взирая на их должности и мотивацию. С начала 1942 г. выбор инструментов борьбы с ними начинает претерпевать изменения. Усиливается значение пропаганды неотвратимого возмездия, которая наряду с устранением наиболее одиозных прислужников становится также актуальной. Действенными были и другие приемы: вербовка служащих административного аппарата, изъятие у них имущества, личные угрозы и др. Уже к 1943 году партизаны четко классифицируют пособников по степени их вины и участия в проведении политики гитлеровцев. С этого момента партизанские акции по ликвидации коллаборантов все чаще минуют представителей низовых звеньев коллаборационной администрации, многим из которых давался шанс искупить

свою вину в то время, как попытки поимки или устранения крупных чиновников также продолжались.

Вопреки ожиданиям некоторых антисоветски настроенных граждан, гитлеровцы не стремились давать своим помощникам свободу действий, устанавливали над ними жесткий контроль, в то же время наделяя их крайне непопулярными в отношении местного населения полномочиями. Практически на каждой ступени аппарата была создана система ревизии и контроля, грозившая применением к провинившимся санкций вплоть до расстрела. Этот процесс начал развиваться с 1942 г., когда обнаружились первые случаи серьезного отклонения поведения русских чиновников от германских инструкций, рост в их среде симпатий к партизанам.

Гитлеровцами в отношении своих прислужников проводилась «политика кнута и пряника». В одних случаях последних открыто наделяли их землей, деньгами, инвентарем, возвеличивали их при помощи пропаганды, в других – беспощадно и показательно уничтожали. Таким образом, немцы надеялись создать прослойку людей, которая впоследствии стала бы для них опорой на местах. Однако такой подход оказывал существенное давление и на самих коллаборантов, способствовал формированию у них ненависти к гитлеровцам. В результате это привело к тому, что в 1943 году со стороны русских коллаборантов-администраторов произошло снижение работоспособности, а в некоторых случаях проявились и факты прямого саботажа. Осознавая свое незавидное положение, значительная часть русских управленцев в 1942–1943 гг. старалась лавировать между оккупантами, советским подпольем и населением. К этому особенно склонялись непосредственно контактирующие с населением коллаборанты нижнего звена, часть которых заняли свое место по принуждению, были беззащитны, как перед немцами, так и перед партизан.

Сельские жители негативно относились к пособникам при их активном участии в осуществлении германских установок, но, в то же время, могли

искать у них поддержку в случае наступления непредвиденных обстоятельств, резкого ужесточения поведения гитлеровцев. Несмотря на то, что формально местная гражданская администрация обязана была решать социальные вопросы, шаги гражданских оккупационных органов в этом направлении не были последовательными. На помощь, прежде всего, могли рассчитывать лица, сотрудничавшие с оккупантами. Партизанские семьи использовались в качестве заложников, а какую-либо содействие могли получить в последнюю очередь.

Политика возмездия советского государства административным коллаборантам в начальный и в завершающий периоды войны не была тождественной. В начале войны советская власть, действуя в духе 1930-х годов, пыталась решить проблему коллаборационизма быстро и жестко, не обращая внимания на масштаб и специфику этого явления. Власть требовала сурово наказывать любого прислужника врага и членов его семьи. Одновременно использовались пропагандистские инструменты, формирующие в сознании населения образ пособника как не подлежащего прощению преступника перед государством и народом. С другой стороны, необходимо отметить, что правосудие государства осуществлялось в рамках действующего в то время законодательства, пусть и довольно сурового. Выявленные факты не подтверждают встречающийся в литературе тезис о тотальном и стихийном насилии советской власти по отношению к административным коллаборантам. Даже тогда, когда у сотрудников советских органов госбезопасности, внутренних дел, юстиции не хватало опыта, сил и средств для расследования подобных преступлений, в условиях всеобщей ненависти к врагу и его прислужникам, методом проб и ошибок они искали более гибкий подход к наказанию пособников врага.

Приблизительно с конца 1942 года советское государство, осознав достаточно широкую вовлеченность граждан в различные формы сотрудничества с врагом, начинает изменять политику наказания

коллаборантов. Это касается не только разработки нормативных актов, координирующих процесс поиска и выявления коллаборантов, но и нового подхода к наказанию тех, кто работал на врага. В юридический оборот вводятся понятия «пособник» и «предатель», разграничение которых должно было учитываться при определении тяжести вины и определении меры наказания. При проведении следственных мероприятий правоохранительные органы начинают тщательнее проверять подозреваемых в коллаборационизме, выяснять обстоятельства, побудившие пойти в услужение врагу. По инициативе руководства ЦК ВКП(б) и НКВД СССР организуются специальные курсы переподготовки работников НКВД и прокуратуры для подготовки к рассмотрению особенно сложных дел. Данные таблицы № 5 приложения ярко иллюстрируют указанные положения, показывают известную гибкость советского государства в вопросе привлечения коллаборационистов к ответственности.

Такое изменение подхода к наказанию административных коллаборантов привело к тому, что некоторые их категории в 1943 г. отделались незначительными наказаниями, что было практически невозможно в 1941–1942 гг. К ним относились, прежде всего, бывшие старосты, секретари управ, рядовые полицейские и иные мелкие административные служащие, не замеченные в активной работе на врага. Часть из них отправили в ссылку, других – на пополнение фронтовых частей. Количество решений о применении к подсудимым высшей меры наказания значительно снижается и составляет незначительный процент от общего числа вынесенных приговоров. Имелись случаи и полного освобождения от ответственности при смягчающих обстоятельствах. Поиск же крупных фигур «русской администрации» на Западе РСФСР не прекращался, а послабления в отношении таких пособников применялись лишь в виде замены смертной казни на длительные сроки заключения. К особо активным пособникам, независимо от их статуса,

замеченных в расправах над мирным населением, выдаче партизан, как и в 1941 г., продолжала применяться смертная казнь.

В отличие от государственной политики возмездия коллаборантам, санкции за пособничество врагу коммунистам на всем протяжении войны и в послевоенное время не подвергались изменению. Коммунист, в большей или меньшей степени запятнавший себя сотрудничеством с немцами, в большинстве случаев исключался из партии и терял возможность для продвижения по карьерной лестнице.

Являясь одной из самых распространенных форм пособничества оккупантам со стороны советских граждан в деревне Запада РСФСР, административный коллаборационизм мог стать предпосылкой раскола сельского социума на оккупированных гитлеровцами территориях. Однако, как представляется, гитлеровцам все же не удалось в полной мере использовать его потенциал для осуществления своих планов ограбления деревни Запада РСФСР, дезориентации и оболванивания ее населения. Благодаря быстрому осознанию обществом преступных идей оккупантов, выработанной советским государством гибкой политики возмездия пособникам гитлеровцев, широкому развитию партизанского движения, а также эффективной деятельности советских спецслужб замыслы врага потерпели крах.

Список сокращений

Абвер – военная разведка Третьего рейха.

АУФСБ КО – Архив управления ФСБ РФ Калужской области

АУФСБ СО – Архив управления ФСБ РФ Смоленской области

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи

ВМН – Высшая мера наказания

га – гектар

ГБ – Государственная безопасность

г-н – гражданин

Гестапо – политическая полиция Третьего Рейха

ГКО – Государственный комитет обороны

гор. – город

ГАДНИКО – Государственный архив документов новейшей истории Калужской области

ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Смоленской области

ГАОО – Государственный архив Орловской области

ГАСО – Государственный архив Смоленской области

ГАТО – Государственный архив Тульской области

ГАТО – Государственный архив Тверской области

ЗШПД – Западный штаб партизанского движения

ИТЛ – исправительно-трудовые лагеря

кг – килограмм

КА – Красная Армия

КПЗ – камера предварительного заключения

КПСС – Коммунистическая Партия Советского Союза

МТС – машинно-тракторные станции

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НТС – Народно-Трудовой союз российских солидаристов (эмигрантская организация)
Обком ВКП(б) – Областной комитет ВКП(б)
ОО НКВД – особый отдел НКВД
Ост-батальон – восточный батальон
пос. – поселок
ПФЛ – проверочно-фильтрационный лагерь
Райзо – районный заготовительный отдел
Райпотребсоюз – районный потребительский союз
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РК ВКП(б) – районный комитет ВКП(б)
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РОА – Русская Освободительная Армия
РОНА – Русская Национальная Освободительная армия Б. Каминского
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. – рублей
СД – служба безопасности Рейхсфюрера СС, карательная структура, часть национал-социалистического государственного аппарата в Третьем рейхе и в оккупированной гитлеровцами Европе
СМЕРШ – «Смерть шпионам», название контрразведывательной организации СССР
СНК – Совет народных комиссаров – название советского правительства с 1917 по 1946 годы
СС – охранные отряды (вооруженные формирования нацистской партии)
СССР – Союз Советских Социалистических Республик

т. – товарищ

ЦДНИБО – Центр документов новейшей истории Брянской области

ТЦДНИ – Тверской центр документации новейшей истории

тыс. – тысяча

УНКВД – управление НКВД

УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР

УФСБ РФ – Управление Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации

цент. – центнер

ЦК ВКП(б) – Центральный комитет ВКП(б)

ЦШПД – Центральный штаб партизанского движения

Список источников и литературы

Архивные документы и материалы

Государственный архив Брянской области (ГАБО)

Ф. Р-1776. Клетнянская городская управа. Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-1777. Клетнянская земская управа. Оп. 1. Д. 10.

Ф. Р-2594. Комягинское волостное управление Трубчевского района. Оп. 1. Д. 17.

Ф. Р-2608. Подшивки газеты «Речь», «Голос народа». Оп. 1. Д. 9.

Ф. Р-2618. Оп. 1. Д. 2.

Центр документов новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО)

Ф. 1650. Брянский штаб партизанского движения. Оп. 1. Д. 71, Д. 135, 136, 237, 247.

Ф. 1672. Газета «Голос Народа» март–декабрь 1942 г. Оп. 1. Д. 36.

Государственный архив документации новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО)

Ф. П-15. Бабынинский райком ВКП(б). Оп. 1. Д. 215, 217.

Ф. П-4573. Западный штаб партизанского движения. Оп. 1. Д. 147, 178, 214, 268, 351, 398, 486, 490, 563, 574, 628, 650, 665,

Ф. П-748. Фильтрационные и трофейные документы на репатриированных лиц по г. Калуга и Калужской области. Оп. 1. Д. 58, 77, 128, 129, 176, 192, 199.

Ф. П-55. Калужский областной комитет 1944–1991 гг. Оп. 2. Д. 118, 266.

Ф. П-7698. Воспоминания, жителей, партизан и подпольщиков периода оккупации Калужской области. Оп. 1. Д. 79.

Государственный архив Калужской области (ГАКО)

- Ф. Р-970. Калужская городская управа. Оп. 3. Д. 2, 4, 10.
- Ф. Р-971. Калужская земская управа. Оп. 1. Д. 4.
- Ф. Р-992. Козельская городская управа. Оп. 1. Д. 1, 2.
- Ф. Р-993. Мосальская городская управа. Оп.1. Д. 1, 4, 6, 8, 10, 11.
- Ф. Р-994. Спас-Деменская городская управа. Оп. 1. Д. 1, 2.
- Ф. Р-996. Спас-Деменская районная управа. Оп.1. Д. 1.
- Ф. Р-997. (Юхновская городская управа). Оп. 1. Д. 1, 15
- Ф. Р-998. Куйбышевская районная управа. Оп. 1. Д. 3. 5.
- Ф. Р-1001. Земельное управление Спас-Деменской районной управы. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. Р-1002. Барятинская районная управа. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. Р-3466. Коллекция документов о Великой Отечественной войне. Оп. 1. Д. 3, 8.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО)

- Ф. Р-2361. Бояркинская волостная управа. Оп. 5. Д. 2, 85, 106.
- Ф. Р-2573. Смоленская городская управа. Оп. 1. Д. 238, 273, 284.
- Ф. Р-2574. Стодолиценская управа. Оп. 1. Д. 1, 2, 7, 12, 45.
- Ф. Р-2575. Ельнинская горуправа. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 8.
- Ф. Р-2576. Глинковская районная управа. Оп. 1. Д. 5, 6, 8.
- Ф. Р-2581. Андреевская районная управа. Оп. 1.Д. 2.
- Ф. Р-2618. Понизовская волостная управа. Оп. 1 Д. 2.
- Ф. Р-2646. Юшковская волостная управа. Оп. 1 Д. 1.
- Ф. Р-2739. Издешковская районная управа. Оп. 1.Д. 1, 2.
- Ф. Р-2740. Ершичская районная управа. Оп. 1. Д. 3, Д. 9, Д. 11, 15, 16, 27, 39, 40.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО)

Ф. 6. Смоленский областной комитет ВКП(б) Оп. 1. Д. 9, 355, 742, 936, 942, 944, 951, 987, 1140, 1158, 1159, 1229, 1481, 1487, 1493, 1697, 1854а. Оп. 2. Д. 90, 824. Оп. 3. Д. 290.

Ф. 8. Западный штаб партизанского движения. Оп. 1. Д. 23, 24, 32, 229, 249, 254, 269, 281, 299, 333, 366, 372, 406. Оп. 2. Д. 8, 80, 83, 100, 101, 109, 116, 165, 249. Оп. 3. Д. 102. Оп. 8. Д. 115.

Ф. 142. Воспоминания свидетелей оккупации Смоленской области. Оп. 2. Д. 411.

Ф. 1737. Фонд личных воспоминаний партизан. Оп. 1. Д. 70.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

Ф. П-52. Орловский областной комитет КПСС. Оп. 1. Д. 98, 112. Оп. 2. 16, 29, 264, 285, 291, 315, 368, 381, 715, 1091, 1082.

Ф. Р-218. Орловская уездная и пригородная волостная управа. Оп. 1. Д. 1, Д. 2, Д. 4, Д. 24.

Ф. 651. Собрание протоколов допросов подозреваемых в измене по Орловской области. Оп. 1. Д. 200.

Государственный архив Тверской области (ГАТО)

Ф. Р-2757. Торопецкая горуправа. Оп. 1. Д. 2.

Ф. Р-1928. Коллекция документальных материалов о зверствах и ущербе причиненном фашистами в ходе оккупации Калининской области. Оп. 1. Д. 4.

Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ)

Ф. 147. Тверской обком КПСС КП РСФСР. Оп. 3. Д. 349, 350, 439, 479, 873, 984, 989.

Ф. 479. Калининский штаб партизанского движения. Оп. 1. Д. 121, Д. 334, Д. 583, Д. 635, Д. 638, Д. 663. Оп. 2. Д. 2, Д. 8, Д. 12, Д. 15, Д. 16, Д. 22, Д. 159. Оп. 3. Д. 184, Д. 873.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения при ставке Верховного Главнокомандования. Оп. 1. Д. 32, 47, 70, 352, 353, 355, 576, 728, 819, 823, 827, 909, 911, 1104, 1141, 1143, 1144, 1147, 1146.

Ф. 625. Личный фонд Пономаренко П.К. Оп. 1. Д. 7, 51, Д. 70, 97.

Государственный архив Тульской области (ГАТО)

Ф. П-5702. Коллекция документов партизанского движения Тульской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Оп.1. Д. 5, Д. 134.

Ф. П-177. Тульский областной комитет КПСС. Оп. 8. Д. 34.

Ф. Р-3484. Коллекция документов прокуратуры Тульской области 1937–1998 гг. Оп. 1. Д. 7. Оп. 2. Д. 12.

Архив управления ФСБ РФ Смоленской области (АУФСБ СО)

Д. № 25185с, 25754с, 26001с, 26185с, 26926с, 27256с.

Архив управления ФСБ РФ Калужской области (АУФСБ КО)

Ф. 2. П-10263, П-9453, П-10484, П-15286, П-15566.

Печатные издания периода войны

Газета «Партизанская правда». 1942. 16 июня.

Газета «Речь» (Орел). 1941. 7, 10, 19 декабря. 1943. 12 мая, 4 июня.

Опубликованные источники

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Брянская область / сост. А. И. Шендрик и др. – М.: Фонд Связь Эпох, 2020. – 422 с.

2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область / сост. В. Я. Агапова и др. – М.: Воевода, 2020. – 548 с.

3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область / сост. С. В. Карпова и др. – М.: Фонд Связь Эпох: Кучково поле, Музеон, 2020. – 654 с.

4. В годы нашествия: воспоминания участников и очевидцев событий периода оккупации немецко-фашистскими захватчиками Куйбышевского района Калужской области в 1941–1943 гг. – Бетлица, 2005. – 229 с.

5. Война народная (очерки истории всенародной борьбы на оккупированной Смоленщины 1941–1943 гг.) – М.: Московский рабочий, 1985. – 238 с.

6. Все судьбы в единую слиты...» По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / сост.: Н. Г. Емельянов, А. М. Дедкова, О. В. Виноградова, Г. В. Гаврилова, В. А. Кононов. Смоленск, Маджента, 2003. – 152 с.

7. Выстояли и победили! Орловская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сб. док. и материалов. – Орел: Орл. правда, 2005. – 511 с.

8. Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России сборник документов. – М.: Звонница, 2015. – 524 с.

9. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки, документы и материалы: В 2 т. / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А. М. Самсонов. Т. 2.: Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945 гг. – М.: Наука. 1973. – 663 с.

10. Кировский район Калужской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (воспоминания, документы, статьи). – Калуга, ООО «Полиграф-информ», 2005. – 430 с.

11. Лесные богатыри: Воспоминания бывших партизан первой Клетнян. партизанской бригады / Лит. запись А. К. Лапина. – Тула, Приок. кн. изд-во, 1966. – 264 с.

12. Леонтьев А. Зеленая папка Геринга. – Куйбышев, Куйб. обл. изд-во, 1942. – 42 с.

13. Логунова, Т. А. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): Сб. документов и материалов: учеб. пособие для студентов-заочников ист. фак. Госуниверситетов в 3 вып. М., 1969. Вып. 1.

14. Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР Смерш, 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. – М.: Междунар. фонд "Демократия": Материк, 2006. – 636 с.

15. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. – М.: «Мосгорархив», 1995. – 744 с.

16. Москва прифронтовая 1941-1942: архив. док. и материалы / сост.: М. М. Горинов и др. – М.: Изд-во Об-ния "Мосгорархив": Моск. учеб., 2001. – 661 с.

17. Нам выпало на долю...: война в письмах, дневниках, воспоминаниях: сб. док. и материалов / сост. В. Н. Середа, Н. В. Федотова. – Тверь: Лилия Принт, 2005/ - 304.

18. Народная война в тылу врага: к истории партизанского движения в Калининской области / сост. Н. И. Макаров, А. Н. Егоров. – М.: Моск. рабочий, 1971. – 1971. 328 с.

19. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов / [Под ред. К. П. Горшенина (глав. ред.) и др. 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1955. 2 Т. – 1156 с.

20. «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, В. С. Христофоров. – М.: «Московские учебники и Картолитография», 2003. – 480 с.

21. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. – М.: Русь, 2000. – 717 с.

22. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. – М.: Русь, 2000. – 699 с.

23. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. – М.: Русь, 2000. – 699 с.

24. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. – М.: Русь, 2003. – 702 с.

25. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» 1 января – 3 июня 1943 года. – М.: Русь, 2008. – 796 с.

26. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 года. – М.: Русь, 2008. – 809 с.

27. Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943: Документы и материалы. – Смоленск, кн. изд-во, 1962. – 520 с.

28. Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов. Тула, Приок. кн. изд-во, 1970. - 488 с.

29. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): Сб. документов и материалов: Учеб. пособие для студентов-заочников ист. фак. госуниверситетов: В 3 вып. / сост. Т. А. Логунова. Ю. А. Мошков. Вып. 1: Зарождение и развитие партизанского движения в первый период Великой Отечественной войны. (Июнь 1941 – ноябрь 1942 гг.). – М.: Моск. ун-т, 1969. 1969. – 182 с.

30. Перекресток. Шумяцкий альманах 2010. Рассказы очевидцев Великой Отечественной войны. / Воспоминания И. Максимчука. – Смоленск: Изд СГУ. – 118 с.

31. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / сост. К. М. Александров. – СПб.: Скрипториум, 2011. – 608 с.

32. Под оккупацией в 1941–1944 гг.: Статьи и воспоминания / сост. А. С. Гогун, И. В. Грибков, К. Л. Таратухин, Т. С. Джолли, Р. И. Матвеева-Рацевич, Р. В. Полчанинов – М.: Посев, 2004. – 112 с.

33. Подвиги народных мстителей: Партизанское движение Калининской обл. 1941–1944 г.: Документы и материалы. – М.: Моск. рабочий, 1966. – 399 с.

34. Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР. Сборник документов и материалов / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2015. – 399 с.

35. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Сост.: Заставенко Г. Ф. и др.; общ. ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова. – М.: «Экономика», 1985. – 328 с.

36. Продолжение подвига: Кн. о смоленских чекистах: сборник / ред.-сост. А. П. Комиссаров, В. В. Королев. – Смоленск, 1988. – 223 с.

37. «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / под общ. ред. О. В. Будницкого. – М.: РОССПЭН, 2014. – 324 с.

38. Смоленская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. – М.: Моск. рабочий, 1977. – 448 с.

39. Советская жизнь, 1945–1953: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Фак. гос. упр. и др. / сост.: Е. Ю. Зубкова и др. – М.: РОССПЭН, 2003. – 719 с.

40. Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1961. – 831 с.

41. Создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников...» Красные партизаны Украины, 1941–1944: малоизученные страницы истории. Документы и материалы / сост. Гогун А., Кентий А. – Киев: Украинский издательский союз, 2006. – 430 с.

42. Сталиногорское направление / сост. А. Н. Лепехин, А. Е. Яковлев. – Тула, 2017. – 436 с.

43. Страна в огне: В 3 т. Коренной перелом. 1942–1943: Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 2. / отв. Ред. Литвин А. М., Никифоров Ю. А. – М.: «Абрис», 2018. – 542 с.

44. Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — Т. 1. 1942 год. Сборник документов и материалов / сост. И. Н. Авдюшкина. Отв. ред. И. А. Антонова. – Тула: Гриф и К, 2012. – 324 с.

45. Эренбург И. Г. Война. 1941–1945. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 576 с.

46. Ямпольский В. П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М.: Кучково поле, 2008. – 656 с.

Сборники директив, речей руководителей партии и государства

47. Калинин М. И. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1975. – 448 с.
48. Калинин М. И. Статьи и речи: (1941–1946). – М.: Политиздат, 1975. – 671 с.
49. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. – М.: 1947. – 612 с.
50. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М.: ОГИЗ Политиздат, 1948. – 208 с.

Мемуары и дневники

51. Аксенов Ф. В. Огненный коридор. – Тула, Приок. кн. изд. 1974. – 137 с.
52. Боровичев П. И. За линией фронта. Кн.1. Воен.-ист. повесть, 1941–1943 г. г.: Воспоминания организатора и командира партизанского отряда «За Родину» – Смоленск, Смядынь, 1998. – 240 с.
53. Владимиров С. Записки следователя гестапо. – М.: Сов. ком. по культ. связям с соотечественниками за рубежом, 1970. – 78 с.
54. Геббельс Й. Последние записи: дневники 1945 г.: Пер. с нем. – Смоленск, Фирма «Русич», 1993. – 411 с.
55. Гуд Б. Е. Гремит Брянский лес: воспоминания партизана. – 2-е изд., испр. – Харьков: Прапор, 1985. – 208 с.
56. Засыпка Т. Н. Сторона партизанская. – М.: Моск. рабочий, 1975. – 119 с.
57. За линией фронта. Воспоминания К. Ф. Фирсанова. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1968. – 248 с.
58. Ильиных И. А. Шестьсот дней в боях и походах. – Тула: Приокское кн. изд-во», 1969. – 318 с.

59. Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. – М.: Посев, 1994. – 344 с.
60. Кузнецов А. Бабий яр. – М.: «Захаров», 2001. – 359 с.
61. Линьков Г. М. Война в тылу врага. – М.: 1953. – 655 с.
62. Незримого фронта солдаты: сб. воспоминаний. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1971. – 476 с.
63. Меньшагин Б. Г. Воспоминания. Смоленск. Катынь. Владимирская тюрьма / Подг. текста и примеч. Г. Суперфина. – Париж, «УМСА-press», 1988. – 248 с.
64. Павлов В. В. Бригада трижды уничтоженных. – М.: Политиздат, 1967. – 192 с.
65. Сабуров А.Н. За линией фронта. (Партизанские записки). Кн. 1. Партизанский край. – М.: Воениздат, 1953. – 320 с.
66. Самсонов А. М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. – М.: Политиздат, 1998. – 368 с.
67. Самутин Л. Я был власовцем. – М.: Яуза-Пресс, 2013. – 317 с.
68. Солдатов И. И. Засада на большаке: (записки партизана). – Тула: Приок. кн. изд-во, 1977. – 153 с.
69. Столыпин А. П. На службе России: Очерки по истории НТС. Frankfurt a. – М.: Посев, 1986. – 302 с.
70. Терещатов В. И. 900 дней в тылу врага. – Калинин, Калининское книжное издательство, 1962. – 218 с.
71. Феномен Локотской республики. Альтернатива советской власти? Сборник воспоминаний / авт.-сост. Д. А. Жуков, И. И. Ковтун – М.: Вече, 2011. – 288 с.
72. Фетисова А. Брынская быль // Калужская застава-3: историко-краеведческий альманах. – Калуга, Изд. Научной литературы Н. Ф. Бочкаревой, 2005. – С.208–219.

73. Фирсанов К. Ф. Как ковалась Победа? / За линией фронта. Очерки. – Тула, Приок. кн. изд-во, 1968. – С. 5–85.
74. Фирсанов К.Ф. Так воевали чекисты. – М.: Воениздат, 1973. – 136 с.
75. Фрид В. С. 58 1/2. Записки лагерного придурка. – М.: Издательский Дом Русанова, 1996. – 480 с.
76. Хайнрици Г. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записках генерала Хайнрици / под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., О.И. Бэйды, И.Р. Петрова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 328 с.
77. Чекисты рассказывают: Сборник / сост. И. И. Шмелев. – М.: Советская Россия, 1970. – 314 с.
78. Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. – М.: Изд. центр «Терра», 1991. – 604 с.
79. Шелленберг В. Мемуары / Пер. с нем. – М.: Прометей, 1991. – 350 с.
80. Штрик-Штрикфельдт В. К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение / Авт. пер. И. Баха и М. Рубцовой. 3-е изд. – М.: Посев, 1993. – 440 с.
81. Юденков А.Ф. За огненной чертой. – М.: Воениздат, 1966. – 269 с.

Справочные издания

1. Книга Памяти Брянской области. Т. 12. ЗАО «Издательство «Читай город» - Брянск, 2003. – 656 с.
2. Книга Памяти. Город Жиздра и Жиздринский район, 1941 – 1945 / сост. В. Н. Ларин. Жиздра, Издание Историко-краеведческого музея. – Жиздра, 2013. – 227 с.
3. Книга Памяти Калужской области. Калужские рубежи / под ред. Т. В. Романовой. Т. XIX. – Тула: изд. ЗАО «Гриф и К», 2011. – 436 с.

Монографии, статьи, коллективные труды

1. Александров К. М. Репатриация советских граждан после Второй мировой войны: к истории изучения // Вестник российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. №10.– С. 231–245.
2. Амельченков В. Л. Бургомистр Б. Г. Меньшагин и возрождение Православной Церкви на Смоленщине в период немецкой оккупации 1941–1943 гг. // Христианское чтение. 2019. №5. – С. 174–196.
3. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945: история и психология подвига. – М.: Памятники историч. мысли, 2003. – 499 с.
4. Анищенко Е. Н. Партизанская республика. – Тула, 1992. – 279 с.
5. Армстронг Д. Партизанская война: стратегия и тактика, 1941–1943 / Пер. с англ. О. А. Федяева. – М.: Центрполиграф, 2007. – 432 с.
6. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 459 с.
7. Бауэр А. А. Киров: город-труженик, город-воин: Киров. р-н в годы Великой Отечеств. войны 1941–1945 гг. – Киров, Ист.- краевед. музей, 2000. – 119 с.
8. Бауэр А. А. Кировский подпольный госпиталь // Калужская застава-3. Историко-краеведческий альманах. – Калуга: Изд. Научной литературы Н. Ф. Бочкаревой, 2005. – С. 200–207.
9. Богданов С. В., Остапюк В. Г. Грани предательства (коллорационисты в Курской области 1941-43 гг. // Социологические исследования. – 2017. – №3. – С. 115–122.
10. Богданов С. В., Мартынов Б. С. Психология предательства: мотивация активного коллаборационизма на территории Курской области в

1941–1943 годах (по материалам архивно-следственных дел КГБ СССР) // Историческая психология и социология истории. – 2016. – № 2. – С. 155–164.

11. Бой продолжается...: Рассказы о калужских чекистах / сост. Г. И. Коротаев. – Тула, Приок. кн. изд-во, 1987. – 251 с.

12. Болокина Л. А. Женщины оккупированных районов Калининской области в годы Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. – 2015. – №2 (75). – С. 28–36.

13. Бонвеч Б. История Германии. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. – М.: Изд-во «КДУ» 2008. – 399 с.

14. 15) Боффа Дж. История Советского Союза. В 2-х тт. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. 2- изд. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 632 с.

15. Булыга О. В. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой отечественной войны в советской и российской историографии // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2018. – № 6. – С. 81–95.

16. В годы суровых испытаний: Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне / сост. А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, А. П. Крюковских и др.; редкол.: В. М. Ковальчук (науч. ред.) и др. – Л.: Лениздат, 1985. – 422 с.

17. Варфоломеева М. И. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (на примере современной Белгородской области в 1941–1943 гг.) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. – Сер. История. Политология. Экономика. – 2011. – № 19 (114). – Вып. 20. – С. 202–208.

18. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: Кучково поле, 2013. — 864 с.

19. Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире сборник материалов международного научно-общественного

форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в 2 Т. Т. 1. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2015 – 502 с.

20. Веревкин С. И. Локотская альтернатива. Кн. 2-я. Локоть. Ч. 2. О Локотской окружной тюрьме и её эвакуации в Белоруссию. – Уфа: Словохотов А. А., 2017. – 352 с.

21. Веревкин С.И. Самая запретная книга о Второй Мировой. Была ли альтернатива Сталину? – М.: Яуза-пресс – Эксмо, 2011. – 605 с.

22. Веригин С. Г. О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 года // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. – № 4. – С. 6–13.

23. Во имя закона и справедливости. История Калужской прокуратуры – Калуга, Золотая аллея, 2002. – 160 с.

24. Война народная: Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины 1941–1943 гг. / сост. А. Ф. Юденков, Т. К. Дандыкин, М. М. Загорулько и др.; под общ. ред. И. Е. Клименко. – М.: Моск. рабочий, 1985. – 238 с.

25. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. – М.: 1989. Т. 2. Ч. 1. – 1142 с.

26. Галлямова Л. И. Новые подходы к изучению истории Великой Отечественной войны в современной российской историографии // Россия и АТР. – 2010. – № 3. – С. 24–31.

27. Гареев М. А. О мифах, старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. – С. 42–53.

28. Гладков Т. Звездная агентура. Материалы и свидетельства. Документальная повесть. – Калуга: Золотая аллея, 2000. – 256 с.

29. Гогун А. Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941–1944. – М., 2008. – 260 с.

30. Горбачев О. В., Кометчиков И. В., Филимонов В. Я., История крестьянства Западного региона России: 1941 - середина 1980-х годов. – Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2017. – 631 с.

31. Грибков И. В. Хозяин брянских лесов: Бронислав Каминский. Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. – М.: Библиотека журнала «Эхо войны», вып. 1., 2008. – 116 с.

32. Гриднев В. М. Борьба советского крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики. 1941–1944. – М.: 1976. – 231 с.

33. Даллин А. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего рейха 1941–1945. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2019. – 639 с.

34. Дандыкин Т. К. Во имя павших и живых. Партизанская борьба на Брянщине 1941-1943 гг. – Брянск: Изд-во Придесенье, 2000. – 256 с.

35. Дандыкин Т. К. Не ставшие на колени. – Брянск, :ГУП «Брянское обл. полиграф. объединение», 2005. – 312 с.

36. Диалектический материализм / под общ. ред. Г. Ф. Александрова. – М.: Госполитиздат, 1954. – 239 с.

37. Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – Париж: YMCA-press, 1994. – 433 с.

38. Деревянко Е. В. История Локотского самоуправления в документах Государственного архива Брянской области: опыт систематизации и изучения // Новые исторические перспективы. – 2015. – № 1(1). – С.53-58.

39. Дробязко С. И. Локотский автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сборник статей, документов и воспоминаний /

Под общ. ред. А. В. Огорокова. – М.: «Архив РОА», 1998. – Вып. 2. – С. 168–216.

40. Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941-1945. – М.: Эксмо, 2004. – 604 с.

41. Дюков А. Р. «Die Aktion Kaminskiy»: Локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА // Мифы Великой Отечественной. – М.: ЭКСМО – Яуза, 2008. – С. 177.

42. Дюков А. Р. Милость к павшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. – М.: Фонд «Историческая память», 2009. – 175 с.

43. Ермолов И. Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в Южных районах Орловской области: история Локотского автономного округа и Русской Освободительной Народной Армии. – Орел: Минобрнауки РФ, ГОУ ВПО «Орловский гос. ун-т», 2008. – 179 с.

44. Ермолов И. Г. Деятельность правоохранительных, судебных и юридических органов на оккупированных территориях РСФСР в 1941–1944 гг. // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 27–37.

45. Ермолов И. Г. Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941–1944 гг. – М.: Вече, 2013. – 462 с.

46. Ермолов И. Г. Самоуправление на оккупированных территориях РСФСР // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 16–21.

47. Ермолов И. Г. Сельские старосты как низшее звено в системе административного управления на оккупированных территориях РСФСР / Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «История и политические науки». – Вып. № 4–5. – 2010. – С. 78–82.

48. Жуков Д. А., Ковтун И. И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский» – М.: Вече, 2009. – 304 с.

49. Жуков Д. Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2010. – № 2–3. – С. 38–44.

50. Жуков Д., Ковтун И. Верёвкин С. И. Орловские военно-исторические исследования. Локотская альтернатива. Кн. 2-я. Локоть. Ч. 2. О Локотской окружной тюрьме и ее эвакуации в Белоруссию. – Уфа: изд. А. А. Словоохотов, 2017. – 352 с. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – №4 (11). – С. 230–248.

51. Жуков Д. Ковтун И.: Полицаи. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Пятый Рим, 2016. – 318 с.

52. Журавлев Е. И. Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского университета, 2006. – 229 с.

53. Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1943 гг.): на материалах Юга России // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия 1: История: Научный журнал. – Вып. 32. – 2009. – № 16 (154). – С. 66–73.

54. Журавлев Е. И. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенное время // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия История. Политология. Экономика. – 2013. – № 22 (165). – Вып. 28. – С. 154–160.

55. Загоруйко М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург»: о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1980. – 575 с.

56. Земсков В. Н. К вопросу о судьбе советских репатриантов // Политическое просвещение. – 2011. – № 1 (60). – С. 12–17.

57. Иванов Ю. Г. Город-герой Смоленск. 500 вопросов и ответов о любимом городе. -2-е издание. – Смоленск: Русич, 2015. – 383 с.

58. История Калужской партийной организации: Иллюстрир. очерк / сост. Т. В. Романова, К. А. Поленков, М.А. Касаткин и др. Общ. ред. А. П. Бекасова. – Тула, Приок. кн. изд-во, 1978. – 256 с.

59. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. В 6 томах. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.) – М.: Воениздат, 1961. – 682 с.

60. История ВКП(б). Краткий курс. – М.: Госполитиздат, 1938. – 353 с.

61. Исторический материализм / под общ. ред. В. Ф. Константинова. – М.: Госполитиздат, 1950. – 748 с.

62. Калужский край в XX веке: исторические очерки / И. Б. Белова, И. В. Кометчиков, И. Ю. Молодова, И. С. Писаренко, В. Я. Филимонов и др. – Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2014. – 416 с.

63. Калужской области – 60 лет: в 2 кн. Паспорт Калужской области, Т. 2. – Калуга: Ин-т повышения квалификации работников образования, 2004. – 145 с.

64. Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. – Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1954. – 118 с.

65. Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР 1941–1943 гг. – М.: Мысль, 1980. – 318 с.

66. Ключков А. Н. Деятельность специальных лагерей НКВД СССР на территории Тульской области в 1941–1946 годах // Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сборник материалов международного научно-общественного форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в 2 т. Т. 1. – Тула, 2015. – С. 165–174.

67. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород, Новгородский государственный университет и Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2009. – 371 с.

68. Ковалев Б. Н. «Новая русская администрация» на оккупированной нацистами территории России как декларация континуитета государственной власти // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2015. – №1 (6). – С. 66–72.

69. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 619 с.

70. Ковалев Б. Н. «Пятую колонну» создать не удалось // Псков. Научно-практический и историко-краеведческий журнал. – 1995. – № 2. – С. 47–56.

71. Ковалев Б. Н. Свидетельские показания в уголовных делах коллаборационистов в России // Вестник НовГУ. – 2005. – № 33. – С. 108–113.

72. Ковалев Б. Н. Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2009. – № 51. – С. 10–14.

73. Ковалев В. А. Особенности проявления коллаборационизма в период оккупации Боброводворского района Курской области // Вестник Архивиста – 2016. – №1. – С. 192–201.

74. Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечеств. войне / под общ. ред. А. П. Бекасова. – Тула, Приок. кн. изд-во, 1970. – 343 с.

75. Комаров Д. Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. – Смоленск, Смол. обл. кн. изд-во «Смядынь», 2004. – 485 с.

76. Комаров Д. Е. Деятельность советского репрессивного аппарата на оккупированной территории Смоленской области (1941–1943) // Известия Смоленского государственного университета: Исторические науки. – 2013. – № 1(21). – С. 197–209.

77. Комаров Д. Е. К вопросу о масштабах коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Край Смоленский. – 2015. – № 2. – С. 44–48.

78. Комаров Д. Е. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине // Край Смоленский. – 2003. – № 3–4. – С. 21–44.

79. Комаров Д. Е. Население оккупированных территорий: между коллаборационизмом и сопротивлением (на материалах Смоленской области) // Приволжский научный вестник (Ижевск). – 2012. – № 10. – С. 32–42.

80. Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. – Смоленск, Свиток, 2015. – 368 с.

81. Кометчиков И. В. «На то я чекист, чтоб обвести райком партии»: как поссорились первый секретарь райкома и начальник райотделения госбезопасности (Смоленская область, 1945–1946 годы) // Новый исторический вестник. – 2019. – №2 (60). – С.77–106.

82. Кометчиков И. В. «Обком ВКП (б) располагает информацией о засоренности руководящих колхозных кадров...»: чистки коллаборантов и отношение к ним в западнорусской деревне 1942 – второй половины 1940-х гг. // Материалы V международной научной конференции «западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск: БГУ, 2016. – С. 242–249.

83. Коннов Ю. В. Войска НКВД СССР по охране тыла действующей Красной Армии в Курской битве (белгородское, направление) // Военно-исторический архив. – 2006. – № 3 (75). – С. 128–157.

84. Коннов Ю. Солдаты «революционного порядка» // Полиция России. – 2015. – № 5. С. 30-31.

85. Коннов Ю. В. Система правоохранительных органов в структуре оккупационных властей на Белгородчине в 1941–1943 гг. // Проблемы коренного перелома во Второй мировой войне. Год 1943 // ред. М. Б. Кугина, В.Н. Павлова. – Белгород, 2013. – С. 65–72.

86. Коровин В. В. Современная российская историография об истоках партизанского движения и коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2017. – С. 57–68.

87. Коровин В. В., Коровин В. А. Охрана тыла Центрального фронта накануне и в период Курской битвы // Армия и общество. – 2013. – №4 (36). – С. 58–64.

88. Котов Л. В. В тылу группы армий Центр. Герои подполья: сб. статей. / Сост. В.Е. Быстров. – М.: Московский рабочий, 1970. – С. 3–55.

89. Крашениников В. В. История Севска и окрестных мест. Т. I. – Брянск, 2011. – 920 с.

90. Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. – М.: «Яуза», 2005. – 640 с.

91. Кринко Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. – 2004. – № 11. – С. 155–163.

92. Кринко Е. Ф. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН. – 2011. – 359 с.

93. Кудряшов С. В. Наказание за сотрудничество с оккупантами. Изучение опыта СССР. // Ученые записки Казанского университета. – 2012. – С. 83–88.

94. Кудряшов С. В. Предатели: «освободители» или жертвы войны: советский коллаборационизм (1941-1942) // Свободная мысль. – 1993. – № 14. – С. 84–98.

95. Кулик С. В. Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 1. – С. 28–31.

96. Кучер В. Н. Партизаны Брянского леса: какими они были. 1941–1943. – М.: Возвращение, 2014. – 752 с.

97. Латышев А. В. Отношение сотрудников НКВД и работников промышленности к узникам фильтрационных лагерей (1942–1945 гг.) // Новейшая история России. – 2019. – №3. – С. 595–608.

98. Лебедев А. Г. Великая отечественная война и Износковский край // Калужская застава – 3: ист-кр. альманах. Калуга: Изд.-во научной литературы Н. Ф. Бочкаревой, 2005. – С. 51–54.

99. Логунова Т. А. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941–1943 гг. – М.: Издательство МГУ, 1973. – 228 с.

100. Макаров О. Ю. Коллаборационизм и сотрудничество в великой Отечественной войне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – №3 (1). – С. 185–191.

101. Максимов К. Н. Репатриация советских граждан, угнанных фашистами в рабство в годы великой отечественной войны // Oriental Studies. Вестник КИГИ РАН. – 2018. – Вып.2. – С. 68–78.

102. Малиновский В. В. Кто он российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 160–166.

103. Мартынов Б. С. Психология предательства: мотивация активного коллаборационизма на территории Курской области в 1941–1943

гг. В 1941–1943 годах (по материалам архивно-следственных дел КГБ СССР) // Историческая психология и социология истории. – 2016. Вып. 2. – С. 155–164.

104. Мартынов М. М. Фронт в тылу: Очерки истории борьбы сов. патриот. подполья с нем.-фашист. оккупантами на Орловщине в 1941–1943 гг. – Тула, Приок. кн. изд-во, 1981. – 256 с.

105. Михеенков С. Остановить Гудериана. 50-я армия в сражениях за Тулу и Калугу. 1941 – 1942. – М.: Издательство: Центрполиграф, 2013. – 343 с.

106. Молодова И. Ю. Нацистская пропаганда и агитация на оккупированной территории западных областей РСФСР // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 1. – С. 79–83.

107. Молодова И. Ю. Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отечественные архивы. – 2003. – № 1. – С. 49–56.

108. Молодова И. Ю. Коллаборационизм на территории Калужской области в годы Великой Отечественной войны: агенты и пропагандисты: по материалам Госархива документов новейшей истории Калужской области // Калуга в шести веках: материалы 6-й городской краеведческой конференции (октябрь 2006 г.). – Калуга: Полиграф – Информ, 2008. – С. 87–93.

109. Мозохин О. Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК – ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.) – М.: Вече, 2018. – 480 с.

110. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. – М.: Воениздат, 1974. – 388 с.

111. Народная война в тылу врага: к истории партизанского движения в Калининской области / сост. Н. И. Макаров, А. Н. Егоров. – М.: Московский рабочий, 1971. – 327 с.

112. Наумов В. Л. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. – 1996. – № 2. – С. 91–112.
113. Никифоров С.А. Аграрная политика немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Центрально-Черноземного региона в 1941–1943 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2012. – № 4. – С. 16–30.
114. Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Регион. фин.-экон. ин-т. Т. 1. Под фашистской пятой. – Курск, Региональный финансово-экономический институт, 2012. – 410 с.
115. Никифоров С. А. Оккупационный режим и экономическая политика фашистской Германии в Курской области в 1941–1943 гг. // Книга Памяти. Т. 12. – Курск, 2000. – С. 75–92.
116. Никифоров С. А. Проявления коллаборационизма на территории Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. (на примере Курской области) // Правда истории. – Курск, 2008. – Вып. 7. – С. 170–190.
117. Очерки истории Калужской организации КПСС / общ. ред. А. Ф. Сладкова. – Тула, Приок. кн. изд-во, 1967. – 410 с.
118. Очерки истории Смоленской организации КПСС. – М.: Моск. рабочий, 1970. – 574 с.
119. Павлов В. С. Изменения в деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. – № 6. – С.196–198.
120. Пережогин В. А. Вопросы коллаборационизма // Антипартизанская война в 1941–1945 гг. – М.: «АСТ» Минск: «Харвест», 2005. – С. 117–129.

121. Писаренко И. С. Кировский район в Великой Отечественной войне // Песоченский историко-археологический сборник. – Киров, 1997. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 51–67.

122. Писаренко И. С. Немецкая оккупация Барятинского, Думиничского и Сухиничского районов // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2005 г. – Калуга, «Полиграф-Информ», 2005. – С. 188–191.

123. Писаренко И. С. Партизанское движение в Калужском крае в годы Великой Отечественной войны // Песоченский историко-археологический сборник. – 1997. – Вып. 3. Ч. 2. – С. 68–71.

124. Писаренко И. С. Фашистская оккупация г. Калуги и оккупационный режим (октябрь–декабрь 1941г.) // Песоченский историко-археологический сборник. – Киров, 2004. – Вып. 5. – С. 92–106.

125. Писаренко И. С., Вощенкова Н. С., Масленков А. Н., Малоюрославецкий район в годы Великой Отечественной войны. – Калуга, 2001. – 169 с.

126. Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянинова, Д. Т. Шепилова, Л. А. Леонтьева, И. Д. Лаптева. – М. Госполитиздат, 1954. – 455 с.

127. Полян П. М. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы. – М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 824 с.

128. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РОССПЭН, 2002. – 896 с.

129. Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 383 с.

130. Пфееффер К. Г. Немцы и другие народы во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны: сб. статей. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – С. 493–516.

131. Раманичев Н. М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4-я. Народ и война. – М.: Наука, 1999. – С. 153–167.

132. Решин Л. Е. Воинствующая некомпетентность // Военно-исторический журнал. –1992. – № 2. С. 51–59.

133. Рябцев А. С. Партизанское движение в Тульской области в период Великой Отечественной войны. // Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сборник материалов международного научно-общественного форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2- тт. / сост. А. С. Рябцев, В. П. Покасов. Т. 1. – Тула, 2015. – С. 420–434.

134. Рясной В. В. На службе дьяволу. – М.: Юридическая литература, 1969. – 238 с.

135. Самсонов А. М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. – М.: Политиздат, 1998. – 368 с.

136. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 862 с.

137. Семушкин С. Н. Тульские партизаны в период сражения под Тулой (октябрь 1941 – январь 1942 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сб. науч. ст. Вып. 9. – 2004. – С. 257–261.

138. Сеницын Ф. Л. Разделяй и властвуй: нацистская оккупационная политика – М.:

139. Смыслов О. С. Плен: жизнь и смерть в немецких лагерях. – М.: Вече, 2009. – 480 с.

140. Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ–Пресс-книга, 2005. – 352 с.

141. Соломатина Е. Фильтрационные дела как исторический источник // Тез. докл. весенней школы стипендиатов фонда им. Генриха Бёлля. – Москва, 16–22 марта 2003 г. – М., 2003. – С. 66–68.

142. Спириденков В. А. Лесные солдаты. Партизанская война на Северо-Западе СССР. 1941–1944. – М.: «Центрполиграф», 2007. – 335 с.

143. Стельмах В. М. Партийное подполье // Шли на битву партизаны: сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг. – Брянск, 1972. – С. 80.

144. Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И. В. Кометчиков, И. Ю. Молодова, И. С. Писаренко, Т. В. Романова, В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков и др. – Калуга, Калужский государственный институт развития образования. – 2015. – 272 с.

145. Тертышный А. Т. Сотрудничество советских граждан с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. К историографии проблемы // Journal of new economy. – 2003. – №7. – С. 56–62.

146. Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. – М.: Русский путь, 1996. – 544 с.

147. Трифанков Ю. Т., Шанцева Е. Н., Дзюбан В. В. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941–1943 гг.). – Брянск: Изд-во БГТУ, 2012. – 316 с.

148. Трифанков Ю. Т., Шанцева Е. Н., Дзюбан В. В. Партизаны и предатели. – Брянск: Изд. БГУ, 2012. – 290 с.

149. Филимонов В. Я. Человек на войне (к проблеме коллаборационизма в годы войны) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 5. – Киров, Калужской области, 2004: Кировский историко-краеведческий музей. – С. 110–112.

150. Филоненко В. С. Деятельность прокуратуры Воронежской области по расследованию дел о воинских преступлениях в 1941–1942 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 1 (72). – Вып. 13. – С. 191–196.

151. Фролов А. А. Оккупация глазами переживших: историческое исследование, 1917–2015. – Челябинск, Южно-Уральское книжное изд-во, 2015. – 651 с.

152. Хоффман Й. История власовской армии. – Paris, Ymca-press, 1990. – 379 с.

153. Христофоров В.С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет Великой Победы. В 6 т. Т. 4. Другое лицо войны. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 182–213.

154. Цветков А. В. Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны: очерки по истории. – Тверь: изд-во Тверского государственного университета, 2011. – 59 с.

155. Чеченков К. В. Партизанский отряд «В бой за Родину»: война в тылу врага // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XI Всерос. науч. конф., 5–7 апр. 2005 г. – Калуга: Изд-во научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2005. – С. 191–193.

156. Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. I. – СПб.: «Нева», 2003. – 383 с.

157. Шанцева Е. Н. Историография проблемы коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Серия: История и политология. – Вып. 6 (86). – 2010. – С. 284–288.

158. Шанцева Е. Н. Психологическая «обработка» населения оккупированной территории Брянщины в период с 1941 по 1943 годы // Вестник Брянского государственного университета. Серия: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. – 2010. – № 2. – С. 55–59.

159. Шевяков А. А. Тайны послевоенной репатриации // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 3–12.

160. Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации. – Смоленск: Универсум, 2005. – 431 с.

161. Штоппер С., Кукатов А. Нелегальный Брянск. 1941–1943. Нелегальная деятельность различных сил в оккупированном Брянске и Орджоникидзеграде с 6 октября 1941 по 17 сентября 1943 года. – Брянск: ООО «Буквица», 2014. – 336 с.

162. Штрайт К. «Они нам не товарищи...» Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / Пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. – М.: Русское историческое общество; Русская панорама, 2009. – 480 с.

163. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). – М.: Мысль, 1971. – 217 с.

164. Якутии А.В. Деятельность местной полиции на оккупированной территории Смоленской области в 1941–1943 годах // Проблемы социально-политического развития российского общества: Международный сборник научных трудов. Вып. 17. – Воронеж: Воронежская государственная технологическая академия, 2008. – С. 139–144.

165. Якутин А. В. Деятельность немецких оккупационных органов на территории Смоленской области в 1941–1943 годах // Известия Смоленского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. – 2017. – № 2 (38). – С. 218–224.

166. Якутин А. В. Конфессиональная политика нацистских оккупационных властей в захваченных районах Смоленщины в 1941–1943 годах // Вестник Брянского государственного университета – 2017. – № 2 (32). – С. 121–124.

167. Якутин А. В. Организация немецко-фашистскими оккупационными властями крупных частновладельческих сельскохозяйственных поместий на территории Смоленской области в 1941 - 1943 гг. // Научные труды Международной научно-практической конференции учёных МАДИ (ГТУ), РГАУ–МСХА, ЛНАУ, 16-17 января 2008 г. Т. 3. История и философия. – М.-Луганск, Издательство МАДИ (ГТУ), РГАУ–МСХА, ЛНАУ, 2008. – С. 69–72.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Бондарева А. В. Оперативно-служебная деятельность сотрудников территориальных органов НКГБ–НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (На материалах Курской области): автореф. дисс. канд. ист. наук. – Курск, 2002. – 30 с.

2. Говоров И. В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР, 1944–1949 гг. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Санкт-Петербург, 1998. – 21 с.

3. Ермолов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – Тверь, 2005. – 279 с.

4. Ермолов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Тверь, 2005. – 24 с.

5. Ирлицин В. И. Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – ноябрь 1942 г. (на материалах Калининской области): дисс. ... канд. ист. наук. – Тверь, 1998. – 220 с.

6. Коровин В. А. Коллаборационизм на территории Курской области в 1941–1943 гг.: формы проявления, политико-правовые и социальные последствия: дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2015. – 520 с.

7. Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из плена и окружения: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2017. – 20 с.

8. Махалова И. А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации: дисс. .... канд. ист. наук. – М., 2020. – 277 с.

9. Молодова И. Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: дисс. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2010. – 263 с.

10. Никифоров С. А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941–1943 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2003. – 26 с.

11. Попов А. Ю. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной территории (1941–1944 гг.): автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук. – М., 2007. – 46 с.

12. Рымарев В. Е. Аграрная политика фашистской оккупационной власти в западных областях России, 1941–1943 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2000. – 162 с.

13. Чеченков К. В. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны: проблемы организации как фактор боеспособности: по материалам Западного региона РСФСР: дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2012. – 230 с.

14. Якутин А. В. Организация оккупационного режима на территории Смоленской области: июль 1941 г. – сентябрь 1943 г.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2009. – 26 с.

Статьи в периодических изданиях

1. Антонов П. Территория Временной оккупации // Бетлицкий вестник. 2003. №67. 20 августа; №71. 3 сентября.
2. Бирюкова М. И. Воспоминания об оккупации // Думиничские вести. 1994. 2 апреля.
3. Бурцев Ю. Немецкий староста // «Организатор» (Сухиничи). 2001. 16, 18 января.
4. «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...» // Юхновские вести. 2003. 4 марта.
5. Дудкина Е. Война не прошла стороной // Октябрь (Таруса). 2000. 14 января.
6. Калинин И. Жили мы на острове отчуждения // Калужские губернские ведомости. 2004. № 24.
7. Коренюк Н. Трудно жить с мифами // Огонек. 1990. № 46.
8. Котов Л. Восточный район в период оккупации // Край Смоленский. 2015. № 9. С. 41.
9. Макухин В.С. Темные страницы оккупации // Севская правда. 2006. 26 декабря.
10. Маркизова И. Воспоминания об оккупации // Юхновские вести. 2003. 4 марта.
11. Мангазеев И. А. Тверские коллаборационисты. // Вечерняя Тверь. 2001. 2–8 ноября.
12. Митрофанов С. Тайная жизнь бургомистра // Тульские известия. 2018. 13 ноября.
13. Млечин Л. Власов и власовцы // Новое время. 1990. № 43.
14. Новикова М. К. Предатель // Перекресток. Шумячский альманах. Смоленск, 2010. С. 25.

15. Прохоренков В. Воспоминания об оккупации // Бетлицкий вестник. 2003. 29 января.
16. Решин Л. Ю. «Русские пленные добровольно служить не идут» // Известия. 1990. 28 мая.
17. Стаценко Л. Душепродавец. Сухиничи. // Весть. 1994. 5 апреля.
18. Фомкин С. Т. «Связь поколений» // Новая жизнь (Спас-Деменск). 2005. 12 января.
19. Шалыгин И. Воспоминания об оккупации // Козельск. 1994. 13 августа.
20. Шалыгин И. Соль поваренная: Как это было? // Родной край (Хвастовичи). 1999. 17 сентября.
21. Шалыгин С. Черные дни оккупации // Родной край (Хвастовичи). 1997. 19 августа.

Интернет-ресурсы

1. Белевский П. Из беседы с очевидцами оккупации [Электронный ресурс]. URL: <https://0gnev.livejournal.com/318077.html> (дата обращения 25.07.2019).
2. Воспоминания М. Г. Афиногеновой [Электронный ресурс] // Сайт «По ком звонят боровские колокола». URL: <http://www.borovsk-repression.ru/?article=2&id=42> (дата обращения: 13.12.2018).
3. Воспоминания Л. Е. Виноградовой // [Электронный ресурс] // Сайт «По ком звонят боровские колокола». URL: <http://www.borovsk-repression.ru/?article=2&id=41> (дата обращения: 13.12.2018).
4. Воспоминания об оккупации // [Электронный ресурс]. URL - <https://reich-erwacht.livejournal.com/169412.html>: (дата обращения 11.09. 2018).

5. Воспоминания Фомичева В. П., Волкова Ю. И. [Электронный ресурс]. Сайт «По ком звонят боровские колокола». URL: <http://www.borovsk-repression.ru/?article=2&id=48> (дата обращения: 14.09. 2018).

6. Говоров И. В. Фильтрация советских репатриантов в 40-е гг. XX вв.: цели, методы, итоги // [Электронный ресурс] URL: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1287429593&archive=1398261453&start_from=&ucat=& (дата обращения: 20. 11. 2018).

7. Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956гг.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/014/251/1217/002Zemskov.pdf> (дата обращения: 16.12.2018).

8. Из докладной записки начальника Управления НКВД по г. Москве и Московской области № 1/512 в НКВД СССР о работе оперативной группы УНКВД в г. Можайске и Можайском районе 28 февраля 1942 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.warmech.ru/Mozgai/mozgb821.html> (дата обращения: 10.01.2019).

9. Ковалев Б. М. Коллаборационизм: казнить или помиловать? Интервью радио «Эхо Москва» от 12 мая 2008. Электронный ресурс URL: <https://echo.msk.ru/programs/victory/513765-echo/> (дата обращения: 24.12.2018).

10. Мазанова Е. С. Водители. Электронный ресурс – сайт «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/voditeli/mazanova-ekaterina-semenovna/> (дата обращения: 18.07.2019).

11. Никифоров С.А. Местные вспомогательные органы власти на оккупированной территории Центрального Черноземья в период Великой отечественной войны. Известия Регионального финансово-экономического института. – 2013. – № 2 (2). Электронный ресурс – электронный научный

журнал URL: <https://science.rfei.ru/ru/2013/2/35.html> (дата обращения: 27.11.2018).

12. Оборина М.Н. Партизаны. Электронный ресурс – сайт «Я помню». URL: <https://iremember.ru/memoirs/partizani/oborina-mariya-naumovna/> (дата обращения 06.09.2019).

13. Овчинников В. Боровский район под немецкой оккупацией. Электронный ресурс – По ком звонят боровские колокола. URL: https://www.solonin.org/other_v-ovchinnikov-borovski-rayon (дата обращения 18.03.2020).

14. Огороков А. В. Великая Отечественная война и «советский коллаборационизм» Электронный ресурс. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2011/02/06/velikaja-otechestvennaja-vojna-i-sovetskij-kollaboracionizm-1830.html> (дата обращения 11.02.2019).

15. Оккупационный режим Смоленской области в 1941–1943 гг. Электронный ресурс. URL: <https://www.sites.google.com/site/ocerkipoistoriirodnyhmest/okkupacionnyj-rezim-v-smolenskoj-oblasti-1941-1943g-g> (дата обращения: 13.01.2019).

16. Парфирьев Д. Wer sind Sie? Herr Burgermeister? Забытый бургомистр Орла Александр Старов. Электронный ресурс. URL: <https://parfiryeff.livejournal.com/tag/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 30.03.2019).

17. Родченков В. Правда о войне. Жизнь в оккупации. Часть II. Электронный ресурс. URL: <https://www.stihi.ru/2013/01/23/6745> (дата обращения: 17.02.2019).

18. Саран Л.А. Органы власти на оккупированной Орловщине 1941 – 1943 гг. Электронный ресурс. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2005/896-organy-vlasti-na-okkupirovannoj-orlovshchine-1941-1943-gg> (дата обращения: 22.02.2019).

19. Стельмах В.М. Оккупационная политика гитлеровцев. Электронный ресурс. URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/politika-2> (дата обращения: 18.02.2019).

Литература на иностранных языках

1. Cohen L. R. Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2013. – 384 p.
2. Cooper M. Nazi war against sowiet partisans. N.Y. 1979. – 216 p.
3. Edele M. Stalin's Defectors. How Red Army Soldiers became Hitler's Collaborators, 1941- 1945 / Mark Edele. Oxford: Oxford University Press, 2017. – 240 p.
4. Eikel M., Sivaieva V. City Mayors, Raion Chiefs, and Village Elders in Ukraine, 1941-1944: How Local Administrators Co-Operated with the German Occupation Authorities // Contemporary European History. 2014. Vol. 23. №. 3. Pp. 405-428.
5. Exeler F. What Did You Do during the War? Personal Responses to the Aftermath of Nazi Occupation // Kritika. 2016. Vol. 17. No. 4. Pp. 805–835.
6. Hirsch F. The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order // American Historical Review. 2008. Vol. 113. № 3. Pp. 701–730.
7. Kunz N. Die Krim unter deutscher Herrschaft 1941–1944. Germanisierungsutopie und Besatzungsrealität / Norbert Kunz. Darmstadt: Wiss. Buchges., 2005. – 448 S.
8. Munoz A. Hitler Easter Legions. Vol. II. The Osttruppen. New York, 1997. 96 p.

9. Prusin A. «Fascist Criminals to the Gallows!» The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 – February 1946 // Holocaust and Genocide Studies. 2003. Vol. 17. № 1. – Pp. 1–30.
10. Rings W. Life with the Enemy: Collaboration and Resistance in Hitler's Europe, 1939–1945. New York: Doubleday and Company, 1982. – 351 p.
11. Schulte T. The German Army and Nazi Policies in occupied Russia. N. Y. Muenich, 1980. – 390 p.
12. Viola L. Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine / Lynne Viola. N. Y: Oxford University Press, 2017. – 304 p.

Приложение

Таблица № 1. Действия коммунистов и кандидатов ВКП(б) в период оккупации Смоленской области¹

Основание исключения из партии	Количество членов ВКП(б)	Количество кандидатов в члены ВКП(б)
Боролись в партизанских отрядах	394	115
Помогали партизанам	131	80
Пассивное поведение	718	310
Работали на немцев	191	124
Изменники Родины	90	62
Погибли в борьбе с врагом	94	31
Угнаны в тыл врага	121	90
Расстреляны немцами	177	66
Выбыли в РККА	1087	621
Эвакуированы в советский тыл	953	241
Пропали без вести	151	74
Добровольно ушли с немцами	14	13
Не выяснено, где находятся	664	838
Итого	4354	2665

¹ Щеров И.П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941–1944): типы и проявления в годы оккупации. Смоленск, 2005. С. 89.

Таблица № 2. Создание оккупантами территориальных органов местного самоуправления¹

Наименование территориальной структуры	область	Начало оккупации территории	Образование и начало деятельности оккупационной структуры
Комягинская волостная управа	Трубчевский район, Орловская область	конец августа 1941 г.	ноябрь 1941 года
Красногорская районная Управа	Клинцовский округ	август, 1941 г.	конец ноября 1941 г. – начало 1942 г.
Стеченская волостная управа	Погарский район Орловской области	конец августа 1941 г.	ноябрь 1941 г.
Навлинская районная управа	Локотской округ, Орловская область	6-7 октября	Конец ноября 1941 г.
Локотское уездное управление с 1942 г. Локотское окружное самоуправление	Брасовский район Орловской области	октябрь-ноябрь, 1941г.	Конец ноября 1941 – начало 1942 г.
Трубчинская волостная управа	Брянский район, Орловской области	Октябрь 1941 г.	декабрь 1941 г. – начало 1942 г.
Шведчиковская волостная управа	Севский район, Орловская область		Конец ноября 1941 – начало 1942 г.
Климовская районная управа	Орловская область	конец августа, 1941 г.	Конец ноября 1941 г.
Владимирская волостная управа	Смоленская область		1941 г.
Ершицкая районная управа	Смоленская область	август, 1941	ноябрь, 1941 г.
Стодолиценская районная Управа	Смоленская область	6 августа 1941 г.	ноябрь, 1941 г.
Калужское земское управление	гор. Калуга	сер. октября. 1941 г.	Конец ноября - Начало декабря 1941 г.
Стародубская Управа	гор. Стародуб, Орловская область	сер. августа 1941 г.	декабрь, 1941 г.
Спас-Деменская Управа	гор. Спас-Деменск, Смоленская область	начало октября 1941 г.	сер. ноября 1941 г.

¹ Составлено: ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 85. ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 273. Ф. Р-2574. Оп. 1. Д. 2. Ф. Р- 2575. Оп. 1. Д. 4. Ф. Р-2576. Оп. 1. Д. 5. Ф. 2646. Оп. 1. Д. 1. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 11, 15, 16, 27, 40, 39. ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 9. Ф. Р-2594. Оп.1. Д. 17. Ф. Р-2618. Оп. 1. Д. 2. Ф. Р-1776. Оп.1. Д. 1. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д.10. ГАКО. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 4. Ф. Р-997. Оп. 1. Д. 2. Писаренко И. С. Немецкая оккупация Барятинского, Думиничского и Сухиничского районов // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С. 188–191; Его же. Фашистская оккупация г. Калуги и оккупационный режим (октябрь–декабрь 1941г.) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 5. Киров, 2004. С. 92–106; Речь (Орел). 7 декабря, 10 декабря.

Сухиничская управа	Сухиничский район, Смоленская область	Октябрь, 1941	ноябрь, 1941 г.
Мосальская районная управа	Мосальский район, Смоленская область	Октябрь 1941 г.	Конец ноября 1941 г.
Юхновская районная управа	Юхновский район, Смоленская область	Октябрь 1941	Начало декабря 1941 г.
Козельская управа	Орловская область	Октябрь 1941	Конец октября 1941 года

Таблица № 3. Список волостных старшин, действовавших на территории Калужской, Орловской, Смоленской, Брянской, Тверской областей¹

Фамилия, имя, отчество	Географический район	Примечание
Семкин А. В.	Старшина Осетищенская волость, Смоленская область	Бывший председатель колхоза 20-й год Октября, Шумяцкий район. Судьба неизвестна.
Саполков Е.	Старшина Мутищенская волость, Смоленская область	Бывший канд. ВКП (б). Уничтожен партизанами.
Кружаленков Ю.	Бургомистр Мокровской волости, Смоленская область	Уничтожен немцами через действия партизан, пославших на него компрометирующий материал.
Алехин А. В.	Смоленская область	Бывший образцовый работник колхоза. Арестован на срок 10 лет ИТЛ в 1942 г.
Еськов С. С.	Старшина Поляновской волости, Смоленская область	Снят немцами за укрывательство продукции и подвергнут штрафу.
Кустов А. А.	Старшина Подбужской волости, Смоленская область	Бывший кулак. Судьба неизвестна.
Лесников Н. П.	Старшина Леоновской волости, Смоленская область	Помогал партизанам, добился отпуска из Рославльского лагеря ряда крестьян-заложников. Отпущен органами НКВД в 1943 г.
Шпаков Е. Е.	Старшина Палкинской волости, Смоленская область	Имеются как факты пособничества, так и помощи партизанам. Оправдан ВТ войск НКВД
Фильченков В. Ф.	Бобровичская волость, Смоленская область	Обвинялся свидетелями в пособничестве. Работал на партизан. К ответственности не привлечен
Крутов А. А.	Старшина Матвеевской волости, Орловская область	Работал на партизан

¹ Составлено: ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 355. Д. 951, 1487. Ф. 8. Оп. 1. Д. 229, 366. Ф. 142. Оп. 2. Д. 411. ГАСО. Ф. Р-2574. Оп. 1 Д. 2. Ф. Р-2575. Оп. 1 Д. 8. ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 490; ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 334. Чеченков К. В. Партизанский отряд «В бой за Родину»: война в тылу врага // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XI-й Всероссийской науч. конференции, 5–7 апр. 2005 г. Калуга, 2005. С. 191–193. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 355. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 102. АУФСБ КО. Ф. 2. П-10263. ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 3. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М., 1971. С. 27. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область. М., 2020. С. 371.

Семенов И. Р.	Гнездиловская волость, Смоленская область	Помогал подпольному госпиталю. Ушел с немцами. Судьба неизвестна.
Баранов А.	Котельническая волость, Курская область	Являлся руководителем карательного отряда численностью в 40 - 50 человек. Отряд неоднократно выезжал в деревни для поимки партизан, выявления советского актива, а также грабежа населения. Судьба неизвестна.
Сергутин И. И.	Алешкинская волость, Орловская область	Прикрывал от немцев партизанского старосту
Парфененков Е. С.	Самолубовская волость, Смоленская область	Получил повышенный оклад в 550 р. за участие в борьбе против партизан
Чумаков С. С.	Нововиловская волость, Смоленская область	Помогал партизанам
Царьков А. М.	Понизовская волость, Духовщинского района, Смоленская область	Дезертировал из рядов РККА. Расстрелян по решению Особого совещания в 1942 году
Блинов А. В.	Боловская волость, Спас-Деменского района, Смоленская область	Снят с работы начальником района в 1943 г. за неудовлетворительные результаты волости
Васильев А. А.	Лугашевская волость, Калининская область	Бывший агроном при МТС. Отправил крестьянку Фирсову в комендатуру за отказ работать. Судьба неизвестна.
Кузин Р. С.	Полпинская волость, Брянский округ Орловская область	Работал на партизан, передавал информацию о дислокации немецких войск в районе Брянска.
Сурков М. Я.	д. Глебово, Ржевский район Калининская область	Пытался восстановить льнозавод. Арестован в августе 1942 года. Особым совещание при НКВД осужден по ст.58-1А к 10 годам.
Мухина М. И.	Мочальниковский сельсовет, Износковского района Смоленской области. Женщина.	Со слов жителей, во время оккупации проявляла прогерманскую активность. Органами государственной безопасности взята на учет. На 1943 год ушла с немцами.

Таблица № 4. Судьбы сельских старост западнорусской деревни в 1942–1943

гг.¹

Фамилия	Населенный пункт	Деятельность по источникам	Судьба	Даты деятельности
1942 год				
Литенков П. Е.	д. Чемуты Ельнинский район, Смоленская область	Уличен оккупантами в злоупотреблении на службе	Арестован немцами	1942
Ефремов И.	Семлевский район, Смоленская область	Незаконное хранение оружия, пьянство	Расстрелян немцами	1942
Киселев	Куйбышевский район, Смоленская область	Помощь партизанам	неизвестна	1941-1942
Зайцев	Орловская область	Партизанил, стрелял в немцев, выводил окруженцев, связник партизанского отряда	Погиб в перестрелке с оккупантами	1942
Никитин	д. Чубарово Новодугинский район, Смоленская область	Активно помогал немцам при сборе фуража и изъятии имущества	Покончил с собой при угрозе ареста НКВД	1942
Согачев	Новодугинский район,	Занимал должность старосты	Снят с работы, арестован НКВД	1942

¹ Составлено: ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 944, 1481, 1487, 1140. ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 398. ГАСО. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 1. ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 29. ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 8. АУФСБ СО. П-25185-с. АУФСБ КО. Ф. 2. П-9453. ГАСО. Ф. Р-2646. Оп. 1. Д. 1. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2003. С. 322; Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область. М., 2020. С. 372.

	Смоленская область			
Денисов	Ново-дугинский район, Смоленская область	Занимал должность старосты	Снят с работы, арестован органами НКВД	1942
Кочергин	Карамышевский сельсовет	Занимал должность старосты	Арестован РО НКВД	1942
Власов В. А.	д. Косянино, Дзержинский район, Смоленская область	Занимал должность старосты	К ответственности не привлекался, так как не выявлены обстоятельства пособнической деятельности	1942
Акишин	д. Сивцево, Тарусский район, Тульская область	Староста, донес немцам на разведчиков	Расстрелян по решению ВТ	1942
Павлов	Колхоз «им Ворошилова»	Занимал должность старосты	Приговорен к аресту сроком на 10 лет ИТЛ	1942
Жемерихин	д. «Красное знамя», Сухиничского района, Смоленская область	Занимал должность старосты	Приговорен к аресту сроком на 10 лет ИТЛ	
Попов С. М.	д. Анастасино, Касплянский район, Смоленская область	Дезертировал из партизанского отряда	Расстрелян по решению партизанского суда	1942
Шаповалов Г. К.	д. Макутино, Ярцевский район, Смоленская область	Ничего компрометирующего не обнаружено	Расстрелян НКВД при угрозе повторной оккупации района	1942

	область			
Дворянов	д. Старая Михайловка, Боровский район, Московская область	Занимал должность старосты	Арестован и осужден на срок в 10 лет.	1942
Капустин	д. Шилово, Боровский район, Московская область	Не оказывал помощи раненым, занимал должность старосты	Арестован на срок в 10 лет ИТЛ	1942
Миронов	с. Ворсино, Боровского района, Московская область	Занимал должность старосты, обвинение в активном пособничестве	Приговорен к ВМН	1942
Морозов	с. Лапшинка, Боровский район, Московская область	Занимал должность старосты, обвинение Военного Трибунала в активном пособничестве	Расстрелян, позже реабилитирован	1942
Макаров	д. Марьевка, Куйбышевский район, Смоленская область	Активная помощь немцам	Убит партизанами	1942
Аверкин	Шумячский район, Смоленская область	Помощь населению	Арест НКВД в 1942 г. 10 лет. В конце 40-х гг. вышел.	1942
Савельев	д. Фроловка, Троснянский район, Орловская область	Помогал немцам	Расстрелян партизанами	1942
Смолин	с. Никольское Лаптевский район	Обвинялся в помощи немцам, показал картофельные запасы, распространял листовки	Расстрелян по приговору ВТ трибунала	1942

Амелин	Староста с. Маклаки, Думиничский район, Смоленской области	Занимал должность старосты. В антипартизанских акциях не участвовал.	5 лет ИТЛ.	1942
1943–1944 гг.				
Романенков	д. Тимошенки, Руднянский район, Смоленская область	Занимал должность старосты	Призван на военную службу	1943
Леонов	Русско-Бродский район, Орловская область	Занимал должность старосты	Исключен из партии и арестован. Срок 10 лет.	1943
Цыганков		Служил старостой, предавал патриотов	15 лет ИТЛ	1944
Матвеев	Руднянский район, Смоленская область	Служил старостой в деревне	Снят должности председателя колхоза при обнаружении фактов сотрудничества	1944
Бахарев	Касплянский район, Смоленская область	Занимал должность старосты в деревне, выдавал партизан	Арест 10 лет ИТЛ	1943
Козлов М. А.	д. Семеновщина, Смоленская область	Занимал должность старосты	Отправлен на фронт, в штрафную роту	1943
Денисов П. Д.	д. Зори Смоленский район,	староста	Отправлен в штрафную роту	1943

Авдеев И.	д. Власово, Ржевский район, Калининская область	Староста. Посадил в темный амбар колхозника Кузьмичева М. за хищение им овса с целью накормить семью.	Осужден по ст. 58-1А на 10 лет лишения свободы	1943
Александров Д. В.	д. Матренино, Износковский район Смоленской области	Староста. По информации следствия, во время оккупации был неактивен. Пронемецкой позиции не занимал.	В угоне немцами	1943
Чернов Е.	д. Мочальники, Износковский район Смоленской области	За неисполнение приказов немецко-фашистских оккупантов несколько раз арестовывался.	Умер при немецком угоне.	1943
Крымов А.	д. Пронькино, Износковский район Смоленской области	Помогал партизанам, германские приказы не исполнял.	Расстрелян немцами.	1942–43.
Миронова К.	Ивищи, Износковский район Смоленской области	Во время оккупации неактивна. Пронемецкую позицию не занимала.	на 1943 год живет в Медыни.	1943.

Таблица № 5. Нормативно-правовые акты институтов Советского государства, регулирующие политику государства по отношению к предателям и пособникам в период 1941–1943 гг.¹

Нормативно-правовой акт	Дата	Комментарий
Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о предоставлении Особому совещанию при Народном комиссаре Внутренних дел союза ССР права применять конфискацию имущества	21 декабря 1940	<p>Предоставить Особому совещанию при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР право применять в качестве дополнительной меры к лицам, подвергаемым, по решению Особого совещания, заключению в исправительно-трудовые лагеря, ссылке, высылке, — полную или частичную конфискацию лично:</p> <p>б) по делам о контрреволюционных и других преступлениях, когда следствием установлено, что имущество приобретено незаконным путем или было использовано в преступных целях.</p>
Постановление политбюро ЦК ВКП (б) «об изменниках Родине»	19 августа 1940 г.	<p>Для усиления борьбы с изменниками родине провести следующие мероприятия:</p> <p>1. Во всех случаях измены Родине (побег или перелет за границу) расследование производить и материалы передавать в Военные трибуналы для предания изменников родине суду в 10-тидневный срок.</p> <p>2. Военным трибуналам решения по делам об изменниках родине выносить в течение 48 часов со дня получения материалов расследования.</p> <p>4. Военной Коллегии Верховного Суда Союза</p>

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 5. Там же. С. 8–9, 67, 114, 138, 204, 557. Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006. С. 324. Там же. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2000. С. 176. Там же. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 413. Там же. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 175. Там же. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2000. С. 557; Дюков А. Р. Милость к павшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009. С. 14. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2003. С. 428. Там же. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» 1 января – 3 июня 1943 года. М., 2008. С. 104; Там же. С. 401–402. Там же. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 года. М., 2008. С. 572. Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006. С. 405–406. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 года. М., 2008. С. 302.

		ССР при утверждении приговоров Военных трибуналов по делам изменников родине выносить решения о привлечении к уголовной ответственности членов семей изменников родине.
Указ Президиума Верховного Совета СССР о военном положении	22 июня 1941 г.	в целях безопасности государства военным властям областей, находящихся на военном положении, предоставлялось право выселять в административном порядке лиц, признанных социально-опасными по своей преступной деятельности, а органам применять репрессивные меры. Образование Военных трибуналов с полномочиями ускоренного судопроизводства.
Директива НКГБ СССР №136 «О задачах органов безопасности в условиях военного времени»	24 июня 1941 г.	Сотрудники специальных органов обязаны были пресекать всякого рода антисоветские проявления, арестовывать паникеров и трусов, организовывать решительную борьбу с бандитско-повстанческими группами, контрреволюционными элементами.
Совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокуратуры СССР	28 июня 1941 г.	в случае смерти возможного изменника сотрудникам правоохранительной системы необходимо проводить тщательное расследование на предмет его преступных действий, а члены семей лиц, осужденных по 58 статье, привлекать к ответственности. Если деяние не попадало под действие этой статьи, то самое ближайшее окружение к ответственности не привлекалось.
Директива НКГБ СССР № 177	2 июля 1941 г.	Поясняла, что, если антисоветский элемент оказывал поддержку и содействие структурам советской власти, и тому есть подтверждение, подобных лиц не арестовывать. По инструкции, выселению не подлежали: нетрудоспособные мужчины, женщины старше 60 лет, а также больные здоровьем, пока не пойдут на поправку.
Постановление ЦК ВКП (б) о нераспространении панических и ложных слухов во время войны	6 июля 1941 г.	предупреждало жителей территории об ответственности за ложные слухи в виде ареста сроком от 2 до 5 лет тюрьмы, если не имелось последующих отягчающих обстоятельств.
Постановление ЦК ВКП (б) об организации борьбы в тылу германских войск	18 июля 1941 г.	ЦК ВКП (б) требует, чтобы руководители партийных организаций лично руководили всей борьбой в тылу немецких войск. Необходимо создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать

		захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских, подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов.
Приказ НКВД СССР об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника	12 декабря 1941г.	Приказ не давал права сотрудникам государственной безопасности расстреливать подозреваемого. Каждое ведомство обязано было организовать при НКВД тюремное помещение, позднее развернув следственную работу по определению преступных действий подозреваемых. Лиц, причастных к антисоветской работе, требовалось немедленно арестовывать.
Постановление ГКО «о семьях лиц, сотрудничавших с германскими властями»	27 декабря 1941 г.	НКВД предписывалось семьи лиц, служивших в административно-карательных органах немецких властей, а также добровольно отступивших вместе с фашистами, после проведения следствия, решением Особого совещания НКВД выселять в отдаленные области Советского Союза.
Приказ Прокурора СССР	31 января 1942 г.	Прокуроры обязаны лично следить за ведением расследования контрреволюционных дел.
Особое указание НКВД СССР	18 февраля 1942 г.	Инструкция указывала брать на немедленный учет всех лиц, которые прямо или косвенно помогали оккупантам от крупных представителей администрации, шпионов и карателей до кучеров, прачек, истопников. Дальнейшая приписка гласила, что последние из перечисленных категорий при отсутствии на них серьезного компромата к ответственности привлекать не следовало. Всех остальных лиц, в том числе старост, старшин, бургомистров, полицейских приписывалось задерживать и вести следствие.
Дополнение к постановлению ГКО «о привлечении к ответственности семей изменников Родины».	24 июня 1942 г.	Совершеннолетние члены семей изменников, осужденных по ст. 58-1а и приговоренных к ВМН за службу в карательных, административных учреждениях, шпионаж подлежали аресту и ссылке в отдаленные места СССР сроком на 5 лет. К такому же наказанию привлекались и семьи лиц, заочно осужденных к ВМН за добровольный уход с оккупантами. Документ пояснял, что к категории «член семьи изменника» относили: отца, мать, мужа,

		жену, сыновей, дочерей; братьев, сестер, если последние жили совместно с изменником. не подлежали аресту и ссылке семьи тех изменников, в составе которых после должной проверки было установлено наличие военнослужащих Красной армии, героически сражающихся с врагом, партизан, а также лиц, оказывающих содействие советской власти и партизанам.
Директива НКВД СССР № 33 об организации оперативной работы в городах и районах, освобожденных частями Красной Армии от войск противника,	26 января 1943 г.,	Предписывала в освобожденные города и районы направлять оперативно-следственные группы, возглавляемые исключительно опытными работниками, в обязательном порядке снабдив такие группы необходимыми соответствующими материалами. Аресту в немедленном порядке подлежали руководящие лица немецкого административного аппарата: бургомистры, полицейские, старосты, а также активные немецкие пособники из числа местного населения.
Указ Президиума Верховного совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».	19 апреля 1943 г.	Лица, сотрудничавшие с врагом, изменники, участвовавшие в расправах над мирным населением, военнопленными, карались немедленной смертной казнью через повешение. Пособники, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами наказывались ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.
Директива НКВД СССР	1 июля 1943 г	Подтверждение положений директивы от 26 января 1943 г.
Постановление за № 22/м/16/у/сс Пленума Верховного Суда СССР «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками»	25 ноября 1943 г.	Лица, выполнявшие задания немецких захватчиков по сбору продовольствия, фуража и вещей для нужд германской армии, по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и сельского хозяйства или оказавшие иное активное содействие, при отсутствии в их действиях активных тяжелых признаков подлежали ответственности как пособники по ст. 58-3 УК РСФСР. Не подлежали к привлечению к уголовной ответственности: а) советские граждане, занимавшие административные должности при немцах, если было установлено, что они оказывали помощь

		<p>партизанам, подпольщикам и частям Красной армии или саботировали выполнение требований немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества или другими способами содействовали борьбе с оккупантами; б) мелкие служащие административных учреждений, рабочие и специалисты, занимавшиеся своей профессией (врачи, ветеринары, агрономы, инженеры, учителя и т.п.), если они не совершили преступных действий, подпадающих под пункты 1 и 2 настоящего постановления. Добровольная явка с повинной, при отсутствии тяжких последствий преступной деятельности обвиняемого, рассматривалась как смягчающее вину обстоятельство</p>
<p>Спецсообщение Л. Берии «Об аресте лиц, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями»</p>	<p>28 декабря 1943 г.</p>	<p>В отношении тех лиц из числа фольксдойче, на которых будет достаточно оснований для привлечения к суду военного трибунала, - судить, всех остальных фольксдойче вместе с семьями выселять в отдаленные районы СССР. Предписывалось также высылать семьи тех «фольксдойче, которые будут осуждены по суду.</p>

Таблица № 6. Социальный портрет высокопоставленных представителей коллаборационной администрации Калининской, Калужской, Московской, Орловской, Смоленской и Тульской областей¹

Фамилия	Должность	Деятельность до войны	Населенный пункт, где служил коллаборант
Горицкий	Начальник управы	Учитель пения	Районный центр гор. Красногорск
Сатунин	Заместитель начальника Управы	Член РК ВКП(б), чиновник	Районный центр гор. Красногорск
Семенов, 50 лет	Начальник района		Себежский район
Варно	Начальник района	Учитель географии	Новозыбковский район
Солянкин	Начальник района	бухгалтер	Осташевский район
Моишеев	Бургомистр города	Сын чиновника Земской управы	гор. Можайск
Бектошев, 50 лет	Бургомистр города	инженер	гор. Себеж
Зуев, 60 лет	Бургомистр города	Служащий отдела торговли	гор. Венев
Салтыков, около 30 лет	Заместитель бургомистра	Учитель немецкого языка	гор. Венев
Павлов	Бургомистр	Бывший инженер мебельной фабрики	гор. Трубчевск
Филимонов, около 50 лет	Бургомистр	Бывший работник отдела торговли	гор. Стародуб
Колесников	Бургомистр	Бывший юрист райпотребсоюза	гор. Таруса

¹ ГАДНИКО. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 563. Л. 12. Д. 628. Л. 3. Д. 665. Л. 13, 14, 18, 25. ТЦДНИ, Ф. 147. Оп. 3. Д. 349. Л. 333. Ф. 479. Оп. 1. Д. 663. Л. 100–111. ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 136. Л. 5; Ф. 2608. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–3. ГАНИСО. Ф. 8 Оп. 2. Д. 83. Л. 4. Органы госбезопасности в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1. Т. 3. М., 2003. С. 177. Сталиногорское направление. С. 250–254. Война народная (очерки истории всенародной борьбы на оккупированной Смоленщине 1941–1943 гг.) С. 203. Кулик С. В. Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 31.

Корендовский	Бургомистр	Эстонец, бывший торговец	пос. Сухиничи
Янтсон	Начальник города и земской Управы	латыш	гор. Спас-Деменск
Жуковский	Бургомистр	Капельмейстер духового оркестра	гор. Юхнов
Орехов	Бургомистр	Начальник литейного цеха Фаянсового завода	гор. Киров
Аристов	Бургомистр	Сын архитектора	гор. Рославль
Грознов	Бургомистр	ветеринар	пос. Барятино
Иванов	Бургомистр	Бывший торговец-нэпман	гор. Людиново
Щербачев	Бургомистр	Бухгалтер-пенсионер	гор. Калуга
Меньшагин	Бургомистр	юрист	гор. Смоленск
Дружинин	Бургомистр	Бывший волостной писарь, секретарь ведомства	пос. Угодский завод (ныне г. Жуков)
Баранов	Бургомистр	Сын раскулаченного	гор. Севск, (ныне Брянская область)
Капранов	Бургомистр		гор. Дорогобуж, Смоленская область
Клебек	Бургомистр	Бывший работник железнодорожного отдела рабочего снабжения	гор. Малоярославец
Кувшинов	Бургомистр и начальник района	Ст. мастер школы фабрично-заводского обучения	гор. Щекино и Щекинский район Тульской области
Засухин	Начальник Боровского района		Боровский район
Чикачев	Бургомистр района	Бывший главный агроном райзо исполкома, член ВКП(б)	пос. Знаменка Смоленской области
Старов	Бургомистр города	Счетовод /бухгалтер	гор. Орел
Молчанов	Районный бургомистр	Директор школы	гор. Починок, Смоленская область
Волков	Бургомистр поселка	1 бургомистр Хвастовичей. Убит партизанами	пос. Хвастовичи
Бондарев	2 бургомистр поселка	2 бургомистр поселка с 1942 года. ранен партизанами при их налете в начале 1942 года	пос. Хвастовичи
Матюхин	1 староста села	Бывший председатель колхоза в Ульяновском районе	с. Ульяново
Беляев	2 староста села	По документам активно помогал немцам	с. Ульяново

Таблица № 7. Сведения о сборе военного налога по Таборской волости Издешковского района Смоленской области на 5 декабря 1942 года¹

Название общин	Рожь (цент.)		Сено (цент.)		Мясо (цент.)		Молоко (л.)	
	план	вып.	план	вып.	план	вып.	план.	вып.
Щербинино	5110	860	26000	26000	240	5	1920	2179
Таборы	4025	2116	23600	23600	66	15	480	695
Рассвет	1700	879	12000	7600	56	14	720	978
Никитинка	4375	400					1200	1303
Васино	3383	1661					1440	1446
Вороново	4900	3265			200	69	2880	2806
Селяшки	2800	1658			184	63	1440	2126
Славково		2681					1920	2353

¹ ГАСО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 2. Л. 121.